

В. М. МАССОН

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ

Книга представляет собой систематизированный обзор методов разработки реконструкции древних социальных и хозяйственных систем, известных лишь по данным археологии. В ней рассматриваются проблема предмета археологической науки, вопросы применения системного подхода к материалам археологии, дается обзор таких хозяйственных систем древности, как добыча и производство продуктов питания, домашние промыслы и ремесло, предложен общий очерк истории обмена и торговли, эволюции древних поселений и погребальных обрядов в связи с вопросами общественного развития. В заключении дается опыт построения периодизации истории первобытного общества. Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. М. МАССОН

ЭКОНОМИКА
И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ
ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ

(в свете данных археологии)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1976

V. M. MASSON

ECONOMY AND THE SOCIAL SYSTEM
OF THE ANCIENT SOCIETIES

M $\frac{10602-505}{042(02)-76}$ 128-75

© Издательство «Наука», 1976

Замечательные археологические открытия второй трети XX столетия обнаружили новые, ранее неизвестные очаги древних культур и цивилизаций, почти вдвое увеличили продолжительность человеческого общества, привели к пересмотру традиционных представлений о примитивности духовной и материальной культуры первобытного человека. Благодаря развитию массовых средств информации эти открытия стали широко известными, а археологическая наука приобрела большую популярность, как бы уравновешивая элементами романтики рассудочный стиль эпохи научно-технической революции.

Вместе с тем прогрессирующая цепная реакция новых открытий имела огромное значение и для самой археологии. Ее фактологическая база увеличилась в несколько раз, а сложность и «непонятность» многих феноменов, не укладывающихся в рамки традиционных и привычных представлений, порождали недоверие и скептицизм. Достаточно вспомнить первую реакцию на сенсационные раскопки Л. Лики в Восточной Африке. В других случаях простое количественное увеличение добытых материалов ставило совершенно новые исторические задачи, нагромождая перед исследователями горы объектов. Привлечение методов естественных и точных наук существенно расширяло познавательные возможности археологии и фундированность выводов и заключений, предлагаемых на основе археологических данных.¹ В этих новых условиях значительно усложнились вопросы исторических реконструкций, базирующихся на материалах археологии. Некоторые исследователи стали попросту обходить различные аспекты таких реконструкций, ограничиваясь публикацией материала, определением его хронологии, этнокультурных или историко-культурных связей. Появились и теоретические разработки, ограничивающие задачи археологии такой первичной классификацией и публикацией добываемых объектов. С другой стороны, конкретное исследование археологических материалов как источника по вопросам истории хозяйства и общественных отношений начало подме-

¹ Рыбаков Б. А. Археология в эпоху научно-технической революции. — Наука и жизнь, 1972, № 3.

няться трафаретными рассуждениями, традиционными штампами, механически присоединяемыми к археологическим публикациям. Об этом справедливо писал видный советский археолог-первобытник С. Н. Замятнин: «Данные археологии часто привлекаются только как иллюстрации тех или иных положений, априорно принимаемых... Возможности, заложенные в археологических источниках, используются далеко не полностью и подчас заменяются приведением ставших уже привычными, неоднократно повторяемых традиционных выводов и немногих поверхностных этнографических сопоставлений».²

Между тем огромный новый археологический материал и новые приемы его анализа открывают широчайшие возможности в изучении экономических и общественных структур древности. Именно эти данные позволяют характеризовать законы-тенденции, а иногда и конкретные ситуации в экономике и общественных отношениях в первую очередь в эпоху первобытнообщинного строя. Задача заключается не в привнесении социологии в археологию, а в выработке методики, позволяющей делать социологические выводы и заключения на массовых археологических материалах. Советские археологи были зачинателями этого важнейшего направления в изучении памятников древности еще в конце 20-х—начале 30-х гг. XX в. Определенные методические разработки осуществлялись и в более позднее время. Большие возможности здесь открывает применение методов системного и структурного анализа в их методологической соподчиненности марксистско-ленинской теоретической основе всего комплекса гуманитарных наук, в том числе и археологии.

В настоящей работе автор попытался систематизированно изложить накопленный опыт реконструкций экономики и социальных структур древних обществ. Естественно, значительное внимание уделено тем областям, с которыми его связывала исследовательская работа, в первую очередь Средней Азии и Ближнему Востоку. Надо надеяться, что подобная систематизация усилит внимание исследователей к тому важнейшему направлению археологической науки, актуальность которого сейчас становится особенно ощутимой.

² Замятнин С. Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. — ТИЭ, н. с., 1960, т. XIV, с. 80.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Этнографические исследования и сведения письменных источников дают огромный фактический материал, характеризующий различные стороны древних обществ, начиная с весьма архаических этапов до первых классовых формаций. Вместе с тем конкретная картина наиболее ранних периодов развития человеческого общества и тех древних культур, которые либо совсем не освещены в письменных источниках, либо освещены лишь с какой-либо одной стороны, всецело связана с исследованием и интерпретацией данных археологии. Археологические материалы — это та реальная вещественная основа, которая непосредственно была связана с обществами прошлого и, естественно, сохранила информацию об этих обществах. Вопросы извлечения информации, методологических основ социологических реконструкций, методических приемов, позволяющих делать соответствующие выводы и заключения, давно находятся в сфере исследования археологической науки. Особенно большое внимание изучению экономики и социальной структуры древних племен уделяют советские археологи, что связано со специфическими особенностями советской археологии и существенно отличает наши книги от большинства зарубежных монографий. Вместе с тем в последние годы наблюдается тенденция к простому повторению привычных и трафаретных формулировок, механически прилагаемых к новым материалам. Таковы, в частности, многие рассуждения о патриархальных или матриархальных отношениях, помещаемые и тогда, когда имеющиеся конкретные данные не содержат оснований даже для постановки соответствующих вопросов. Совершенно ясно, что при происходящем процессе совершенствования процедуры археологического исследования методы социологических реконструкций на базе данных археологии нуждаются в дальнейшей разработке. Более того, сложилось и пропагандируется мнение, что такие реконструкции вообще не относятся к компетенции археологии и археологов.

Рассмотрение поднятых проблем приводит нас к вопросу об объекте и предмете археологии как науки. Приобретение наукой логической структуры предполагает прежде всего более или ме-

нее строгое выделение предмета изучения.¹ Относительно объекта археологической науки больших разногласий не возникает — это сами древности, материализованное, предметное воплощение различных сторон деятельности человеческих обществ прошедших эпох. Сложнее обстоит дело с вопросом о предмете археологии.

Хорошо известно большое внимание, которое уделяют западноевропейские и американские исследователи вопросам процедуры археологического исследования, логике научного анализа, последовательности этапов соответствующих операций.² Параллельно разрабатываются подробные, порой весьма сложные, коды описания археологических объектов.³ Разумеется, все подобные поисковые работы, направленные на совершенствование археологической методик, могут только приветствоваться. Однако следует иметь в виду, что теоретические разработки в области археологии, ведущиеся западными исследователями, не являются обособленными, а тесно связаны с общим развитием западной философии, особенно с теоретическими разработками в сфере социологии и — в американском понимании этого термина — антропологии. При этом заметно проявляется воздействие неопозитивизма и в меньшей мере, по терминологически весьма ощутимо — бихевиоризма. Как известно, неопозитивизм предложил теоретическое обоснование различных видов эмпирических методов исследования⁴ и сам факт широкого использования логико-математических категорий и операций представляет собой прогрессивное явление.⁵ Однако гносеологическим источником неопозитивизма можно назвать фетишизацию формального аспекта познания, преувеличение познавательных функций формальной логики.⁶ Характерно стремление уйти от ответа на основной вопрос философии, провозглашение «нейтралитета» по отношению к нему, причем на деле этот «нейтралитет» оборачивается идеализмом чистейшей воды.⁷ Как отмечает Г. А. Курсанов, один из ведущих советских философов, при свойственной неопозитивизму абсолютизации логико-математических операций и категорий «исчезает» объективное содержание науки как результата отражения

¹ Логика научного исследования. М., 1965, с. 292.

² См., например: Malmér M. 1) Jungneolithische studien. — Acta Archaeologia Lundensia, Lund, 1962, № 2; 2) Metodproblem inom järnålderns Konsthistoria. — Ibid., 1963, № 3, p. 248—266.

³ Ковалевская В. Б. Центр анализа археологических материалов во Франции. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

⁴ Андреева Г. М. Эволюция методологических основ современной буржуазной социологии. — В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970, с. 216.

⁵ Курсанов Г. А. Филипп Франк и его философия науки. — В кн.: Франк Ф. Философия науки. М., 1960, с. 10.

⁶ Нарский Н. Неопозитивизм. — Философская энциклопедия, М., 1967, т. 4, с. 48.

⁷ Коп И. С. Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки. — ВИ, 1963, № 9, с. 47.

в нашем сознании закономерностей материального мира, „исчезает“ объективный смысл и познавательное значение научных законов, понятий, сама связь между которыми формализуется и в конце концов лишается всякого реального смысла».⁸ Особенной атаке неопозитивистами была подвергнута причинность явлений, которую предлагалось заменить корреляцией или вероятностью отношений в виде эмпирического обобщения.⁹ Вместе с тем хорошо известно, что благодаря ссылкам на опыт и науку, благодаря умению создавать видимость «научности» неопозитивизм оказывает наиболее утонченное и развращающее влияние на естествоиспытателей и вообще на научную интеллигенцию.¹⁰

Неопозитивистские влияния, господствовавшие долгое время в западной социологии, с 60-х гг. начали оказывать заметное воздействие и на западную археологию. Положительный результат — постановка ряда серьезных проблем логики и методики научного познания; отрицательный — сознательное или бессознательное обращение отдельных исследователей к идеализму. В частности, распространяется признание такого фундаментального понятия археологии, как тип, одной лишь абстракцией, складывающейся в голове исследователя, а также чрезмерное увлечение формализованными процедурами, когда нагромождаются аналитические и дескриптивные схемы, не имеющие реального выхода в новых выводах и заключениях. Такое стремление к внешней точности и объективности привело и к сужению предмета археологии, ярче всего проявившемуся в концепции «доистории» как особой науки.

Вопрос о выделении «доистории» как особой области знания рассматривался многими авторами, но наиболее полно и систематично он разработан И. Раузом в его последней книге «Введение в доисторию».¹¹ Обычно в англоязычной литературе термин «доистория» понимается как история дописьменной эпохи.¹² Аналогичных временных рамок придерживается и Рауз, но при этом он прилагает большие усилия к тому, чтобы разработать понимание доистории как особой науки со своим предметом исследования и понятийным аппаратом. Рауз считает археологию прикладной дисциплиной и аналитической наукой, изучающей объекты материальной культуры, делящей их на категории и исследующей отношения между этими категориями. Доистория же является, по его словам, синтетической дисциплиной, занимающейся на основе

⁸ Курсанов Г. А. Указ. соч., с. 9.

⁹ Чесноков Д. Исторический материализм и современная буржуазная социология. — В кн.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961, с. 835—836.

¹⁰ Курсанов Г. А. Указ. соч., с. 7; Андреева Г. М. Указ. соч., с. 216.

¹¹ Rouse I. Introduction to Prehistory. New York, 1972.

¹² Trigger B. G. Beyond History. The Methods of Prehistory. New York, 1968, p. 3.

археологических материалов реконструкцией дописьменной эпохи с привлечением данных культурной, физической, социальной и лингвистической антропологии (в американском понимании антропология — это в первую очередь этнография). Вместе с тем, добавляет Рауз, разработанная научная процедура и системная формализация делает доисторию дисциплиной не гуманитарной, а научной (scientific), с характерным для многих буржуазных ученых противопоставлением гуманитарии и естествознания.¹³ Последнее — не что иное, как повторение традиционного утверждения неопозитивистов о том, что, например, социология может стать естественной (т. е. точной) наукой благодаря лишь одному применению статистической процедуры.¹⁴ В равной мере мы видим в построениях Рауза и такую характерную черту неопозитивистской методик, как утрата формализуемым материалом качественных характеристик.¹⁵ Так, в предлагаемой Раузом системе социальной структуры общества в ряду институтов связи фигурируют как однопорядковые элементы и семья, и род, и политическая партия, и класс, и возрастная группа.¹⁶ Определяющее и ведущее положение классов в этой структуре оказывается, таким образом, затушеванным внешне объективной формализацией.

С нашей точки зрения, выделение «доистории» в качестве особой науки имеет два аспекта. С одной стороны, сходные во многом цели и задачи стоят перед доисторией и особым разделом исторической науки — историей первобытного общества, само выделение которой связано с таким важнейшим социально-экономическим явлением, как общественная формация, а не со вторичным, хотя и ярким признаком — письменностью. С другой стороны, выделение «доистории» направлено на выхолащивание исторической природы археологической науки, на искусственный разрыв собственно археологического и интерпретационного уровней исследования в археологии. Представляется, что интерпретационный уровень исследования данных археологии с разработкой различных процедур реконструктивных построений лежит в сфере археологической науки. Это видно и по исходному используемому материалу, и по специфике его методической обработки, учитывающей необходимость целевой обусловленности и постановки задачи на всех стадиях, начиная с полевых изысканий. Так внешне объективное процедурное разграничение двух наук на деле ведет к преуменьшению значения содержательного анализа, к превращению археологии в формальное вещеведение.

В отличие от Рауза американские археологи «группы Л. Бинфорда» с энтузиазмом отстаивают познавательные возможности археологии. Возникнув как реакция на засилье в американской

¹³ Rouse I. Introduction. ., p. 242.

¹⁴ Маккинни Д. Ч. Методология, процедура и техника социологии. — В кн.: Беккер Г., Босков А. Указ. соч., с. 234.

¹⁵ Андреева Г. М. Указ. соч., с. 217.

¹⁶ Rouse I. Settlement Pattern in Archaeology. — MSU, p. 102, tab. 2.

археологии взглядов, восходящих к так называемой культурантропологии,¹⁷ и будучи близкими в своих истоках к прогрессивным взглядам Лесли Уайта,¹⁸ учеником которого является Л. Бинфорд, представители этого направления широко применяют гипотезно-дедуктивный метод, активно стремятся к изучению сущности происходящих процессов и установлению закономерностей изучаемых явлений.¹⁹ Сторонники «новой археологии» полагают, что археология с ее изменяющимся во времени материалом имеет определенные преимущества по сравнению с антропологией (т. е. с этнографией), ограниченной статикой сохранившихся систем. Бинфорд выступает против ограничения археологии одним лишь статичным знанием материальной культуры. В археологических объектах-артефактах, отмечает он, имеется различная информация об исчезнувших социокультурных системах и задача заключается в том, чтобы эту информацию извлечь.²⁰ Бинфорд и его последователи указывают на необходимость различения трех видов объектов-артефактов, связанных с технической или экономической, с социальной и с идеологической подсистемами.²¹

Одной из задач «новой археологии», становящейся в последнее время все более популярной на Западе, объявляется научная реконструкция истории по культурным остаткам.²² К числу недостатков этого течения следует отнести и известный налет технологического детерминизма, и некоторое пренебрежение конкретно-историческим подходом, и, пожалуй самое главное, рассматривание как равнодействующих величин в структуре древних обществ всех выделяемых подсистем. Особенно заметно воздействие таких внешне формализованных неопозитивистских схем проявилось в большой книге К. Ренфрю, посвященной проблеме сложения крито-микенской цивилизации. В его схеме древнего общества фигурируют как равноценные и хозяйство, и социальные отношения, и идеология, и обмен, и торговля и даже народонаселение.²³ В результате рисуется лишь статическая картина взаимных связей равнозначных величин, затушевывающая существенные, системообразующие части и взаимодействия. Это

¹⁷ Харт Ч. У. М. *Культурантропология и социология*. — В кн.: Беккер Г., Босков А. Указ. соч., с. 596—600, 615—617. — Соответствующий уровень развития американской археологии хорошо суммирован в кн.: Willey G., Phillips Ph. *Method and Theory in American Archaeology*. Chicago, 1958.

¹⁸ Аверкиева Ю. П. *Современные тенденции в развитии этнографии США*. — В кн.: *Современная американская этнография*. М., 1963, с. 34—35.

¹⁹ Binford L. S. *Archaeological Perspectives*. — In: *Man's Imprint from the Past*. Boston, 1971, p. 164—173.

²⁰ Martin P. S. *The Revolution in Archaeology*. — AA, 1971, v. 36, № 1, p. 5—6.

²¹ Binford L. S. *Archaeology as Anthropology*. — In: *Man's Imprint...*, p. 251—252; Martin P. S. *Op. cit.*, p. 7.

²² Watson R. D. *The «New Archaeology» of 1960's*. — *Antiquity*, 1972, v. XLVI, № 183, p. 214.

²³ Renfrew C. *The Emergence of Civilization*. London, 1972, p. 488.

же явление, кстати, характерно и для весьма интересной книги английского археолога Д. Кларка, который, сделав очень много для разработки процедуры исследования археологических источников, при попытке построения более высокого порядка остался в плену подобных неопозитивистских разработок.²⁴

Как отмечают авторы, рассматривающие вопрос о специфическом предмете исследования отдельных наук, объект изучения обычно ясен уже на начальной стадии исследования, тогда как наука формируется в полном смысле слова лишь с установлением закономерностей в изучении объекта.²⁵ В археологии этот этап наступил с установлением факта наличия типологических закономерностей в развитии объектов материальной культуры, и до наших дней типологический метод со всеми его модификациями и усовершенствованиями полностью сохраняет свое значение как один из ведущих в археологии. Поэтому абсолютно неоправданы утверждения, что лишь с введением элементов математической логики и статистических процедур впервые появляется некая «чистая», подлинно научная археология. В равной мере нельзя согласиться с отрывом археологии от комплекса гуманитарных наук под формальным предлогом того, что объектом изучения археологии являются материальные (физические) предметы. Иногда, например, говорится, что по своим целям археология ни естественная, ни социальная и ни гуманитарная наука (в западном понимании этого термина), а некая область исследования, где встречаются все эти три вида научных дисциплин.²⁶ Однако никакое применение методики, заимствованной у смежных дисциплин, их или иных вспомогательных методов не меняет существа дела. Имея дело не просто с некими абстрактными физическими объектами, а с предметами, изготовленными человеком, археология на всех уровнях исследования остается тесно связанной комплексом наук о человеке, образуя одну из составляющих его дисциплин. Уже само вычленение объекта археологии, т. е. предметов, сделанных рукой человека или активно используемых им, из массы прочих физических предметов (вспомним проблему золигов), ясно определяет гуманитарную природу археологии. Как справедливо отмечает Е. Неуступный, на такой начальной стадии изучения, как определение некоего предмета в качестве топора, интуитивно используется этнографическая модель.²⁷

Вопрос определения предмета отдельных наук встал особенно остро в связи с дифференциацией научных знаний, и уточнение

²⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Апалитической археологии» Дэвида Кларка. — СА, 1970, № 3, с. 270.

²⁵ Лармин О. В. О предмете демографии и ее методологических проблемах. — В кн.: Очерки методологии познания. . . , с. 300.

²⁶ Isaacs G. L. Whither Archaeology? — *Antiquity*, 1971, v. XLV, № 178, p. 123.

²⁷ Neustupny E. Whither Archaeology? — *Antiquity*, 1971, v. XLV, № 177, p. 37.

соответствующих формулировок — естественный и довольно сложный процесс. Так, при определении предмета исторической науки особое значение придается изучению истории общества в ее конкретно-хронологическом проявлении, исследованию генетических связей общественных систем.²⁸ Один из авторов прямо пишет: «Предметом истории является изучение законов общественного развития в их конкретных проявлениях. Ее задача — воспроизвести историческую действительность в единстве необходимого и случайного, восстановить реально пройденный человеческий путь во всех его зигзагах, во всем многообразии и неповторимости происшедших событий».²⁹ *Предметом археологии, с нашей точки зрения, является изучение закономерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших отражение в этих объектах.* Возможности археологии здесь значительно шире, чем это представляется многим сторонникам противопоставления дописьменной и письменной эпох. Как справедливо отмечал Ю. Н. Захарук, археологические источники нередко полнее и объективнее, чем источники письменные, отражают такую существенную сторону общества, как материально-производственная деятельность.³⁰ Более того, в ряде случаев, когда формально налицо письменная история, в силу ограниченного числа документов или отсутствия их дешифровки археологические материалы остаются важнейшим, а порой и единственным источником для заключений по истории хозяйства и общественных отношений. В таком положении, например, находится история Средней Азии VI в. до н. э.—V в. н. э., харалпской Индии и в значительной мере доацтекских цивилизаций Мезоамерики.

При разработке методологии археологической науки перво-степенное значение имеет вопрос о ее связи с историческим материализмом. Следует считать, что для археологии, так же как и для других гуманитарных наук, исторический материализм является теорией высшего разряда. Эта роль исторического материализма, как всеобщей методологии познания, хорошо известна и общепризнанна.³¹ Более того, по мере закономерного процесса дифференциации научных знаний усиливается интегрирующая методологическая функция исторического материализма.³² В ар-

²⁸ Приписнов В. И. О соотношении исторического материализма и исторической науки. — ВФ, 1961, № 1, с. 105; Лавровский В. М. К вопросу о предмете и методе истории как науки. — ВИ, 1966, № 4, с. 74; Килунов А. Ф. Применение конкретно-социологических исследований в исторической науке. — ВИ, 1972, № 1, с. 37.

²⁹ Гулыга А. В. История как наука. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 19.

³⁰ Захарук Ю. Н. О методологии археологической науки и ее проблемах. — СА, 1969, № 3, с. 13.

³¹ Константинов Ф., Келле В. Исторический материализм — марксистская социология. — Коммунист, 1965, № 1, с. 13.

³² Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970, с. 4.

геологии отражением процесса дифференциации является тенденция обособления в особый специфический раздел процедуры археологического источниковедения, или критики источника, что представляет собой явление закономерное и прогрессивное. Однако противопоставление двух уровней археологического исследования — критики источника и реконструкций — как раз и ведет к дезинтеграции, прикрывающейся фиговым листком формализованных операций. Само разделение двух уровней в пределах единой науки обусловлено спецификой объекта, поскольку предметы материальной культуры в отличие от письменных источников не создавались специально как средства хранения и передачи информации, а были лишь результатом, условием или спутником реконструируемых явлений и процессов.³³ При таких обстоятельствах критика источника, т. е. выработка процедуры, необходимой для его прочтения, приобретает особое значение.

Схематически процесс анализа археологических источников можно представить в следующем виде (рис. 1). На уровне источниковедческого анализа первым этапом является обнаружение источника, включающее серию полевых процедур. Далее следует этап критики источника, состоящий из целого ряда кабинетных процедур. Здесь производится учет структуры объекта, формальная классификация, учет полноты и количественная оценка. Существует ряд схем детальной разработки аналитических приемов, применяемых на этом этапе. Отметим лишь, что целый ряд процедур этого этапа находится в прямой зависимости от постановки задач, определяемых уже исходя из целей, преследуемых на следующем уровне исследования, интерпретационном. На этом уровне, как нам представляется, следует различать по крайней мере две разные области интерпретации — этнокультурную и социологическую. К первой области относят вопросы этнокультурных связей, этнической принадлежности, реконструкции быта и образа жизни людей, создавших изучаемые объекты. *К сфере социологической интерпретации, с нашей точки зрения, следует отнести вопросы реконструкций экономических, общественных и идеологических структур древних обществ, производимых на основе археологических материалов как в плане определения общих закономерностей, так и частных явлений и процессов.* В этой сфере археология исследует те разделы предмета науки, которые связаны с закономерностями развития определенной группы структур человеческого общества, нашедших отражение в материалах, являющихся объектом науки. Возможно, соответствующие разделы в рамках единой археологической науки следует именовать этнокультурной и социологической археологией. Здесь еще раз можно подчеркнуть неправомерность отнесения этих интерпретационных операций к области «доистории». Необходимо

³³ Ракитов А. И. К вопросу о структуре исторического исследования. — В кн.: *Философские проблемы...*, с. 177.

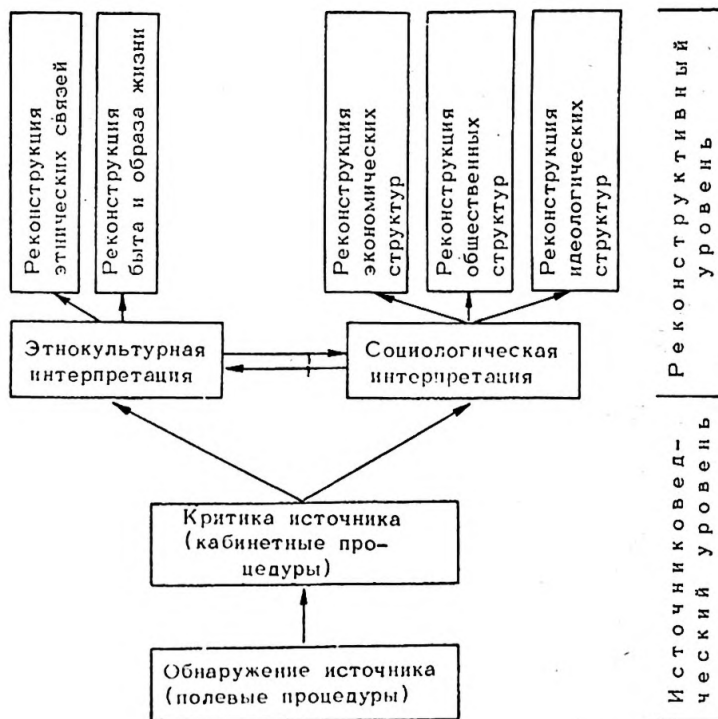

Рис. 1. Схема исследовательских уровней в интерпретации данных археологии.

отметить методологическое и методическое сходство экономических и социальных реконструкций, осуществляемых на археологических материалах как первобытной (дописьменной) эпохи, так и времени классовых формаций. Это сходство основано на практической идентичности объекта археологии независимо от его хронологического положения.

Разработка сферы социологической интерпретации в археологии особенно тесно связана с методологической функцией исторического материализма. Основные принципы в этом направлении были разработаны ленинградскими и московскими археологами в конце 20-х—начале 30-х гг., когда были заложены исходные теоретические основы советской археологии.³⁴ Фактически в данном

³⁴ Назовем только некоторые из этих работ: Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры. — ИГАИМК, 1930, т. 7, в. 3—4; Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии». — СГАИМК, 1932, № 1—2; Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее. — ИГАИМК, 1933, в. 65; Арциховский А. В. Социологическое изучение эволюции земледельческих орудий. — Тр. Секции социологии

случае имела место разработка теории археологической науки путем выведения ряда исходных положений из суждений другой науки, носящих более общий характер, что является достаточно обычным путем формирования оснований науки.³⁵ К сожалению, изложение этих принципов разбросано по целому ряду отдельных работ, нередко окрашенных полемическим задором и отягощенных грузом явных ошибок и передержек. Отсутствие систематизированного обзора теоретических взглядов, сложившихся в этот период, является заметной лакуной в историографии. С нашей точки зрения, исходные теоретические позиции, основанные на применении к археологии марксистско-ленинского мировоззрения, и прежде всего теории исторического материализма, можно кратко свести к трем основным тезисам.³⁶

Во-первых, археология стала трактоваться как историческая наука, а не раздел естественных наук или искусствоведения. В качестве реакции на фетишистское вещеведение появился термин «история материальной культуры». Советские исследователи рассматривали вместе с тем всемирную историю как процесс, в котором принимали участие все нации и народы. В методическом и тематическом отношении этот методологический подход выразился в стремлении изучать массовый материал, а не только предметы роскоши, исследовать функции вещей, а не только их типологические ряды, в комплексном всестороннем подходе к изучаемым памятникам, в широкой постановке этнокультурной тематики вопросов этногенеза и истории всех народов, населявших территорию СССР.

Вторым отправным тезисом явилось положение о закономерном поступательном характере исторического процесса, исходящее из учения об историческом детерминизме, и причинной связи явлений. При этом, однако, поступательный характер не приравнивался к примитивному эволюционизму, постоянно подчеркивалась внутренняя сложность данного процесса, связанная с выделением качественно отличных этапов. В методическом отношении признание причинной и закономерной связи культуры с базисом, общественного строя с производительными силами открывало широкие возможности реконструктивных построений на основе данных археологии. Сложившееся в 30-е гг. учение о стадильности в материальной культуре в своих исходных теоретических позициях было связано с концепцией детерминизма

РАНИОН, 1926, т. 1; Брюсов А. Я. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926; Ефименко П. П. Значение женщины в ориньякскую эпоху. — ИГАИМК, 1931, т. 11, в. 3—4.

³⁵ Логика научного исследования, с. 295.

³⁶ Массон В. М. Развитие теоретических основ советской археологии. — В кн.: Теоретические основы советской археологии. Тез. докл. Л., 1969. См. также изложение общих принципов советской археологии: Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954, с. 5, 7; Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М., 1972, с. 3, 17—21.

и тезисом о закономерном характере исторического процесса, хотя его воплощение обычно страдало нарочитой прямолинейностью.

Третьим отправным тезисом советской археологии было признание производительных сил и производственных отношений в качестве движущих сил исторического процесса, понимание социально-экономической системы в качестве определяющего фактора истории. В методическом и тематическом плане этот тезис нашел выражение в уделении особого внимания экономике и общественным отношениям, в изучении истории техники, особенно орудий труда, истории хозяйства, в постановке комплексных раскопок поселений как памятников, отражающих социальное состояние и хозяйственную систему оставившего их общества, в изучении могильников как отражения социальной структуры общества.

Вместе с тем в 30-х гг. в процессе активного утверждения исходных положений археологии имел место целый ряд ошибок и заблуждений как теоретического, так и методического характера. Прямолинейно-социологический подход привел к гипертрофированному автохтонизму, как единственному объяснению исторического развития, и к стадиальности, понятой механистически, без учета диалектической сложности реальных исторических процессов. Отсюда упрощенность, прямолинейность и схематизм, характеризовавшие многие построения. Недооценивался уровень источниковедческой обработки археологического материала, предпринимались попытки дискредитации вещевого материала и типологического метода как такового. Главными недостатками работ 30-х гг. были отрыв от конкретной истории, от фактического массового археологического материала, заслонение схемами реальных человеческих коллективов и исторических событий. Учитывая эти ошибки и недостатки, следует вместе с тем использовать положительный опыт ранней советской археологии, уделявшей большое внимание вопросам социологических реконструкций, хотя, как правило, и в методически поспешной форме.

Одним из важных направлений современной разработки социологических реконструкций на базе археологических материалов является системный подход, широкое распространение которого в последние годы связано с унификацией научного знания, ориентирующегося на выяснение целостной картины целостных объектов. Исследователи отмечают разный характер направленности системного анализа в технике и естественных науках, с одной стороны, и гуманитарных областях знания — с другой. В гуманитарии специфика заключается зачастую в фактической нерасчлененности объекта и предмета исследования, что позволяло до определенного предела понимать системность и автономность объекта как своего рода неразвернутый постулат. Поэтому в данном случае направление поиска идет по линии обнаружения структур-

ных отличий, позволяющих описывать объект как бы изнутри, за счет новой организации эмпирического материала.³⁷ Впрочем, в последнее время вообще ставится вопрос о том, что системный подход сам по себе как таковой не дает решения проблемы непосредственно, но является орудием новой постановки проблемы, и прежде всего «орудием определенной организации предметного содержания исследования», направленной на постановку и решение проблем, связанных с выявлением законов функционирования и развития объекта.³⁸

В литературе уже поставлены задачи применения системного подхода в общественных науках,³⁹ хотя и отмечаются значительные сложности, возникающие на пути реализации этих задач.⁴⁰ В археологии системный подход особенно важен при решении проблем именно социологических реконструкций, поскольку в данном случае мы имеем дело не с расчлененными и довольно простыми объектами, а с целым комплексом элементов, находящихся в сложной системе взаимных связей и опосредствований. Как известно, важными моментами системного подхода являются понятия целостности и иерархичности. При этом целостность объекта означает принципиальную несводимость его свойств к сумме свойств составляющих элементов, а иерархичность подразумевает, что каждый компонент, составляющий систему, может рассматриваться как своего рода подсистема, тогда как система — лишь компонент макросистемы.⁴¹

Соответственным образом, например, древние виды хозяйственной деятельности можно рассматривать как своего рода системы, входящие в макросистему экономического базиса и отличающиеся высокой степенью целостности. Весьма перспективно рассмотрение и древнего поселения в его материальном воплощении как своего рода системы, объединяющей в числе прочих элементов и такую подсистему, как жилище. Группа древних поселений (или оазис) будет уже представлять следующий структурный уровень — макросистему. Практически именно такой подход лежит в основе эмпирически разработанных методов палеоэкономического анализа.⁴² Для системного анализа имеется достаточно

³⁷ Системные исследования. М., 1972, с. 7.

³⁸ Юдин Э. Г. Методологическая природа системного подхода. — В кн.: Системные исследования. М., 1973, с. 50.

³⁹ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальных исследованиях. — ВФ, 1967, № 9; Маркарьян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972; Боряз В. Н. Молодежь. Методологические проблемы исследования. Л., 1973, с. 70 сл.

⁴⁰ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Указ. соч., с. 109.

⁴¹ Садовский В. И. Парадоксы системного мышления. — В кн.: Системные исследования. М., 1972, с. 134.

⁴² Бибииков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — СА, 1965, № 2; Массон В. М. Метод палеоэкономического анализа в археологии. — КСИА, 1971, в. 127. Подробнее см. настоящ. изд., с. 95 сл.

твердо разработанная терминологическая сетка, что облегчает его применение.⁴³ Разумеется, следует учитывать, что в применении к археологии в интересующем нас плане системный подход по существу позволяет лишь ставить задачи общего упорядочивания и более строгой логической организации материала, что определяется степенью обработки имеющейся информации. Вместе с тем в дальнейшем не исключено и построение достаточно сложных моделей с количественными показателями, позволяющими использование математических процедур.

В связи с поставленной проблемой необходимо коснуться еще одного методического вопроса. Хорошо известно широкое использование в археологии этнографических материалов, что само по себе вполне закономерно. Вместе с тем распространенная форма привлечения этнографических данных в качестве аналогии, как правило, не связана со строго отработанной научной процедурой. Как известно, понятие «аналогия» может быть сформулировано как перенос информации от модели к прототипу, причем необходимо предпочтение свойств, типичных для аналогии и прототипа.⁴⁴ Хотя обычно под аналогией подразумевается лишь заключение, ведущее к гипотезе, в практике мышления аналогия часто используется и для доказательства.⁴⁵

В интересующем нас аспекте интерпретации данных археологии особенно большое значение имеет такое этнографическое понятие, как «культурно-хозяйственный тип». Оно истолковывается как «исторически сложившийся комплекс особенностей хозяйства и культуры, характерный для народов, обитавших в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития».⁴⁶ Для конкретных культурно-хозяйственных типов характерны специфические особенности многих явлений материальной культуры: поселений, жилищ, пищи, одежды, утвари, средства передвижения и т. д.

Привлечение данных о культурно-хозяйственных типах, хорошо освещенных этнографией, в качестве модели при характеристике отдельных сторон жизни древних обществ, известных лишь по

⁴³ Холл А. Д., Фейджин Р. Е. Определение понятия системы. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969.

⁴⁴ Уемов А. И. Аналогия в практике научного исследования. М., 1970, с. 25, 256.

⁴⁵ Уемов А. И. Аналогия. — Философская энциклопедия, М., 1960, т. 1, с. 57.

⁴⁶ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Культурно-хозяйственные типы и историко-этнографические области. — СЭ, 1955, № 4, с. 4. См. также: Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — СЭ, 1972, № 2. Об опыте использования соответствующих понятий в археологии см.: Массон В. М. Культурно-хозяйственные зоны древней Индии. — В кн.: Индия в древности. М., 1964.

материалам археологии, и представляет собой один из вариантов использования аналогии,⁴⁷ являющейся по своему характеру аналогией качеств и свойств в археологической науке. При этом для ее строгого применения особенно необходимо восстановление древней природной среды — одного из важнейших условий формирования сходных культурно-хозяйственных типов. По существу древнейшие культурно-хозяйственные типы, по справедливому замечанию А. М. Решетова, формировались как экологическо-хозяйственные группы.⁴⁸ В дальнейшем изложении мы постараемся применять это важнейшее понятие этнографической науки именно как модель при реконструкции отдельных строн жизнедеятельности древних обществ.

Таким образом, можно заключить, что имеются все методологические и методические основания для использования данных археологии при изучении экономических и социальных систем древних обществ, оставивших соответствующие вещественные реалии. Прежде чем перейти к конкретному анализу отдельных видов археологических источников, остановимся кратко на общей характеристике самого предмета исследования — древнего общества в той общей форме, в какой его характеризует исторический материализм.

Как отмечают советские философы, К. Маркс и Ф. Энгельс по существу уже в «Немецкой идеологии» сформулировали материалистический взгляд на исторический процесс и содержание понятия общества как устойчивой системы, состоящей из целого ряда взаимосвязанных и взаимозависящих элементов.⁴⁹ Чтобы не повторять этот уже проделанный анализ, приведем заключение В. Н. Боряза, удачно нарисовавшего картину общества как единой структуры. «Элементы данной структуры, — пишет он, — таковы: живые индивиды; их материальное производство; производительные силы как основа и главная характеристика степени развития этого производства; материальные производственные отношения, обусловленные уровнем развития производительных сил; способ производства в целом как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений; мышление и формы сознания как идеальные отражения материального бытия людей; духовное производство, различные виды идеологии как очередная ступень идеальных образований, выводимых также из материального жизненного процесса; исторические формы общности людей; система общественных отношений как следствие материальных производственных отношений; явления надстройки

⁴⁷ Старченко А. А. Роль аналогии в познании. М., 1961; Уемов А. И. Аналогия в практике научного исследования, с. 232—234.

⁴⁸ Решетов А. М. Введение. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 3.

⁴⁹ Рожин В. П. Введение в марксистскую социологию. Л., 1962, с. 69; Боряз В. Н. Указ. соч., с. 70—80; Перфильев М. Н. Общественные отношения. Л., 1974, с. 69—73.

над материальными производственными отношениями индивидов как форма организации их общественных отношений».⁵⁰

Определяющим, системообразующим элементом всей системы является такой специфически общественный элемент, как материальное производство, но его воздействие выступает в других составляющих не прямолинейно и механистически, а, как правило, через сложную систему взаимозависимостей с наличием как прямых, так и обратных связей.

Ниже будут рассмотрены две важнейшие составные части древних обществ — материальное производство как основа их жизнедеятельности и общественные отношения, благодаря которым общество функционирует как единый организм. Разумеется, при этом в первую очередь мы будем исходить из конкретных археологических материалов, источниковедческая специфика которых частично и определила более дробные подразделения работы.

Материальное производство отчетливо распадается на две большие сферы — группу производств, связанных с получением и обработкой продуктов питания, и группу внепищевых производств. Охота, рыболовство, земледелие и скотоводство являются для древних эпох основными формами хозяйственных систем, входящих в производства первой группы. Археология в силу вещественного характера изучаемых ею объектов обладает особенно большими возможностями в изучении такой важной составной части производительных сил, как средства труда. В ряде случаев есть основания судить и о предмете труда. В изучении орудий труда древнейших обществ советская археология достигла особенно больших успехов благодаря исследованиям С. А. Семенова,⁵¹ получившим ныне признание мировой археологической науки. Вместе с тем, реконструируя древние хозяйственные системы, их следует рассматривать не только как своего рода технологические комплексы, но и в тесной связи с производственными отношениями, без которых их функционирование не может быть правильно понято.

Важнейший раздел политэкономической науки — вопросы распределения получаемого продукта — лишь в ограниченной мере может быть изучен на собственно археологических материалах. В этом отношении несколько особое положение занимают вопросы обмена и торговли, особенно не внутренней, а внешней, материальные следы которой в виде импортируемых объектов хорошо известны археологии. В последние годы советскими археологами предприняты усилия по рассмотрению экономики древних обществ как целостных функционирующих систем с ориентировочной оцен-

⁵⁰ Борзя В. Н. Указ. соч., с. 71.

⁵¹ Семенов С. А. 1) Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). — МИА, 1957, № 54; 2) Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

кой их производственного потенциала исходя из уровня удовлетворения естественных и общественных потребностей индивида. Этой проблеме будет посвящена специальная глава.

Общественные отношения и исторические общности людей могут быть проанализированы на основе таких археологических материалов, как древние жилища, древние поселения, погребения и могильники. Источниковедческая специфика привела к необходимости соответствующего тематического подразделения всего этого материала, освещающего предмет исследования как бы с разных сторон. В то же время именно благодаря разнообразию источников здесь открываются особенно большие возможности для проверки выдвигаемых гипотез. Последовательное рассмотрение сферы материального производства и сферы общественных отношений позволяет ставить вопрос и о создании синтетической картины развития древних обществ в той степени, в какой это позволяет современный уровень разработки данных археологии.

ДОБЫЧА И ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Обеспечение коллективов продуктами питания высокой калорийности — одна из центральных задач любой экономической структуры. По существу эмпирический поиск наиболее эффективных и рациональных способов получения пищи был главным стимулом развития первобытной экономики. Если рассматривать различные способы получения продуктов питания как определенные хозяйственные системы, то в пределах таких систем четко выделяются четыре основных элемента: сам объект эксплуатации (те или иные виды растительного или животного мира); орудия труда (средства труда), с помощью которых осуществляется получение и обработка соответствующих продуктов питания; природная среда, в которой протекает данный хозяйственный процесс; сам человек, основа производительных сил, центр всей системы, деятельность которого объединяла остальные элементы, а уровень интеллектуального и профессионального развития во многом определял сам способ хозяйства. Исходя из этого при реконструкции хозяйственных систем древности необходимо опираться на различные виды источников, содержащих информацию о соответствующих составных элементах. Таковы прежде всего фаунистические и растительные остатки, всесторонне изученные — с определением видов и числа особей, их возраста, частей туш, шедших в употребление. Особенно важно изучение древних орудий труда с функциональной точки зрения, с ориентировочной оценкой их эффективности и производительности в ходе экспериментальных работ. Наконец, необходимым условием всесторонней характеристики восстанавливаемой хозяйственной системы является реконструкция древней природной среды — определение плодородия эксплуатируемых почв, биотипов отлавливаемых животных, оценка биомассы исследуемого региона.¹ Следует подчеркнуть, что наибольший эффект дает совместное использование всех видов источников, открывающее большие возможности для корреляции и взаимной проверки.

¹ Butzer K. W. Environment and Archaeology. Chicago, 1964, p. 337—339.

питания древних охотников. Интересно отметить, что не все части животных представлены в равной мере: например, в Амблоне сравнительно мало черепов, немного конечностей, а целые скелеты, за исключением одного случая, не представлены.¹² Это позволяет заключить, что предварительная разделка туши производилась на месте добычи, вне территории стоянки. Среди остатков слонов, найденных на стойбищах, много молодых особей и детенышей. Природная среда, окружавшая стойбища, представляла собой прохладные суббореальные леса с открытыми болотистыми низинами. Сама стоянка Торральба располагалась на краю камышового болота под лесным склоном.

Совершенно ясно, что такая традиционная специализированная охота, охватывавшая длительный отрезок времени (мощность слоев Торральбы — 3,5 м, Амброны — 6,5 м), свидетельствует об отработанной системе охоты. Как известно, приемы охоты зависят от повадок животного, и эта зависимость тем сильнее, чем примитивнее охотничье снаряжение. Слабая техническая вооруженность охотников Торральбы, выступавших с рогатиной против слона, сомнений не вызывает.

По культурно-хозяйственному типу обитатели Торральбы и Амброны могут быть отнесены к группе бродячих охотников и собирателей лесов и саванн, что позволяет для реконструкции способов охоты на слонов использовать существующие этнографические материалы. По этим данным, охота на слонов в Африке осуществлялась с помощью ям, вырытых на пути движения стада, причем наиболее молодые особи чаще всего попадали в незамысловатые ловушки.¹³ Едва ли следует сомневаться в том, что выкапывание таких ям и их маскировка были вполне посильной задачей для ашельских охотников.¹⁴ С этой же целью могли использоваться также естественные углубления, топкие низины и заболоченные берега водных протоков. В этом отношении показательно и расположение стоянки Торральба на берегу болота. Не исключено, что одновременно с использованием естественных ловушек применялась загонная охота, когда окружающие слона охотники поражали его рогатинами.

В этих охотничьих приемах нашла проявление характерная особенность первобытной охоты — ее коллективный характер — охота требовала усилий значительного числа людей или всей группы в целом (будь то облава или рытье ямы, достаточно объемной, чтобы в нее мог попасть слон). По существу именно кооперация охотников стала первой формой кооперации.¹⁵ Эта производственная необходимость была основной экономической пред-

¹² Howell F. C. Op. cit., p. 124.

¹³ Soergel W. Op. cit., S. 163—165; Lindner K. Op. cit., p. 154—160; Семенов С. А. Указ. соч., с. 282—284.

¹⁴ Об этом справедливо пишет С. А. Семенов (указ. соч., с. 283).

¹⁵ Третьяков П. Н. Первобытная охота в Северной Азии. — ИГАИМК, 1935, в. 106, с. 259.

посылкой объединения людей в локальные группы или охотничьи общины, чьи стойбища раскапывают археологи. Овладение способом добывания пищи, который обеспечивал относительную стабильность, если не в масштабе локальной группы, то в пределах всей популяции, привело к численному росту населения, позволило широко освоить различные экологические зоны. Эффективность специализированной охотничьей экономики особенно заметна в сравнении с примитивным хозяйством собирателей и охотников тропической зоны, влачащих нищенское существование, как это хорошо видно на примере индейцев льяно в Ориноко¹⁶ или кубу — жителей Восточной Суматры.¹⁷ Их положение во многом объясняется и невысокой продуктивностью тропических лесов, дающих около 6 кг биомассы на 1 км².¹⁸ Не случайно, например, в Африке освоение зоны тропических лесов началось в сравнительно позднее время, в период мустье (100 000—35 000 лет тому назад), когда другие территории были уже относительно густо заселены.¹⁹ Хорошо известна большая роль высококалорийной мясной пищи в развитии человечества, и не исключено, что именно данное обстоятельство определило во многом прогрессивное развитие охотничьих общин Европы и Ближнего Востока в пору мустье и верхнего палеолита, в то время как на традиционной «прародине» человека роль растительной пищи все еще была велика. Изучение зубов молодых европейских неандертальцев позволило заключить, что главным объектом их питания было мясо травоядных животных.

Кооперация объясняет еще одну особенность палеолитической охоты — обратно пропорциональную зависимость между совершенством оружия и величиной добываемых животных. Охотник эпохи нижнего палеолита обладал весьма несовершенным стационарным оружием. Лишь объединенные усилия коллектива, возмещавшие эту низкую техническую вооруженность, при охоте на крупных млекопитающих сразу приносили ощутимый эффект: взрослая особь слона давала не менее 1 т мяса.

Картину сложившегося охотничьего хозяйства можно видеть во второй период, приходящийся на мустьерскую эпоху. К этому времени относятся бесспорные свидетельства обработки шкур животных кремневыми скребками,²⁰ хотя скорее всего подобная утилизация самых различных продуктов охоты имела место и в более ранние периоды. Экспериментальное изучение мустьерских скребков показало, что ими можно обработать за четыре

¹⁶ Народы Америки. Т. II. М., 1956, с. 329.

¹⁷ Маретти Ю. В. Кочевые кубу Восточной Суматры и их место на ступенях эволюции общества. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 95.

¹⁸ Bourlière F. Op. cit., p. 49.

¹⁹ Butzer K. W. Op. cit., p. 365, 375.

²⁰ Семенов С. А. Указ. соч., с. 157.

часа шкуру барана.²¹ В последнее время среди специалистов крепнет убеждение в том, что так называемые мустьерские остроконечники, во всяком случае какая-то их часть, не что иное, как наконечники копий и дротиков.²² Их появление знаменовало собой важнейший этап в совершенствовании дистанционного оружия. Неандертальцы охотились на многие виды животных, включая птиц.²³ Интересно, что птицы представлены взрослыми особями, хотя легче было, конечно, добывать молодых.²⁴ Возможно, это является косвенным указанием на развитие дистанционного оружия. Интересно наличие в одной из мустьерских пещер Кавказа костей лосося; причем, судя по размерам костей, отдельные экземпляры весили до 24 кг.²⁵

Но по-прежнему главную роль играла специализированная избирательная охота.²⁶ Так, охотники юга Русской равнины, известные по раскопкам стоянок Плоская и Сухой Лог, добывали преимущественно бизонов, обитатели тундры в Западной Европе начали специализироваться в охоте на мамонта,²⁷ обитатели среднеазиатской пещеры Аман-Кутан промышляли в основном муфлонов.²⁸ Ярким выражением такой специализации являются фаунистические остатки крымской пещеры Староселье, где кости дикого осла составляют 98,4%.²⁹ Вероятно, совершенно справедливо мнение о применении в последнем случае загонной охоты с использованием естественных обрывов и капыонов.³⁰ Высокую степень избирательной охоты демонстрируют мустьерские пещеры сочинской группы — Ахштыр, Воронцовская, Навалишенская, где 94—99% костных остатков принадлежат пещерному медведю.³¹ Видимо, такая интенсивная охота способствовала наряду с есте-

²¹ Коробкова Г. Ф. Экспериментальное изучение орудий труда и евных производств эпохи палеолита. — АО 1971 г., 1972, с. 172—173.

²² Любин В. П. Нижний палеолит. — В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 41. — Это положение, с нашей точки зрения, является одним из все увеличивающихся свидетельств в пользу мнения об отсутствии резкой грани между мустье и верхним палеолитом.

²³ В ашель-мустьерских слоях пещеры Кударо I встречены кости 85 видов животных (Любин В. П. Мустьерская эпоха на Кавказе. — В кн.: Тез. докл., посв. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, с. 13).

²⁴ Бурчак-Абрамович Н. И. Куриные в фауне палеолита и мезолита СССР. — В кн.: Тез. докл., посв. итогам полевых археол. исслед., с. 34.

²⁵ Любин В. П. Мустьерская эпоха на Кавказе, с. 13.

²⁶ Любин В. П. Нижний палеолит, с. 36—38.

²⁷ Butzer K. W. Op. cit., p. 36—38.

²⁸ Бибилова В. И. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан. — СА, 1958, № 3.

²⁹ Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. — МИА, 1958, № 71, с. 57.

³⁰ Верещагин Н. К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР. — В кн.: Матер. по фауне антропогена СССР. Л., 1974, с. 207.

³¹ Любин В. П. Нижний палеолит, с. 36.

ственным процессом дегенерации разорванных популяций полному исчезновению этого вида.³²

Таким образом, в специализированной охоте эпохи мустье, завершающей второй период развития охотничьего хозяйства, мы находим и элементы, указывающие на переход к новой качественной ступени (развитие дистанционного оружия, начало массовых облавных охот).

Полное проявление этих элементов характерно для третьего периода развития первобытной охоты, периода, пожалуй, наиболее совершенного и эффективного, нашедшего свое воплощение в охоте верхнепалеолитических общин. Верхний палеолит был временем необычайного расцвета охотничьего оружия дистанционного действия, расцвета, завершившегося изобретением лука и стрел. Всевозможные копья и дротики с разнообразными каменными и костяными наконечниками, варпации которых отражают локальные производственные и этнические особенности,³³ так называемые гарпуны, бумеранги, специальные копьёметалки, существенно увеличившие расстояние полета оружия, — таков далеко не полный перечень богатого ассортимента оружия верхнепалеолитических охотников. Несмотря на высказывавшиеся сомнения, можно считать установленным наличие боласа, различных небольших ловушек и силков. Наблюдается прогресс и в обработке такого продукта охоты, как шкуры; работа с верхнепалеолитическими скребками дала лучшие результаты, чем с мустьерскими. Важным дополнением технической оснащённости охотничьей общины явилось использование одомашненных волков, отмеченное для верхнего палеолита Восточной Европы³⁴ и как будто Сибири,³⁵ тогда как в Западной Европе наиболее ранние находки домашней собаки относятся лишь к VIII тыс. до н. э.³⁶ На первый взгляд несколько странным кажется раннее появление собаки у охотников за мамонтами, но если вспомнить, что в Мезине, где признаки одомашненного волка особенно выразительны, помимо остатков 116 особей мамонта, были обнаружены кости 63 лошадей и 83 северных оленей, то это явление станет вполне закономерным. Особенно ценной была собака для пеших охотников в тайге, поскольку лесным районам свойственна индивидуальная охота.³⁷ Недаром в Сибири вскоре появляются культовые

³² В е р е щ а г и н Н. К. Указ. соч., с. 228.

³³ Например, И. Г. Пидопличко отметил, что наконечники копий, найденные на поселении охотников на мамонтов в Межеричах, почти на треть длиннее наконечников стрел охотников на зубров, обнаруженных в Амвросовке (см.: Пидопличко И. Г. Позднепалеолитическое жилище из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, с. 137—138).

³⁴ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитическое жилище..., с. 99.

³⁵ А с т а х о в С. Н. Поселения Афонтовой горы и их место в палеолите Сибири. Автореф. канд. дис. Л., 1966, с. 12.

³⁶ D e g e r b o e M. One a Find of a Preboreal Domestic Dog. — PPS, 1961, v. 27.

³⁷ Народы Америки, т. II, с. 340.

захоронения собак — материальные свидетельства заботы благодарного охотника о своем усопшем друге.³⁸

Состав животных, кости которых обнаруживаются на стойбищах верхнепалеолитических охотников, отражает природные и климатические условия последнего оледенения с его несколькими интерстадиалами. Тундра, лесотундра и лёссовые степи — характерные типы ландшафтов верхнепалеолитической Европы. Однако было бы неверным прямолинейно сопоставлять плейстоценовую тундру Европы с соответствующей современной зоной, жмущейся к высоким широтам. В ней в отличие от приполярной тундры наших дней большая длина фотопериода и более высокая солнечная радиация способствовали большей эффективности процесса фотосинтеза. К. Батцер, отмечая богатство кормов для травоядных в плейстоценовой тундре, считает ее наряду с саванной оптимальным вариантом пищевых ресурсов для млекопитающих.³⁹ Поэтому если расчет биомассы для современной тундры Канады дает около 800 кг на 1 км², то для верхнепалеолитической Европы эту цифру надо увеличить почти втрое. Вероятно, в таких исключительно богатых возможностях природной среды во многом кроется объяснение феномена всестороннего расцвета культуры приледниковой зоны в эпоху верхнего палеолита.

Формы охоты в эту эпоху были направлены на максимально эффективную эксплуатацию природных ресурсов в соответствии с уровнем технической вооруженности. Центральную роль играла регулярная и хорошо организованная облавная охота, заканчивавшаяся уничтожением целых стад, на что указывает и количество добытых животных, и их поло-возрастной состав. Так, в Солютре у скалы, весьма благоприятной для загонной охоты, обнаружены остатки 50 000—100 000 диких лошадей.⁴⁰ Исключительно важное значение для верхнепалеолитических охотников Западной Европы имела охота на северного оленя, кости которого на ряде памятников составляют до 80% фаунистических остатков. В соответствии с биологическими особенностями оленя, являющегося стадным животным с сезонными миграциями, различаются открытые летние стоянки, где обнаруживаются кости только летних оленят, и зимние пещерные стойбища, в которых встречаются черепа самцов со сброшенными рогами.⁴¹

³⁸ В Якутии в неолитическом некрополе была обнаружена могила с черепом собаки, обсыпанным красной охрой, в сопровождении кремневых наконечников стрел (История Сибири. Т. I. Л., 1968, с. 124). Захоронение собаки, обсыпанной красной охрой, было обнаружено в палеолитическом жилище на Камчатке (см.: Диков Н. Н., Дикова Т. М. Памятники каменного века на Камчатке, Колыме и Чукотке. — АО 1972 г., 1973, с. 210).

³⁹ Butzer K. W. Op. cit., p. 374—375.

⁴⁰ Замятин С. Н. Указ. соч., с. 97—98.

⁴¹ Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа. М., 1953, с. 36—38.

Стоянки охотников на северного оленя известны и в палеолите Енисея.⁴²

По культурно-хозяйственному типу верхнепалеолитическое население Восточной Европы может быть отнесено к группе охотников тайги и тундры, ярким представителем которых являются так называемые оленные эскимосы Северной Америки. У них большие охоты на карибу устраивались осенью, когда отъевшиеся олени шли в леса. При этом применялись система засад у переправ и большие облавы с загонем, когда участок местности ограждался каменными столбами, расставленными на расстоянии 50—150 м друг от друга, которые олени, отличающиеся плохим зрением, принимали за людей. В загонной охоте участвовали и женщины, и дети в возрасте до 6—7 лет включительно.⁴³ Современные исследователи Арктики подчеркивают целесообразность полного истребления стада карибу при условии разбивки временного лагеря рядом с местами охоты, тогда как при отстреле оленей в различных местах возникают трудности с доставкой мяса и с охраной его от волков.⁴⁴

Ярчайшим памятником облавной охоты в степной зоне является Амвросиевка, где огромное стадо зубров было загнано в овраг и безжалостно уничтожено.⁴⁵ Всего здесь насчитывается 983 животных, причем нормальное соотношение самцов, самок и возрастных групп свидетельствует об истреблении целого стада, а наличие утробных телят указывает на май—начало июня как на время охоты. Среди костей зубров обнаружено 306 наконечников копий, что, по справедливому заключению И. Г. Пидопличко, говорит о значительном числе загонщиков (по его расчетам — около 100 человек).⁴⁶ Возможно, в данном случае в охоте участвовало несколько охотничьих общин или целое племя. В Амросиевке ярко выступает и другая характерная черта облавных охот — бесцельное истребление животных в размерах, превышающих возможность их рационального употребления.⁴⁷ Самые нижние ряды зубров лежат в анатомическом порядке и вообще никогда не были использованы. Этим же объясняется и нахождение большого количества наконечников копий, которые при полной утилизации добытых животных обычно извлекались. Другим ярким памятником загонной охоты, когда в овраге также было уничтожено целое стадо бизонов, является Олеон-Чабек в Колорадо, датируемый IX тыс. до н. э. Здесь тоже имело место лишь частичное исполь-

⁴² Ермолова Н. М. К изучению фауны млекопитающих палеолита Енисея. — КСИА, 1971, в. 126.

⁴³ Народы Америки. Т. I. М., 1959, с. 114.

⁴⁴ Стефенсон В. Гостеприимная Арктика. М., 1948, с. 159.

⁴⁵ Пидопличко И. Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. — КСИАУ, 1953, в. 2, с. 65—67; Григорьева Г. В. Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья. Л., 1968, с. 9.

⁴⁶ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитическое жилище..., с. 150.

⁴⁷ Замятин С. Н. Указ. соч., с. 99.

зование полученной добычи — из 190 загнанных бизонов 57 в
обще остались нетронутыми.⁴⁸

Менее ясны способы добычи мамонта — основного объекта охоты значительного числа обитателей Восточной Европы. Масштабы этой охоты сами по себе были достаточно велики. Так, на Киевокирилловской стоянке обнаружены кости 70 особей мамонта, в Гонцовской — 93, в Мезине — 116 и в Межеричах — 95. Этот гигант доставлял верхнепалеолитическим охотникам не только мясо и шкуру, но и строительный материал, поскольку его кости использовались в качестве каркаса при возведении жилищ. Вероятно, добыча мамонтов связана с теми же приемами, что и охота на слонов, — ямами-ловушками, загонем в топкие места и непосредственным уничтожением окруженного животного или группы их.⁴⁹ Судя по имеющимся данным, стоянки охотников на мамонтов были постоянными оседлыми поселениями и соответствующая охота велась круглый год. Половозрастной состав добытых животных указывает на истребление в основном маточного поголовья. В Добраничеве, например, из 28 мамонтов только 2 были старыми, 3 — взрослыми особями, в то время как 20 — полувзрослые, а 3 — до 5 лет.⁵⁰ Беспощадный, хищнический характер верхнепалеолитической охоты здесь выступает столь же ярко, как и в тех случаях, когда археологи раскапывают овраги, заполненные трупами сотен зубров и бизонов.

Обращая внимание на эти специфические черты охоты верхнепалеолитической эпохи, многие исследователи полагали, что именно интенсивная деятельность охотников привела к исчезновению целого ряда представителей животного мира голоцена, в первую очередь мамонта. Недавно даже была предложена математическая модель истощения ресурсов мамонтовой фауны после определенного и довольно продолжительного периода ее интенсивной эксплуатации.⁵¹ Однако, вероятно, более справедливо говорить о целом комплексе климатических и ландшафтных изменений, воздействие которых усугублялось влиянием антропогенного фактора, поскольку известны обширные области, где мамонты вымерли и без какого-либо вмешательства человека.⁵²

Как бы то ни было, охотничье хозяйство верхнего палеолита в котором, судя по составу добываемых животных, облавы и

⁴⁸ Van Wheat J. A Paleo-Indian Bison Kill. — Scientific Am., 1967, jan. p. 44—52.

⁴⁹ Верецагин Н. К. Указ. соч., с. 205, 208; Пидопличко И. Г. Позднепалеолитическое жилище..., с. 97, 138.

⁵⁰ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитическое жилище..., с. 69.

⁵¹ Будько М. И. О причинах вымирания некоторых животных в конце плейстоцена. — ИАН СССР, сер. геогр., 1967, № 2.

⁵² Верецагин Н. К. Указ. соч., с. 224—227; Butzer K. W. Op. cit. p. 444.

загоны успешно сочетались с индивидуальной охотой, достаточно надежно обеспечивало относительное благосостояние тогдашнего общества.⁵³ Как справедливо указывал С. Н. Замятин, важным компонентом системы охотничьего хозяйства являлась охотничья территория, на ранних этапах, видимо, достаточно обширная и все более сокращавшаяся по мере роста населения.⁵⁴ Безусловно, этот естественный процесс оказывал воздействие на охотничьи приемы, диктуя необходимость выработки форм наиболее эффективной и полной эксплуатации природных ресурсов. Имеющиеся материалы позволяют осуществить ориентировочные расчеты размеров минимально необходимой охотничьей территории в эпоху верхнего палеолита. По вычислению С. Н. Бибикова, охотничья община Мезина состояла из 50 человек, а ее годовые потребности мяса равнялись 11 000 кг в год.⁵⁵ Исходя из прироста биомассы у мамонтов 4000 кг на 100 км² в год, как предлагает М. И. Будько,⁵⁶ и при использовании в пищу 40% от общего веса мамонта, равного 2500 кг,⁵⁷ следует определять минимальные размеры охотничьей территории мезинцев в 750 км². Теоретически вся Украина могла быть местом проживания 800 общин (или 40 000 человек), но при этом не следует забывать и о наличии непроизводительных в охотничьем отношении угодий — скал, гор, речных и озерных пространств. Поэтому цифра населения данной территории в 20 000 человек, предложенная С. Н. Бибиковым, строившим свои расчеты на иной основе,⁵⁸ может считаться вполне реальной, вероятно, лишь несколько заниженной.

Надо полагать, ненамного превосходила величину в 750 км² и территория общины охотников на зубров. В резервации бизонов в Вайоминге биомасса составляет 3400 кг на 1 км²,⁵⁹ что скорее всего является максимальной величиной, учитывая искусственный характер заповедника. Поскольку почти четверть животных, добываемых при облавной охоте, не использовалась, можно считать, что практически не было большой разницы между производственными возможностями плейстоценовой тундры и зоны лёссовых степей.⁶⁰

⁵³ Бибиков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита. — СЭ, 1969, № 4, с. 18.

⁵⁴ Замятин С. Н. Указ. соч., с. 99.

⁵⁵ Бибиков С. Н. Указ. соч., с. 15.

⁵⁶ Будько М. И. Указ. соч., с. 33.

⁵⁷ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитическое жилище..., с. 152. — В этом отношении северный олень, у которого на мясо шло $\frac{2}{3}$ от общего веса животного, не считая более высокого темпа прироста, был экономически более выгодным объектом охоты.

⁵⁸ Бибиков С. Н. Указ. соч., с. 20.

⁵⁹ Vougl e F. Op. cit., p. 50.

⁶⁰ О более высокой продуктивности плейстоценовой тундры по сравнению с современной тундрой, дающей 800 кг биомассы на 1 км², см. настоящ. изд., с. 28.

Хорошо известно резкое изменение охотничьего хозяйства в Европе начала голоцена.⁶¹ Наступательное оружие с изобретением лука открыло широкие возможности для производительной индивидуальной охоты. Но параллельно с этим шел другой процесс — своеобразного «кризиса ресурсов», когда в результате климатических и ландшафтных сдвигов произошло полное исчезновение уже сильно подорванных деятельностью человека популяций мамонтовой фауны. Типичным поселением новой эпохи является стоянка VIII тыс. до н. э. Стар-Карр в Англии, оставленная небольшой общиной лесных охотников, находивших здесь приют в зимнюю пору.⁶² Главной добычей служили олени, а расчет добываемых животных позволяет говорить об охотничьей территории в 500 км² для общины в 25 человек. Некоторое увеличение площади охотничьей территории по сравнению с предполагаемой для верхнего палеолита не должно нас смущать, поскольку лесная зона, богатая оленем, дает цифры биомассы от 500 до 1000 кг на 1 км²,⁶³ что заметно ниже биомассы плейстоценовой тундры.

Однако было бы неправильно видеть в этом явлении одну лишь реадaptацию человека к изменившимся природным условиям, как это иногда представляют некоторые ученые-естественники. Климатические изменения застали охотников Европы на стадии прогрессивного развития орудий охоты, благодаря чему человек сравнительно легко перешел к эксплуатации изменившихся ландшафтных зон. Совершенно прав был С. Н. Замятнин, когда, имея в виду развитие в мезолите охоты на нестадную дичь (мелких грызунов и птиц), писал, что она хотя и не приносила одновременно больших количеств пищи, но доставляла ее регулярно, требовала меньших усилий по сравнению с облавой и загонном и была вполне по силам небольшим группам и даже отдельным охотникам.⁶⁴ Теперь степень технического оснащения охотников позволяла вполне эффективно развивать охотничье хозяйство практически во всех экологических зонах, и у многих народов охота на многие тысячелетия останется основным источником добывания пищи. Вместе с тем можно сказать, что потенциальные возможности этого вида хозяйства были исчерпаны уже, видимо, в пору верхнего палеолита. Никакое дальнейшее усовершенствование оружия и внедрение новых изощренных приемов охоты не могло кардинальным образом повысить эксплуатацию природной среды, ограниченную коэффициентом биомассы. Выход был в поиске новых хозяйственных систем, что наблю-

⁶¹ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 45—49; Замятнин С. Н. Указ. соч., с. 95—102; Формозов А. А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, с. 67—70.

⁶² Clark J. G. D. Excavations at Star Carr. Cambridge, 1954; Butzer K. W. Op. cit., p. 414—415.

⁶³ Bourlière F. Op. cit., p. 50.

⁶⁴ Замятнин С. Н. Указ. соч., с. 101.

даётся уже в обществах конца палеолитической эпохи. Это нашло, в частности, выражение в оформлении рыболовства в качестве самостоятельного уклада комплексной экономики. Спорадическое использование в пищу продуктов аквафауны отмечается на всех этапах существования человека, начиная с эпохи *Homo habilis*. Но решающий перелом происходит с внедрением таких орудий, как гарпуны, рыболовные крючки, с использованием вершей и заколов, явившихся, по остроумному замечанию С. Н. Замятнина, применением к рыбной ловле способов, выработанных для добычи мелких животных на суше.⁶⁵ В этих условиях новый хозяйственный уклад оказался весьма производительным, и мы наблюдаем во многих местах Европы и Азии, как в эпоху мезолита и неолита у специализированных общин рыболовов с разным удельным весом в их хозяйстве охоты и собирательства развивается относительная оседлость и они достигают значительного подъёма культуры. В максимально благоприятных условиях, например в Японии III—II тыс. до н. э. или у индейцев Северо-Западной Америки, на базе рыболовства, находящегося в различных формах сочетания с морской или сухопутной охотой и всесторонним использованием «даров моря», может происходить даже разложение первобытного строя и зарождение классовых отношений. Но генеральная линия развития человечества в «послеохотничью эпоху» была связана уже не с добычей продуктов питания, а с их производством. Основными способами производства пищи, полностью сохраняющими свое значение до наших дней, служат скотоводство и земледелие.

Возникнув первоначально как одна из составных частей многоукладной экономики, скотоводство в дальнейшем послужило движущим стимулом целого ряда важнейших явлений в истории общества. Так, по мнению Б. Б. Пиотровского, развитие скотоводства стимулировало формирование классовых отношений.⁶⁶ Следует отметить, что именно советские исследователи уделили особое внимание изучению скотоводства как хозяйственной системы,⁶⁷ тогда как на Западе преобладает простой учет данных

⁶⁵ Там же, с. 102. О первобытном рыболовстве см. также: Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 70—97; Семенов С. А. Указ. соч., с. 329—347; Куза А. В. Развитие рыболовства в Восточной Европе. — В кн.: Тез. докл., посв. итогам полевых исслед. 1965 г. М., 1966.

⁶⁶ Пиотровский Б. Б. О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государства. — В кн.: Тез. докл. на заседаниях, посв. итогам полевых исслед. 1969 г. М., 1970.

⁶⁷ Гольмстен В. В. К вопросу о древнем скотоводстве СССР. — В кн.: Происхождение домашних животных. В. I. Л., 1933; Богаевский Б. Л. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937; Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. — МИА, 1960, № 53; Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. — КСИЭ, 1957, в. XXVI; Шолов В. П. Походження кочового скотарства у Східній Європі. — Українськ.

остеологии,⁶⁸ хотя имеются примеры более разностороннего анализа.⁶⁹ Интересные исследования по реконструкции скотоводческой экономики проводятся в Венгрии.⁷⁰ Вместе с тем нельзя не признать, что изучение форм скотоводческого хозяйства на основе данных археологии является одной из трудных и сложных задач. Обычно основное внимание при этом уделяется остеологическим материалам, при оценке которых также следует учитывать ряд привходящих обстоятельств. Так, предпочтительнее использование материалов, происходящих из раскопок поселений, дающих отражение реального быта, тогда как фаунистические остатки из погребений могут быть ограничены требованиями ритуальных установлений. Известно много случаев, когда, несмотря на развитое скотоводство, мясо как ритуальная пища в могильниках отсутствует. Кроме того, зачастую набор жертвенных животных не полностью отражает реальный состав стада. Большая плодовитость мелкого рогатого скота по сравнению с крупным позволяет считать, что при наличии равного количества костных остатков первого в реальном стаде было в 2—3 раза больше,⁷¹ чем второго. Можно учитывать поправочный коэффициент на забойный возраст разных пород.⁷² При различных вариантах учета количества костей и особей⁷³ общепризнанно, что в среднем одна особь крупного рогатого скота дает больше обломков костей, чем одна особь овцы или козы. В то же время следует иметь в виду, что подобная реконструкция состава стада важна при палеоэкономических расчетах, тогда как общее сравнение остеологических материалов памятников может проводиться и без соответствующих поправок, учитывая равное воздействие на исходный материал сходных факторов.

Орудия труда скотоводов, образующие вторую группу источников, не отличались разнообразием и, как правило, изготовлялись из органических материалов, плохо сохраняющихся в древних поселениях. Сравнительно редки и далеко не всегда достоверны случаи обнаружения древних стойл и загонов. Важнейшим помощником пастухов была собака, но определить эту ее функ-

ист. журн., 1970, № 7; Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. — МИА, 1971, № 174.

⁶⁸ Murray J. The First European Agriculture. Edinburgh, 1970.

⁶⁹ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 123—133; Higham C. W. Stock Breeding as a Culture Factor in Prehistoric Europe. — PPS, 1967, v. 33, p. 84—106.

⁷⁰ Bökönny S. 1) The Historical Development of Animal Breeding in Central and Eastern Europe. Agrartört, 1968; 2) Archaeological Problems and Methods of Recognizing animal domestication. — In: Ucko P. J., Dimbleby G. W. The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. London, 1969.

⁷¹ Грязнов М. П. Указ. соч., с. 23.

⁷² Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство..., с. 143.

⁷³ Паавер К. Л. К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников. — ИАН ЭССР, сер. биол., 1958, т. VII, в. 4.

цию весьма сложно. Предполагается, что известные для фатьяновских скотоводов захоронения мужчин с собакой принадлежат пастухам.⁷⁴ Погребения людей с собаками найдены и у оседлых земледельческо-скотоводческих племен (в убейдском могильнике Эриду)⁷⁵ и в энеолите Закавказья, причем в последнем случае в безинвентарных погребениях.⁷⁶ Но здесь приходится учитывать многовариантность возможной трактовки культового характера этого животного.

Среди орудий труда, связанных с обработкой продуктов скотоводства, наиболее интересны объекты изготовления различных изделий из молока; хотя для скота архаических обществ в целом характерны невысокие удои,⁷⁷ в употреблении человеком молочных продуктов едва ли приходится сомневаться. На некоторых памятниках мы видим изображение не только сцен доения вообще, но и такой специфической его формы, как доение с подпуском теленка, что у многих народов считалось совершенно обязательным для результативного удоя.⁷⁸ Именно этот прием изображен на рельефе, происходящем из шумерского храма первой половины III тыс. до н. э.,⁷⁹ и на фигурном навершии булавы из Ферганы, датируемой началом II тыс. до н. э.⁸⁰ Широко распространено в высшей мере вероятное заключение, что глиняные сосуды с многочисленными отверстиями использовались при изготовлении творога или сыра.⁸¹ Другую группу глиняных сосудов закавказские археологи рассматривают как маслобойки.⁸² Но, разумеется, все это сравнительно редкие случаи сохранения инвентаря древних скотоводов, который был в основном деревянным или кожаным.

Трассологический анализ орудий труда дометаллической эпохи, разработанный С. А. Семеновым, позволяет довольно точно определять древние инструменты, связанные с разделкой туш животных и обработкой шкур на разных стадиях. Выделение соответствующих групп орудий при исследовании материалов земледельческо-скотоводческих комплексов особенно ценно для

⁷⁴ Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Автореф. докт. дис. М., 1967, с. 26.

⁷⁵ Sa fa g F. Eridu. — Sumer, 1950, v. IV, № 2, p. 118.

⁷⁶ Абибулаев О. А. Погребальные памятники из поселения Кюльтепе. — В кн.: Археол. исслед. в Азербайджане. Баку, 1965, с. 37—38, 41.

⁷⁷ Максимов А. Н. Скотоводство малокультурных народов. — Учен. зап. Ин-та ист. РАНИОН, М., 1927, т. II, с. 11.

⁷⁸ Там же, с. 13.

⁷⁹ Deshayes J. Les civilisations de L'Orient ancien. Paris, 1969, fig. 75.

⁸⁰ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962. № 118, с. 52, табл. XXXII, 2.

⁸¹ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство... с. 13.

⁸² Нариманов И. Г. К истории маслобойки. — В кн.: Матер. сессии, посв. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР. Баку, 1965, с. 70; Бунятов Т. А. История земледелия и скотоводства в Азербайджане, Автореф. докт. дис. Баку, 1968, с. 30.

характеристики удельного веса скотоводческого уклада экономики.⁸³ Однако поскольку данный вид источников нейтрален по отношению к вопросу о принадлежности обрабатываемой шкуры дикой или домашней особи, его необходимо использовать в комплексе с палеозоологическими данными или по крайней мере с учетом сведений о наличии или отсутствии охотничьего оружия.⁸⁴ К числу орудий труда, связанных с обработкой скотоводческой продукции, относятся прясла, трепала, ткацкие стапки, по они опять-таки могут быть использованы лишь в сочетании с другими видами источников.

Наконец, при использовании третьей группы источников — данных о древней природной среде — особенно важны оценки кормовых возможностей соответствующих угодий, во многом определявших практикуемые формы скотоводческого хозяйства.

Накопленный фактический материал позволяет наметить общую эволюцию различных форм скотоводческого хозяйства. Территориально его древнейшие формы были связаны с зоной естественного обитания диких предков домашних животных. Такова, в частности, область козых пастухов Загроса VIII—VII тыс. до н. э., хорошо представленная поселениями Джармо и Тепе-Гуран. На ранних этапах жители этих поселков разводили исключительно овец и коз; последние бесспорно преобладали.⁸⁵ В верхних слоях Джармо к числу домашних животных добавляется свинья. Само поселение Джармо находится на высоте 750 м, в зоне дубово-фисташковых лесов и, судя по наличию глинобитных домов, принадлежит к числу оседлых поселений. Однако использование природных ресурсов, так же как и только что одомашненные стада копытных, требовали сезонных передвижений. Такие передвижения фиксируются открытием поселения Сораб, расположенного на высоте 1260 м над уровнем моря и лишешного прочных глинобитных строений. Исследователи справедливо заключают, что Сораб — это летнее поселение пастухов,⁸⁶ зимой спускавшихся в теплые долины. К числу зимних базовых поселений принадлежат Джармо и Тепе-Гуран, причем об обживании последнего в зимнее время свидетельствуют находки костей перелетных птиц, зимующих в этой долине.⁸⁷ Отдельные группы пастухов могли удаляться со стадами в горы, оставляя основную

⁸³ Коробкова Г. Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ. — УСА, 1972, в. 1, с. 20—21.

⁸⁴ Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, 1969, № 158, с. 183—187.

⁸⁵ Reed C. A. The Pattern of Animal Domestication in the Prehistoric Near East. — In: Ucko P. J., Dimbleby G. W. Op. cit., p. 371; Mortensen P. Seasonal Camps and Early Village in the Zagros. — MSU, p. 295. — В нижних слоях Тепе-Гурана кости коз составляют от 80 до 100%.

⁸⁶ Flannery K. V. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia. — Science, 1965, v. 147, № 3663, p. 1255; Braidwood R. J. Prehistoric Man. Illinois, 1967, p. 120.

⁸⁷ Mortensen P. Op. cit., p. 295.

часть населения, занимающуюся земледелием, в базовом поселке. Этнограф Б. Х. Кармышева любезно сообщила нам о существовании своего рода горного козоводства у одной группы тюркского (еще доузбекского) населения Южного Узбекистана.⁸⁸ Разводить коз считалось удобным, поскольку они и в снежную зиму находили корм, объедая кусты и деревья, растущие на труднодоступных выступах скал. Выпас стад продолжался и зимой, а в сильные морозы коз подкармливали ячменем. В период с декабря по март коз в непогоду и на ночь загоняли под навесы больших скал; там же находили убежище и пастухи. Эта неприхотливость животных объясняет раннее распространение именно козоводства, и не случайно следы обитания неолитических пастухов найдены и в ряде загросских пещер. Козьи пастухи одними из первых спустились и на подгорные равнины. Во всяком случае козы резко преобладают в составе стада жителей древнейшего равнинного поселения Али-Кош в Юго-Западном Иране. Детальный анализ остеологического материала показал, что здесь около $\frac{2}{3}$ шедших в пищу животных были забиты в возрасте до 1 года.⁸⁹ Следовательно, это древнейшее скотоводство, сохраняя традиции привычного рациона охотников, скорее всего было в первую очередь мясным, хотя нет оснований исключать и использование молочных продуктов. В нижних слоях Али-Коша найдено 125 кремневых скребков, что втрое превышает число вкладышей серпов, которых обнаружено всего 42. Правда, следует иметь в виду, что в данном случае орудия не подвергали специальному трассологическому исследованию.

Первые скотоводы в ходе расселения вывели коз и овец в район, лежащий вне зоны естественного обитания этих животных. Данное обстоятельство, так же как новые условия содержания, способствовали усилению процессов искусственного отбора и породообразования. В этих условиях начинается формирование целого ряда скотоводческих систем, различающихся составом стада, способами его содержания и различной эффективностью разводимых пород.

На Ближнем Востоке можно отметить два основных направления, в которых развивается архаическое скотоводство козьих пастухов (рис. 2). Спустившись с гор в аллювиальную долину Месопотамии, эти древнейшие скотоводы уже в VI тыс. до н. э. начинают разводить крупный рогатый скот, известный в хассунских поселениях и на фазе Сабз в Хузистане.⁹⁰ Возможно, он был

⁸⁸ Информация о ранее практиковавшихся формах хозяйства дапа 66-летним Рахматуллою Ходжаназаровым из кишлака Сангардак Сарпайского района в 1966 г.

⁸⁹ Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. *Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain.* — *Ann. Arbor.* 1969, p. 262, 265.

⁹⁰ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Советская археологическая экспедиция в Ираке. — *Вестн. АН СССР*, 1969, № 9, с. 98, 101; Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. *Op. cit.*, p. 265.

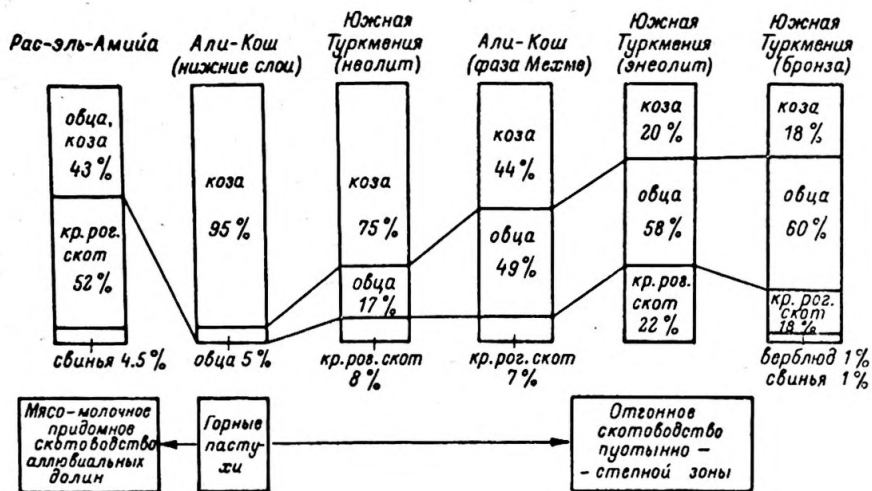

Рис. 2. Структура стада в земледельческо-скотоводческих обществах Ближнего Востока и юга Средней Азии VII—II тыс. до н. э.

получен из южной части Анатолии, где, по последним данным, крупный рогатый скот был домашним уже во второй половине VII тыс. до н. э. (Чатал-Гуюк).⁹¹ По мере расселения хассунских племен в южном направлении роль крупного рогатого скота возрастала, и в таком памятнике, как Рас-эль-Амиия, он занимает в составе стада первое место.⁹² Видимо, аналогичное положение характерно и для Эриду.⁹³ Преобладает крупный рогатый скот и в верхних слоях Чога-Мами.⁹⁴ Очевидно, во второй половине VI—V тыс. до н. э. в долинах Тигра и Евфрата формируется оседлое мясо-молочное скотоводство, ориентированное на крупный рогатый скот, представлявший одновременно, по крайней мере потенциально, и тягловую силу для бурно прогрессирующего поливного земледелия. Судя по данным иконографии, это значение крупного рогатого скота сохранялось и в Шумере III тыс. до н. э., да и в современном животноводстве этой зоны преобладают быки и коровы.⁹⁵ Повышающаяся урожайность поливного земледелия способствовала обеспечению кормами стад крупного рогатого скота.

⁹¹ Mellaart J. Anatolian Neolithic Settlement Patterns. — MSU, p. 282.

⁹² Flannery K. V., Cornwall I. W. The Fauna from Ras Al Amiya. — In: Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Op. cit., p. 435—438.

⁹³ Flannery K. V., Wright H. T. Faunal Remains from the «Hut Sounding» at Eridu, Iraq. — Sumer, 1966, v. XXII, № 1—2, p. 62.

⁹⁴ Oates J. Choga Mami 1967—1968. — Iraq, 1969, v. XXXI, p. 115.

⁹⁵ Массон В. М. Первые земледельцы Месопотамии. — ВДИ, 1971, № 3, с. 8—9.

В ином направлении идет развитие скотоводства в подгорной полосе Загроста, в так называемой зоне ассирийских степей, как об этом свидетельствуют работы в Дех-Луране. Здесь во второй половине VI тыс. до н. э. также появляется крупный домашний скот, но доля его в мясном балансе невелика. Традиционное животное горных скотоводов — коза — постепенно уступает не ему, а овце, удельный вес которой в стаде достигает почти 50%. Новыми исследованиями установлено, что предками домашней овцы были европейские или азиатские муфлоны, имевшие такое же число хромосом и распространенные от Западного Ирана до Корсики и Сардинии.⁹⁶ Интересно, что в индоевропейских языках овца в отличие от козы и свиньи представлена одним термином⁹⁷ — это тоже свидетельство моноцентризма ее происхождения. Действительно, в горных районах Западной Азии от Тавра до Загроста отмечены древнейшие находки остатков домашних овец,⁹⁸ а поселение Шанидар X—IX тыс. до н. э. — возможно, уникальный случай раннего приручения барана горными охотниками.⁹⁹ Как полагают исследователи, в результате домостикации у овцы произошло то развитие подшерстка, которое отличает ее шкуру от шкуры диких баранов¹⁰⁰ и делает ее исключительно благодарным сырьем для ткачества. Возможно, данное обстоятельство способствовало росту удельного веса этих животных в составе стада у ранних скотоводов.

Таким образом, второе направление эволюции скотоводства в Передней Азии связано с сохранением господства в стаде мелкого рогатого скота при преобладании овец. В Загросте и его предгорьях скотоводство носило скорее всего отгонный характер — со стадами передвигались лишь одни пастухи. Такое отгонное (или пастушеское) скотоводство С. И. Руденко предлагает отличать от полукочевого, когда со стадами передвигаются целые семьи со всем движимым имуществом.¹⁰¹ Крупный рогатый скот как раз мало приспособлен к постоянным перекочевкам, тогда как неприхотливые к кормам овцы могут обойтись подножным кормом без его специальной заготовки.

Подобная система скотоводческого хозяйства довольно отчетливо может быть прослежена по материалам Южного Туркмени-

⁹⁶ Воронцов Н. Н., Коробичина К. В., Надлер Ч. Ф., Хофман Р., Сапожников Г. Н., Горелов Ю. К. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец. — Природа, 1972, № 3, с. 77.

⁹⁷ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 394—395.

⁹⁸ Reed C. A. Op. cit., p. 371.

⁹⁹ Perkins D. Prehistoric Fauna from Shanidar, Iraq. — Science, 1963, v. 139, № 3551, p. 190.

¹⁰⁰ Flannery K. V. Op. cit., p. 1253; Ryder M. L. Changes in the Fluca of Sheep following Domestication. — In: Уско Р. J., Dimbleby G. W. The Domestication and Exploitation. . . , p. 495—496.

¹⁰¹ Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — В кн.: Матер. по этногр. В. I. Л., 1961, с. 4.

стана благодаря прежде всего систематическому изучению остеологических коллекций, осуществленному А. И. Шевченко,¹⁰² В. И. Цалкиным¹⁰³ и Н. М. Ермоловой.¹⁰⁴ Эволюция, отмеченная выше для ближневосточных памятников, в Южном Туркменистане прослеживается уже на протяжении VI тыс. до н. э., когда здесь существовала оседлая джейтунская культура с комплексной земледельческо-скотоводческой экономикой. На южнотуркменистанских памятниках раннего этапа решительно преобладают остатки коз; на самом Джейтуне коза вообще была единственным достоверным домашним животным, а на Чопан-Депе кости козы составляют 82% от общего числа костей мелкого рогатого скота. В этом достаточно ясно выступает связь джейтунов с хозяйственной традицией козьих пастухов гор. Ножи для разделки туш животных и скребки для обработки шкур, широко представленные на всех джейтунских памятниках, свидетельствуют о мясном направлении скотоводства, постепенно вытеснявшем охоту. Глиняные сосуды с отверстиями, известные уже на раннем этапе, могут указывать и на использование молочных продуктов для изготовления сыра или творога.¹⁰⁵

Начиная со среднего этапа джейтунской культуры в составе стада южнотуркменистанских племен появляются овцы и крупный рогатый скот. Учитывая новые материалы о доместикации овец, а также отсутствие в южнотуркменистанских материалах остатков дикого быка,¹⁰⁶ можно предполагать, что эти животные были получены от общин Передней Азии, связи с которыми столь явно выступают в материальной культуре Джейтуна.¹⁰⁷ В результате этих изменений уже на позднем этапе джейтунской культуры мы наблюдаем в составе стад резкое преобладание овец и уменьшение количества коз.¹⁰⁸ Около четверти мелкого рогатого скота забивалось в возрасте 3—4 месяцев. Как показало изучение орудий труда, параллельно происходит сокращение числа инструментов для обработки кож и увеличение случаев находок прясел.¹⁰⁹ Таким образом, уже позднейшее джейтунское скотоводство

¹⁰² Шевченко А. И. К истории домашних животных Южного Туркменистана. — ТЮТАКЭ, 1960 (1961), т. X.

¹⁰³ Цалкин В. И. 1) Предварительные результаты определения костей из раскопок Мадау-Депе, произведенных в 1953 г. — ТЮТАКЭ, 1956, т. VII; 2) Древнейшие домашние животные Средней Азии. — Бюл. МОИП, отд. биол., 1970, т. XXV, в. 1—2.

¹⁰⁴ Ермолова Н. М. 1) Костные остатки млекопитающих из поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана. — КД, 1968, в. I; 2) Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении. — КД, 1970, в. III; 3) Остатки млекопитающих из древних памятников Южной Туркмении по раскопкам 1970 г. — КД, 1972, в. IV.

¹⁰⁵ Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180, табл. XXXVII, 1.

¹⁰⁶ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные..., в. 2, с. 35.

¹⁰⁷ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 77.

¹⁰⁸ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные..., в. 2, с. 125.

¹⁰⁹ Коробкова Г. Ф. Локальные различия..., с. 17—18.

можно рассматривать как мясо-молочное. Шерсть доминирующих в составе стад овец использовалась в ткацких промыслах.

Изучение растительных остатков джейтунских памятников показало, что неолитические поселки располагались в подгорной зоне с обильной тугайной растительностью и вместе с тем в ряде случаев неподалеку от песчаных гряд Каракумов.¹¹⁰ В этих условиях, если для самого Джейтуна можно предполагать наличие придомного скотоводства с выпасом стад вблизи поселка, то резкое преобладание овец в поздней джейтунских памятниках скорее всего свидетельствует о дальнейшем развитии отгонного скотоводства, и поныне характерного для этой зоны. Палеогеографические исследования показывают малую изменчивость природных условий Южного Туркменистана за последние 10 000 лет, исключая, разве, резкое сокращение древесной растительности, да и то в основном под воздействием антропогенного фактора.¹¹¹ Характерной чертой сельского хозяйства современной подгорной полосы Южного Туркменистана является сочетание мелкооазисного земледелия и отгонного скотоводства.¹¹² Есть все основания полагать, что эта специфическая экономика, дающая максимальный хозяйственный эффект в данной природной среде, начала формироваться уже в конце неолитической эпохи.

В V—III тыс. до н. э. состав стад южнотуркменистанских общин остается в целом неизменным, с небольшими территориальными и хронологическими колебаниями. К числу домашних животных добавляется свинья и, видимо, лишь в позднем энеолите — верблюд. Мясное направление животноводства подчеркивается находками остатков комолых овец. Косвенным указанием на отгонную форму скотоводства является изменение в составе стада, происходящее в Геокюрском оазисе в пору позднего энеолита, когда начинается его частичное усыхание. Палеогеографическим исследованием установлено наличие на территории оазиса в эпоху энеолита двух ландшафтов — тугайного (оазисного) и пустынного,¹¹³ что благоприятствовало развитию как придомного, так и отгонного скотоводства. В составе раннеэнеолитического стада имеется свинья и довольно высок процент крупного рогатого скота. В пору позднего энеолита параллельно с начавшимся усыханием дельтовых протоков исчезает свинья, резко сокращается процент крупного рогатого скота и в стаде безраздельно господствует овца, прекрасно кормящаяся в пустынной степи.

¹¹⁰ Лисицына Г. И. Растительность Южной Туркмении в VI—I тысячелетиях до н. э. по данным определения углей. — КД, 1968, в. II, с. 52—53.

¹¹¹ Там же, с. 56.

¹¹² Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. — В кн.: Ист. археол. и этногр. Средней Азии. М, 1968, с. 277.

¹¹³ Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. — МИА, 1965, № 128, с. 94, 100.

Наконец, в эпоху бронзы в скотоводстве заметную роль стал играть верблюд, использовавшийся как тягловая сила. Соответствующие остеологические материалы ограничены из-за редкого употребления этого животного в пищу, но в комплексах второй половины III—начала II тыс. до н. э. сравнительно многочисленны модели четырехколесных повозок с впряженными в них фигурами верблюдов. Со второй половины II тыс. до н. э. в состав стада входят лошадь и осел, вероятно, распространившиеся в результате контактов с северными областями. Так, структура животноводства претерпевает изменения в связи с ростом потребностей общества не только в мясной пище, но и в механической силе, источником которой в Месопотамской низменности были быки, а затем — частично онагры.

Древнейшему скотоводству Европы, представленному материалами второй половины VII тыс. до н. э. на юге Балкан (Неа Никомедиа, Аргисса-Магула), свойственно резкое преобладание в составе стада мелкого рогатого скота, что внешне напоминает животноводство степных и горных областей Передней Азии.¹¹⁴ Однако нет уверенности в отгонном характере этого скотоводства, как это можно было утверждать для ближневосточного ареала. Таков же состав стада в памятниках круга Старчево—Кереш, хотя там, так же как и на юге Балкан, имеются и свинья, и крупный рогатый скот.¹¹⁵ Резко изменяется облик животноводства в дунайской зоне и в более северных областях, населенных племенами — носителями культуры линейно-ленточной керамики, расселение которых в значительной мере способствовало распространению производящей экономики на Европейском материке. Здесь уже резко преобладает в составе стада крупный рогатый скот, бывший наряду со свиньей основным источником получения мясной пищи.¹¹⁶ Для территории СССР это ярко заметно в остеологических материалах нижнего слоя Флорешт.¹¹⁷ С. Бекени придает большое значение тому обстоятельству, что в районах распространения культуры линейно-ленточной керамики отсутствуют дикие виды мелкого рогатого скота, являвшиеся непривычными для местного населения.¹¹⁸ Вероятно, основную роль играла природная среда, которая способствовала получению наибольшего эффекта именно при придомном скотоводстве, ориентированном на корову и свинью. В Билани (Чехословакия), где крупный рогатый скот составляет около 80% стада, отмечены даже остатки сооружения, которое могло играть роль общественного загона. Во всяком случае есть все основания говорить о стойловом содер-

¹¹⁴ Rodden R. J. Excavations at the Early Neolithic Site at Nea Nikomedia. — PPS, 1962, v. 28; Murrey J. Op. cit., fig. 5, a; 7; Bököny S. Archaeological Problems..., p. 226.

¹¹⁵ Murrey J. Op. cit., p. 110.

¹¹⁶ Ibid., p. 110—111.

¹¹⁷ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные..., с. 229.

¹¹⁸ Bököny S. Archaeological Problems..., p. 226—227.

жании коров, на чем основывают авторы раскопок свои палеоэкономические расчеты.¹¹⁹ Эта система животноводства, судя по ее широкому распространению в умеренной зоне Европы, оказалась весьма устойчивой и эффективной. В значительной мере таким было и скотоводство трипольских племен.¹²⁰ Эта традиция частично сохраняется в эпоху палеометалла, когда получает широкое распространение скотоводство, основанное на разведении мелкого рогатого скота. Дж. Г. Кларком разработана теория о постепенном сокращении в животноводстве Европы роли свиней и крупного рогатого скота и повышении значения овец и коз по мере развития земледелия и уничтожения лесных массивов.¹²¹ Как общая тенденция это явление вполне справедливо. Однако следует учитывать сложный характер конкретно-исторической картины, находящей выражение в поливариантности хозяйственных комплексов.

Будучи уже опытным животноводом, человек в различных природных зонах практиковал различные варианты скотоводческого хозяйства, как правило, дающие в данной среде оптимальный результат. Известны, например, поселки свиноводов в Центральной Европе¹²² и на Северном Кавказе.¹²³ Для трипольской культуры предложено выделение нескольких вариантов экономики, в которых удельный вес скотоводства оказывается различным.¹²⁴ Так массовый материал позволяет в истории скотоводства перейти от выявления общих закономерностей, действующих в виде ведущих тенденций, к раскрытию конкретной картины прошлого во всем ее многообразии.

Весьма оригинальная система скотоводства сложилась на другом конце Европейского материка — в степной зоне. Там скотоводство стало ведущей формой хозяйства. На этой территории выделяются памятники второй половины IV—III тыс. до н. э., где господствующее положение в стаде занимала лошадь,¹²⁵ центр одомашнивания которой многие зоологи помещают в степях Восточной Европы, считая обитавшего в них тарпана¹²⁶ ее предком. Недаром у степных скотоводов появляется и обряд захоронения черепа и ног коня.¹²⁷ В степях Нижнего Поволжья число

¹¹⁹ Soudsky B., Pavly I. The Linear Pottery Culture Settlement Patterns of Central Europe. — MSU, p. 319—324.

¹²⁰ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные..., с. 238; Бибиков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — СА, 1965, № 1, с. 53—55.

¹²¹ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 123—127.

¹²² Muggau J. Op. cit., fig. 72.

¹²³ Формозов А. А. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья. — КСИА, 1962, в. 88.

¹²⁴ Коробкова Г. Ф. Локальные различия..., с. 20—21.

¹²⁵ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные..., с. 246—248.

¹²⁶ Воронцов Н. Н. и др. Указ. соч., с. 75.

¹²⁷ Кузьмина Е. Е. Лошадь в Европе и на Переднем Востоке. — В кн.: Тез. докл. V Всесоюз. сессии по Древнему Востоку. Тбилиси, 1971, с. 92—93.

мелкого рогатого скота в III тыс. до н. э. было в несколько раз больше числа коров.¹²⁸ Хотя приходится учитывать, что эти данные получены по материалам погребений, топография памятников свидетельствует о широком освоении открытых степных пространств, где располагаются могильники и стоянки древнейших племен.¹²⁹ Палеоботанические данные свидетельствуют о том, что европейские степи уже в позднем голоцене были близки современным и характеризовались бедным растительным покровом с типчаково-пыльняными и ковыльными ассоциациями. Все это позволило В. П. Шилову выступить с весьма убедительной гипотезой о развитии здесь еще в III—II тыс. до н. э. кочевого скотоводства, основывавшегося на разведении в одних районах мелкого рогатого скота, в других — лошадей.¹³⁰ Так интродуцированные в данный регион животные — овца и коза — стали основой высокоспециализированной экономики. Возможно, правда, эту форму скотоводства следует расценивать не как кочевую, а как полукочевую с длительными сезонными перекочевками.¹³¹

Более сложным было формирование кочевой экономики в азиатских степях.¹³² Уже в поздненеолитических погребениях и могильниках Казахстана и Южной Сибири встречаются кости мелкого рогатого скота, указывающие, что наряду с традиционной охотой существует новый, более прогрессивный способ получения продуктов питания. В энеолитической афанасьевской культуре, распространившейся в Минусинской котловине во второй половине III тыс. н. э., известны уже все основные виды домашних животных — овца, корова и лошадь, но формы скотоводческого хозяйства остаются неясными. Иное положение складывается начиная с середины II тыс. до н. э., когда на указанной территории широко распространились памятники андроновского типа. Преобладание в составе стад, во всяком случае на ранних этапах, крупного рогатого скота (рис. 3) и расположение памятников на краю надпойменных террас, на незатопляемых участках пастбищно-луговых угодий, позволяет реконструировать скотоводство этого периода как придомное пастушеское. Известно, что для выпаса крупного рогатого скота необходимы именно сочные луговые

¹²⁸ Шилов В. П. Походження кочового скотарства... , с. 25.

¹²⁹ Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1968, с. 43; Шилов В. П. Походження кочового скотарства... , с. 23.

¹³⁰ Шилов В. П. 1) Проблемы освоения степей в эпоху бронзы. — Археол. сб., Л., 1964, № 6; 2) Походження кочового скотарства...; 3) Экономический базис древних племен неолита и бронзы степей Евразии. — В кн.: Тез. докл. на сессии и пленуме, посв. итогам полевых исслед. в 1971 г. М., 1972.

¹³¹ Руденко С. И. Указ. соч., с. 4; Сорокин С. С. Древние скотоводы ферганских предгорий. — В кн.: Матер. по этногр., в. I, с. 29.

¹³² Грязнов М. П. Указ. соч.; Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

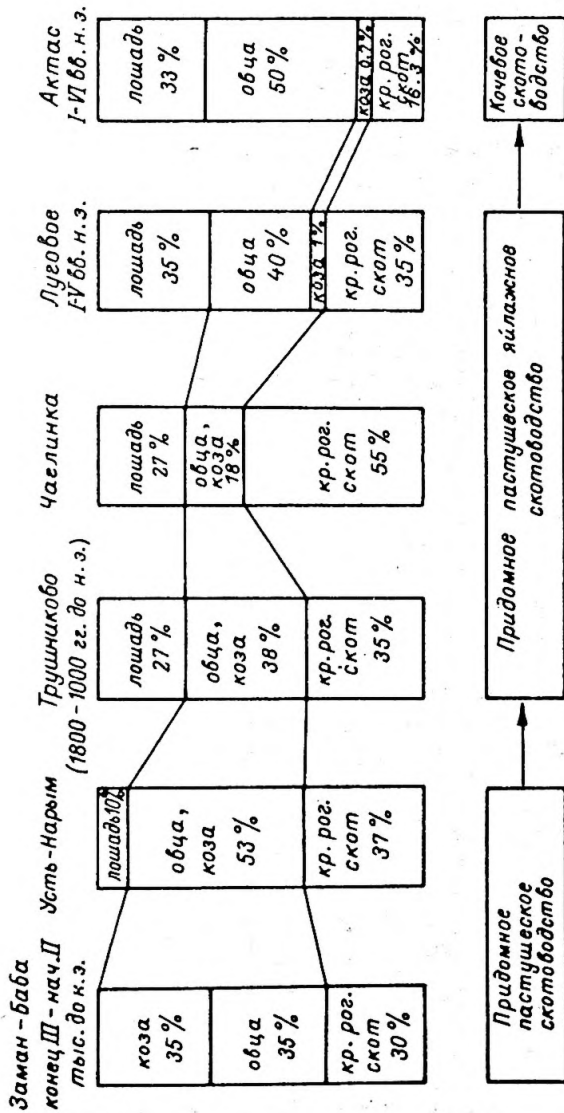

Рис. 3. Структура стада в культурах степной зоны Азни III тыс. до н.э.—I тыс. н.э.

травы. Но уже во второй половине II тыс. до н. э. возрастает роль овцы и лошади, появляется домашний верблюд, отмечены случаи использования лошади для верховой езды. Андроновские поселения появляются в открытой степи или полупустыне.¹³³ Поэтому многие исследователи достаточно обоснованно полагают, что в это время получает распространение яйлажное скотоводство с сезонными перекочевками стад. Кстати, на Кавказе яйлажное скотоводство с вертикальным кочеванием в условиях горной местности в III тыс. до н. э. выделяется как особая форма из оседлого придомного скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота, характерного для земледельческо-скотоводческих поселений Закавказья V—IV тыс. до н. э.¹³⁴

На Кавказе это был определенный период в развитии местной экономики, как бы дифференцировавшейся на скотоводческо-земледельческое и земледельческо-скотоводческое направления. В степной зоне Азии яйлажное скотоводство представляло собой переходный этап к сложению еще в IX—VII вв. до н. э. классической системы кочевого скотоводства, основанного на разведении овец и особенно лошадей, способных к добыванию корма из-под снега. Различные варианты кочевого и полукочевого скотоводства, сочетающиеся с другими видами хозяйственной деятельности, уже сейчас намечаются исследователями, реконструирующими конкретно-историческую картину хозяйственного развития этой обширной зоны.

Последнее обстоятельство весьма показательно для степени изученности рассматриваемых хозяйственных систем. На первом этапе их исследования на основании отдельных объектов намечается общая закономерность в виде господствующей тенденции. В таком положении находится изучение скотоводства Ближнего Востока VII—IV тыс. до н. э. К числу таких законов-тенденций следует относить и упоминавшееся выше наблюдение Дж. Г. Кларка о динамике смены пород скота в Европе. Далее, массовое увеличение фактического материала позволяет подойти к реконструкции хозяйственных систем в их конкретно-исторической сложности и локальных вариантах. Этот этап наступил в изучении неолитического и энеолитического животноводства юго-запада СССР; для лесной зоны европейской части СССР его хорошо продемонстрировала работа Ю. А. Краснова.¹³⁵ Следующим, высшим этапом изучения должно быть прослеживание законов-тенденций в этом массовом, на первый взгляд, весьма пестром и не сводимом к общим знаменателям материале. Конкретное

¹³³ Сорокин В. С. Жилища поселения Тасты-Бутак. — КСИА, 1962, в. 91, с. 59—60.

¹³⁴ Плотровский Б. Б. Указ. соч., с. 6—9; Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 105—110.

¹³⁵ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство..., с. 129—136.

своеобразие и специфика, наличие которых вполне естественно, не должны заслонять, а тем более подменять выявление общих процессов и закономерностей.

Развитие земледелия имело исключительное значение для человеческого общества, и неудивительно, что его истории посвящено много работ.¹³⁶ Однако строгая реконструкция исчезнувших земледельческих систем, основанная на коррелирующем использовании всех видов источников, встречается не столь уж часто.¹³⁷

При изучении земледельческой экономики на основании данных археологии следует различать методы и приемы, позволяющие установить сам факт наличия земледелия, и методику реконструкций агрикультурных систем древности. Так, наличие серпов и зернотерок в культурном слое обычно указывает на разведение злаковых культур, но ничего еще не говорит о том, было ли это разведение связано с искусственным орошением, подсебно-огневым способом или с какой-либо иной формой организации земледельческого хозяйства. По данным антропологии может быть установлена зависимость состояния зубов от тех или иных продуктов питания;¹³⁸ анализ копролитов дает интересную картину питания древнего человека.¹³⁹

Для изучения собственно земледелия древних обществ полностью сохраняет свое значение та источниковедческая триада, о которой говорилось выше, в связи с вопросами реконструкции охоты и скотоводства. Правда, несколько видоизменяется проблема экологической реконструкции — главной задачей становится воссоздание способов эксплуатации земли как средства производства в данной экономической системе. Конечно, наибольшую ценность представляют случаи, когда сохраняются остатки древних полей, что, правда, является большой редкостью.¹⁴⁰ Обычно же приходится использовать косвенные данные об обработке земли, включая микроморфологический и структурный анализ древних орошаемых почв.¹⁴¹ Для выявле-

¹³⁶ Например: Возникновение и развитие земледелия. М., 1967; Ucko P. J., Dimbleby G. W. *Op. cit.*; Struеber S. *Prehistoric Agriculture*. New York, 1974.

¹³⁷ Ср., например: Gabel G. *Analysis of Prehistoric Economic Patterns*. London—New York—Toronto—Chicago, 1967, p. 28—30. Из работ, рассматривающих отдельные древние системы, отметим: Woodbury R. B. *Prehistoric Agriculture at the Point of Pines, Arizona*. — *Mem. of the Soc. for Am. Archaeol.*, 1961, № 17; Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие. . .

¹³⁸ Hoyme L. E., Bass W. M. *Human Skeletal Remains from Tollifero (H-6) and Clarksville (M1-13) Sites*. — *BAE*, 1962, № 182.

¹³⁹ Callan E. O. *Diet as Revealed by Coprolites*. — In: *Science in Archaeol.* London, 1963.

¹⁴⁰ Bowen H. C. *Ancient Fields*. London, 1961; Кларк Дж. Г. Д. *Указ. соч.*, с. 106—107.

¹⁴¹ Минашина Н. Г. Древнеорошаемые почвы Мургабского оазиса. — *Почвоведение*, 1962, № 8; Кесь А. С., Лисицына Г. Н., Костю-

ния древних полей и особенно оросительных каналов широко применяются аэрометоды.¹⁴²

Среди различных классификационных схем земледельческих систем для достижения нашей цели важно рассмотрение земледелия именно как хозяйственной системы с выделением предирригационного, поливного, подсечно-огневого, неполивного земледелия средиземноморского типа и земледелия, связанного с разведением клубневых и корневых растений. Первостепенное значение для древней истории имело поливное земледелие, сложившееся в специфической природной среде субтропиков с ограниченным числом осадков и прошедшее в своем развитии очень важный, как бы предирригационный период.

Аксиома о зарождении земледелия в зоне естественного произрастания злаковых культур подтверждена археологическими открытиями в Загросе.¹⁴³ Правда, для одного из древнейших памятников производящей экономики — поселения Зави-Чеми-Шанидар, датируемого XI—X тыс. до н. э., вопрос стоит пока скорее о доказательстве самого факта наличия земледелия, чем о восстановлении его форм.¹⁴⁴ Многочисленные терочные камни и песты-куранты указывают на обработку растительной пищи, а пальнологический анализ свидетельствует как будто о наличии земледелия во всяком случае в верхних слоях поселения, располагавшегося в горной долине.¹⁴⁵ В последнее время в связи с результатами пальнологических исследований в иранском Курдистане в районе оз. Зейбар¹⁴⁶ вновь поднят вопрос о возможной связи возникновения земледелия с экологическими сдвигами, долгое время трактовавшимися как формирование на Ближнем Востоке более засушливого климата.¹⁴⁷ Судя по этим исследованиям, о периоде 20 000—12 000 гг. до н. э., наоборот, можно говорить как о времени большей сухости и похолодания, когда здесь преобладали степные ландшафты. С 8000 по 4000 г. до н. э. распространяются дубово-фисташковые степные леса, что свидетельствует об определенном увлажнении и потеплении, хотя, по мнению Ван Цейста, еще и не достигшем современной ситуации. Однако не

ченко В. П. Древние орошаемые земли средневекового Дахистана. — КД, 1972, в. IV.

¹⁴² Соответствующий обзор см.: Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 19—41.

¹⁴³ Массон В. М. Природа и происхождение цивилизации. — Природа, 1969, № 3.

¹⁴⁴ Solecki R. S. Prehistory in Shanider Valley, Northern Iraq. — Science, 1963, v. 139, № 3551; Массон В. М. Поселение Джейгун, с. 112.

¹⁴⁵ Leroi-Gourhan A. Pollen Grains of Gramineae and Cereals from Shanidar and Zawi Chemi. — In: Ucko P. J., Dimbleby G. W. Op. cit., p. 145—147.

¹⁴⁶ Van Zeist W., Wright H. E. Preliminary Pollen Studies at Lake Zeribar, Zagros Mountains, South Western Iran. — Science, 1963, v. 140, № 3562, p. 65—67.

¹⁴⁷ См., например: Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1965, с. 57—58.

вполне ясно, каким образом эти изменения отразились на сбалансированной экономике верхнепалеолитических охотников и собирателей и в какой степени они воздействовали на сокращение охотничьей добычи, что могло бы интенсифицировать собирательство и идущее вслед за специализированным собирательством земледелие.¹⁴⁸ Показательно, что на Ближнем Востоке в составе охотничьей добычи в отличие от более северных регионов, где имело место исчезновение мамонтовой фауны, существенных изменений не произошло. Так что даже если данные по району оз. Зейбар и не свидетельствуют о каком-то локальном феномене,¹⁴⁹ то пока по-прежнему нет оснований для жесткой связи начала домостикации с изменением климата.¹⁵⁰

Ярким образцом преиригационного земледелия и его дальнейшего развития является история агрикультуры в долине Дех-Луран в Юго-Западном Иране, в области позднейшего Элама.¹⁵¹ Здесь в нижних слоях поселения Али-Кош, относящихся по крайней мере к VII тыс. до н. э.,¹⁵² обнаружены зерна пшеницы-двузернянки, правда составляющие всего около 3.4% от общей массы растительных остатков. Достоверные землекопные орудия для этого периода неизвестны,¹⁵³ имеется довольно много вкладышей серпов. Интродуцированные в новую для них экологическую среду злаки стали более подверженными сортообразующим изменениям. К концу VII тыс. до н. э. наряду с двузернянкой появляется двурядный ячмень и культурные растения уже составляют 40% растительных остатков. В настоящее время в районе Дех-Лурана выпадает 300 мм осадков в год, в VII тыс. до н. э., судя по результатам исследований Ван Цейста, климат здесь должен был быть сходным, если даже не более сухим. В этих условиях какие-либо формы орошения были единственным выходом из положения. Флора Али-Коша явно указывает на наличие заболоченных местностей и стоячих вод, характерных для зоны затухания протоков.¹⁵⁴ Следует заключить, что именно на этих участках и располагались поля первых земледельцев Али-Коша, где влажная

¹⁴⁸ Некоторые исследователи выделяют три стадии в развитии культивации злаков: 1) сбор урожая — первая стадия преадаптации дикорастущих злаков; 2) жатва урожая — начало мутационной перестройки в сторону выделения сортов с менее ломким стеблем; 3) посев растений — собственно земледелие (Hawkes J. G. *The Ecological Background and Plant Domestication*. — In: Ucko P. J., Dimbleby G. W. *Op. cit.*, p. 22).

¹⁴⁹ Van Zeist W. *Reflection on Prehistoric Environments in the Near East*. — In: Ucko P. J., Dimbleby G. W. *Op. cit.*, p. 42.

¹⁵⁰ Butzer K. W. *Op. cit.*, p. 437.

¹⁵¹ Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. *Op. cit.*

¹⁵² О дате нижних слоев см.: Массон В. Н. *Первые земледельцы Месопотамии*, с. 5, прим. 25.

¹⁵³ «Мотыги» из нижних слоев Али-Коша, судя по размерам — 7—12 см, едва ли являются таковыми.

¹⁵⁴ Helbaek H. *Plant Collecting, Dry-farming and Irrigation Agriculture in Prehistoric Deh Luran*. — In: Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. *Op. cit.*, p. 390.

глина почти не требовала землекопных орудий или позволяла обходиться деревянными инструментами. Этнографически такое земледелие, основанное на регулировании паводковых разливов, известно достаточно хорошо и в отечественной литературе именуется земледелием с лиманным орошением.¹⁵⁵ Это была примитивная система с одноактным или разовым орошением.¹⁵⁶

Следующим этапом было более налаженное ирригационное земледелие, период простейших оросительных каналов.¹⁵⁷ И этот период закономерно наступает на равнине Дех-Луран. В первой половине VI тыс. до н. э. болотная флора исчезает из состава растительных остатков, и в середине этой фазы появляется новый мутант — шестирядный ячмень, связь которого с ирригационным земледелием была показана Г. Хельбеком достаточно убедительно.¹⁵⁸ Во второй половине VI тыс. до н. э. к этому мутанту присоединяется лен, крупные размеры семян которого также указывают на применение искусственного орошения. Появляются и тяжелые каменные наконечники мотыг, этого важнейшего орудия земледельцев позднейшей Месопотамии.

Появление растений, связанных с искусственным орошением, осушение ранее болотистой местности и наличие мотыг — все это позволяет говорить о существовании в VI тыс. до н. э. в Али-Коше системы поливного земледелия, основанной на простейших оросительных каналах. К сожалению, сами древние поля и орошающие их системы в данных условиях обнаружить не удалось. Судя по топографии, для орошения могла использоваться естественная сеть мелких протоков. Кстати, именно таким был путь возникновения оросительной сети, повторяющей или продолжающей естественные гидрографические системы, и во многих других областях.¹⁵⁹ Видимо, прав Хельбек, говорящий о широком распространении «контролируемой ирригации» на Ближнем Востоке уже вскоре после 6000 г. до н. э.¹⁶⁰ Не исключено, что эту цифру придется значительно углубить, поскольку в сырцовых кирпичах Иерихона VIII—VII тыс. до н. э. обнаружены бесспорные отпечатки зерен пшеницы и ячменя.¹⁶¹ И, очевидно, поливное земледелие в засушливой долине Иордании с осадками в 140 мм лучше всего объяснит пресловутую «загадку Иерихона».

¹⁵⁵ Букиннич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. — Хлопковое дело, 1924, № 3—4.

¹⁵⁶ Лисицына Г. Н. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке. — КСИА, 1970, в. 122, с. 117.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Helbaek H. Ecological Effects of Irrigation in Ancient Mesopotamia. — Iraq, 1960, v. XXII, p. 189—190.

¹⁵⁹ Андрианов Б. В. Указ. соч., с. 223.

¹⁶⁰ Helbaek H. Plant Collecting..., p. 424.

¹⁶¹ Hopf M. Plant Remains and Early Farming in Jericho. — In: Ucko P. J., Dimbleby G. W. Op. cit., p. 356—358.

Движение возделываемых злаков с плоскогорий на равнины, прекрасно документированное археологией, находит неожиданные и, возможно, неслучайные параллели в шумерской мифологии. Так, имеется миф о том, «как зерно появилось в Шумере». Рассказывается, что боги Ану и Энлиль принесли ячмень, бобы и другие культуры на гору восхода солнца. Боги Ниназу и Нинмида похитили их и доставили в страну Шумер, люди которой до этого, как овцы, ели траву.¹⁶² Не исключено, что исходный пласт мифа восходит к очень древним народным преданиям, отражающим реальные события VIII—VII тыс. до н. э.

При изучении орошаемого земледелия очень важно исследование древних каналов и других оросительных сооружений. Районы, где зафиксировано наличие древней ирригации, как правило, и в наши дни являются местом интенсивной агрикультурной деятельности, что не только затрудняет обнаружение древних каналов, но и вообще исключает возможность подобных открытий. В этих условиях широко применяется метод реконструкции древней оросительной сети по топографии памятников, подвергнутых сплошному исследованию. Расположение памятников по берегам современных каналов позволяет представить функционирование соответствующей ирригационной системы во время обживания этих объектов. Такой метод был широко применен при работах в Месопотамии и Эламе¹⁶³ и в принципе при широком охвате исследуемой территории весьма перспективен. Разумеется, непосредственное обнаружение следов древней оросительной сети предпочтительнее, чем метод косвенной реконструкции. Древнейшими следами, видимо, являются русла оросительных каналов второй половины VI тыс. до н. э., обнаруженные в Месопотамии в ходе раскопок Чога-Мами.¹⁶⁴ Но фактически известен лишь разрез этих русел, тогда как в других местах удастся наметить и всю схему ирригационной сети. Такова, например, картина орошаемого земледелия Геоксюрского оазиса в конце IV—начале III тыс. до н. э., достаточно обоснованно реконструированная (рис. 4).¹⁶⁵ Детальная аэрофотосъемка энеолитического Геоксюрского оазиса, ныне расположенного в пустынной степи, позволила выявить на его территории гидрографическую сеть боковых протоков древнетедженской дельты. Основные протоки, ныне практически не выраженные в рельефе, были прорезаны поперечными траншеями. Палинологические анализы и определение древесных пород по углям, обнаруженным при раскопках древних

¹⁶² См.: Афанасьева В. А. [Рец. на:] Kramer S. N., Berg-hardt I. Sumerische Literarische Texte aus Nippur. — ВДИ, 1963, № 4, с. 202.

¹⁶³ Adams R. McC. 1) Land Behing Baghdad: A History of Settlement on the Diyala Plains. Chicago, 1965; 2) Agriculture and Urban Life in Early Southwestern Iran. — Science, 1962, v. 136, № 3511, p. 109—112; Adams R. McC., Nissen H. J. The Uruk Countryside. Chicago—London, 1972.

¹⁶⁴ Oates J. Choga Mami 1967—1968, p. 123—127.

¹⁶⁵ Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие.

поселений, установили наличие здесь в древности тугайного оазисного и пустынного ландшафтов. Можно было бы предполагать, что в условиях дельтовых протоков орошение осуществлялось лиманным способом, но при детальном исследовании удалось заметить остатки искусственного водоема середины IV тыс. до н. э., небольшого протока, превращенного в арык, относящегося к этому же времени, и целую оросительную сеть из трех каналов, отходящих от русла почти под прямым углом и датированных концом IV—началом III тыс. до н. э. Находки обломков керамики и других древних объектов на дне водоема и каналов подтверждает датировку этих искусственных сооружений. Представлен в Геоксюрском оазисе и второй вид источников, свидетельствующих о бывших агрикультурных системах, — остатки самих возделываемых растений. Это хлебные злаки — в основном двухрядный ячмень и в меньшей мере мягкая пшеница. Исследование зерен ячменя, происходящих из слоев середины IV тыс. до н. э. поселения Алтын-Депе, расположенного, правда, не в древнетедженской дельте, а в подгорной полосе, привели З. В. Янушевич к заключению, что они принадлежат сортам, выращенным в условиях искусственного орошения.¹⁶⁶ Несколько неожиданно обедненным выглядит третий вид источников — орудия труда. Каменные наконечники мотыг в геоксюрских поселениях отсутствуют, но имеются массивные каменные кольца, обычно трактуемые как утяжелители для палок-копалок. Вероятно, мотыги, использовавшиеся при рытье водоемов, проведении каналов и обработке полей, были деревянными или имели медные наконечники; последние не сохранились, так как при отсутствии рудных залежей любой сломанный металлический предмет шел в переплавку. Видимо, по этой же причине не найдено и медных серпов, на существование которых косвенно указывает крайняя редкость единичных кремневых вкладышей окатвенных орудий.¹⁶⁷ Все эти данные позволяют реконструировать геоксюрское земледелие эпохи энеолита как ирригационное, основанное на использовании вод полнокровных протоков древнетедженской дельты с проведением небольших каналов, носящих еще архаический характер (выведение канала под прямым углом из питающего русла, что, естественно, затрудняло поступление воды в канал). Сооружение в Южной Туркмении простейших оросительных каналов в более позднее время, чем в Месопотамии, объясняет, в частности, и более медленные темпы развития первой из этих областей, обладавшей меньшим производственным потенциалом.

Земледелие, основанное на искусственном орошении путем многоактового полива, было исключительно эффективной систе-

¹⁶⁶ Неопубликованные сведения, любезно сообщенные автору.

¹⁶⁷ Коробкова Г. Ф. Каменные и костяные орудия труда из энеолитических поселений Южной Туркмении. — ИАН СССР, сер. общ. наук, 1964, № 3.

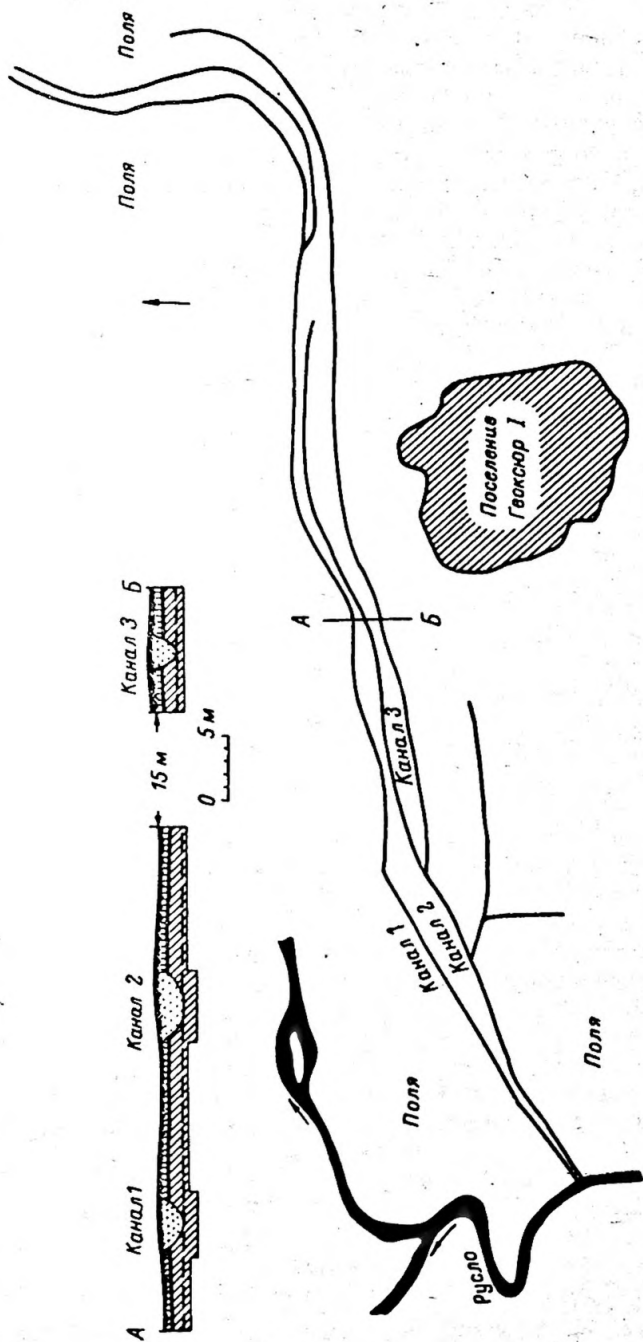

Рис. 4. Схема неолитического орошения около поселения Геокюр. Южная Туркмения, начало III тыс. до н. э.

мой, и именно на нем базировались великие городские цивилизации Древнего Востока. Письменные источники знакомят нас с детально разработанными агротехническими приемами, сложным агрономическим календарем, позволявшим добиваться высоких урожаев.¹⁶⁸ Важнейшим технологическим достижением в развитии ирригационного земледелия было введение плугов, вернее — сох, позволявших использовать при обработке полей тягловую силу животных. В определении начальной даты такого пашенного земледелия возможности ближневосточной археологии довольно ограничены, поскольку древние деревянные изделия здесь, как правило, не сохраняются, а металлические части плуга известны лишь по источникам XXVIII—XXVII вв. до н. э.¹⁶⁹ Однако изображения пахотных орудий имеются уже в пиктографических знаках конца IV тыс. до н. э. Их широкое распространение в этот период позволяет предполагать и более раннее использование при обработке полей крупного рогатого скота, занимавшего, как отмечалось выше, в составе стад месопотамских поселений первое место уже в V тыс. до н. э. (см. выше, с. 38).

Из других древних систем земледелия следует отметить земледелие, обобщенно названное Дж. Г. Кларком средиземноморским, главной целью которого было сохранение влаги в почве во время летней засухи. Искусственное орошение здесь, как правило, не применялось, и поэтому главным средством являлось частое рыхление земли, обычно ее частая вспашка. Земледелие такого типа было широко распространено в Европе, и недаром здесь сравнительно рано появились орудия типа сохи.¹⁷⁰ Реконструкция земледелия этого типа основывается на тех же трех видах источников, причем особенное значение придается реконструкции древней природной среды с тщательным картографированием памятников. Было установлено, что в неолите осваивались в основном высокоплодородные и легкие для обработки лёссовые почвы, которые, однако, без удобрений быстро теряли свое плодородие. Вероятно, данное обстоятельство обусловило линейную смену истощенных полей, объясняющую частое перемещение раннеземледельческих поселений, как правило, не образующих в Европе мощных многослойных холмов, характерных для зоны поливного земледелия Ближнего Востока. Так, места поселений Кельн-Линденталь и Билани осваивались по 6—7 раз.¹⁷¹ Не исключено, что рано начала применяться и цикличная смена с оставлением части полей

¹⁶⁸ Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965, с. 79—85.

¹⁶⁹ Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 76.

¹⁷⁰ Краснов Ю. А. 1) Об одной группе роговых и деревянных орудий эпохи неолита и бронзы. — КСИА, 1970, в. 123; 2) Рало симферопольской стелы. — СА, 1971, № 2.

¹⁷¹ Титов В. С. Древнейшие земледельцы в Европе. — В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 30.

под паром, известная под названием двупольной.¹⁷² При освоении заросших лесом участков могло применяться и подсечно-огневое земледелие, которому Дж. Г. Кларк придает особенно большое значение.¹⁷³ Но все перечисленные варианты земледелия до появления железных орудий, позволивших приступить к освоению тяжелых почв, не достигали эффективности, создающей производственный потенциал, достаточный для сложения цивилизаций. К сожалению, в этом плане слабо изучено земледелие древнейшей европейской цивилизации — крито-микенской.¹⁷⁴ Недавно проведенный К. Ренфрю картографический анализ распространения ее памятников показал их сосредоточение в зоне средиземноморского поликультурного земледелия с возделыванием олив, винограда и фиговых деревьев.¹⁷⁵ Видимо, именно подобное поликультурное земледелие было экономической основой формирования крито-микенской цивилизации.

Из других агрикультурных систем древности интерес представляет подсечно-огневое земледелие тропической зоны, на основе которого сложилась мезоамериканские цивилизации. Американские исследователи уделили изучению этой системы много внимания, но реконструктивные построения здесь в большей мере основаны на перенесении в древность этнографических данных, чем на детальном палеоэкономическом анализе самих древних источников.¹⁷⁶ Однако в принципиальном отношении экономическая загадка этой неполивной цивилизации решена достаточно успешно.¹⁷⁷ Используемое четкий агрокалендарь, исключительные достижения селекции и систему мильпа древнее земледелие Мезоамерики давало наибольший эффект на единицу труда.¹⁷⁸

Наконец, следует упомянуть земледелие, базирующееся на разведении растений полной вегетации, или *vegiculture*, по Д. Харрису.¹⁷⁹ К данному типу относится, в частности, клубневое и корнеплодное земледелие Юго-Восточной Азии. Этот вопрос особенно важен в связи с дебатирующейся в последнее время проблемой о древнейшем земледелии, или протоземледелии, Индоки-

¹⁷² Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 115. Ср. о поселениях линейно-ленточной культуры в Голландии: Титов В. С. Указ. соч., с. 32.

¹⁷³ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 101.

¹⁷⁴ Возникновение и развитие земледелия, с. 57—59; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966, с. 75—82.

¹⁷⁵ Renfrew C. The Emergence of Civilisation: the Cyclade and the Aegean in Third Millenium B. C. London, 1972, p. 280.

¹⁷⁶ Morley S. G. The Ancient Maya. Stanford, 1947; Cowgile U. An Agriculture Study of Southern Maya Lowlands. — Am. Anthropol., 1964, v. 64, № 2; Duman D. E. Swidden Agriculture and the Rise of Maya Civilization. — Southwester J. of Anthropol., 1964, v. 17, № 4.

¹⁷⁷ Возникновение и развитие земледелия, с. 62—65; Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972, с. 192—194.

¹⁷⁸ Harris D. R. Swidden System and Settlement. — MSU, p. 249.

¹⁷⁹ Ibid., p. 9—10.

тая и раскопками «Пещеры духов» в Таиланде.¹⁸⁰ Здесь в слоях X—VII тыс. до н. э. с каменными орудиями хоабинской культуры обнаружено значительное количество растений, в том числе слива, бобы, горох и бетель, к которым затем добавляются фасоль, перец, огурцы и бутылочная тыква. Сведения о том, имеют ли эти растения признаки культивации, носят осторожный и противоречивый характер, и, видимо, большинство находок, если не все, принадлежат дикорастущим сортам. Не исключено, что систематическое собирательство плодов началось в Юго-Восточной Азии достаточно рано и с их использованием в пищу связано и раннее появление — в середине VII тыс. до н. э. — глиняной посуды. Но нельзя забывать, что степень эффективности разных систем земледелия весьма различна и дальнейшее развитие общества находится в прямой зависимости от этой эффективности. Так, если возделывание зерновых культур на Ближнем Востоке прямым образом вело к появлению великих городских цивилизаций, то в Индокитае появление последних (при любой трактовке таиландских находок) — событие весьма позднее. Д. Харрис отмечает, что если земледелие, основанное на маисе, дает сбалансированную растительную диету, то крахмальная диета, основанная на клубнях и корнях, зависит от местных источников животного протеина.¹⁸¹ В Перу, например, возделывание целого ряда растений не привело к торжеству агрикультуры, пока здесь не распространился интродуцированный с севера маис.¹⁸² В Юго-Восточной Азии эту роль скорее всего сыграло распространение риса.¹⁸³ Во всяком случае здесь пока идет речь об установлении самого факта существования земледелия, а не о детальной реконструкции практиковавшейся агрикультурной системы.

Рассмотренные нами хозяйственные системы получения продуктов питания обладали различным производственным потенциалом, что, естественно, сказывалось на уровне развития практиковавших их обществ. Расширенное воспроизводство на основе охоты было возможно лишь в ограниченных пределах, что, в частности, нашло отражение в отсутствии цивилизаций, основанных на этом виде хозяйственной деятельности. Наибольшими перспективами для расширенного воспроизводства обладало земледелие, особенно в сочетании с той или иной формой скотоводческого хозяйства. При низком уровне развития орудий труда приоритет имеет поливное или ирригационное земледелие, этапы эволюции которого могут быть достаточно четко реконструированы на археологических материалах. Высокая производитель-

¹⁸⁰ Groman Ch. The Hoabinhian and After. — *World Archaeol.*, 1971, v. 2, № 3; Чеснов Я. В. Юго-Восточная Азия — древний культурный центр. — *ВИ*, 1973, № 1.

¹⁸¹ Harris D. R. *Op. cit.*, p. 13.

¹⁸² Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 133.

¹⁸³ Chang Kwang-chin. The Beginnings of Agriculture in the Far East. — *Antiquity*, 1970, v. XLIV, № 175, p. 182—183.

ность этой земледельческой системы, заложенные в ней возможности к расширенному воспроизводству в сравнительно больших масштабах объясняют различие путей и темпов развития племён средней зоны Европы и Ближнего Востока, где исходной была именно земледельческо-скотоводческая экономика.

Вместе с тем при анализе этих систем ярко выступает главная сторона материального производства — его специфически человеческий, общественный характер.¹⁸⁴ Уже архаические формы охоты, реконструируемые для апельского времени, рисуют нам такую особую форму организации, как кооперация. Формированию земледельческой экономики способствовало наличие одной из главных ее предпосылок — общины как формы производственной организации. Земледелие, особенно в его орошаемых вариантах, стало одним из факторов сохранения общины, хотя ее внутренняя структура и претерпевает существенные изменения. К. Маркс отмечал большую роль первобытного кооперативного, или коллективного, производства.¹⁸⁵ Вместе с тем именно новые способы получения продуктов питания — земледелие и скотоводство — привели к такому повышению производительности труда (см. ниже, с. 107), которое открыло возможности и имущественной дифференциации, и эксплуатации. К отражению этих процессов в материалах археологии мы обратимся в последующем изложении.

¹⁸⁴ Боряз В. Н. Молодежь. Методологические проблемы исследования. Л., 1973, с. 79.

¹⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 404.

ДРЕВНИЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Обратимся теперь ко второй группе производств, связанной с удовлетворением потребностей общества, лежащих вне сферы добычи и производства продуктов питания, и приобретающей все большее значение по мере исторического развития. Это разнообразные промыслы и ремесла, которые также можно рассматривать как самостоятельные системы. Составными элементами такой системы являются исходное сырье, орудия труда (средства труда) и профессиональные навыки человека, занимающегося трудом и включенного в систему определенных (производственных) отношений с другими индивидуумами. На выходе мы имеем результат трудовой деятельности, сам изготовленный объект, чаще всего обнаруживаемый археологами, по которому в определенной мере можно судить о трудовых процессах, приведших к его появлению. При этом в генетическом аспекте названные элементы отчетливо проявляют тенденцию к усложнению, позволяющую наметить в развитии системы качественные рубежи. В социально-экономическом отношении такую качественную грань представляет перерастание домашних промыслов в специализированные ремесла — явление, игравшее первостепенную роль в формировании и развитии древних цивилизаций.

Социологическая сущность понятий «домашние промыслы» и «ремесла» освещена основоположниками марксизма-ленинизма. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дал определение ремеслу как производству изделий по заказу потребителя из материала заказчика или ремесленника с оплатой труда либо деньгами, либо натурой.¹ «Домашней промышленностью, — писал В. И. Ленин, — мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает».² Эти формулировки, касающиеся экономики позднефеодальной и раннекапиталистической России, имеют важное значение и для более ранних эпох, поскольку четко определяют политэкономическую сущность явления.

Яркая картина сложения ремесла и выделения его в самостоятельную отрасль древней экономики была нарисована Ф. Энгель-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 328—329.

² Там же, с. 328.

сом. Он отметил два важных момента — профессиональное мастерство как технологическую основу обособления ремесла и связь ремесел с обменом: «...в ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, во все возрастающей степени увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства ... Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия».³ И далее, разделение труда между земледелием и ремеслом означало «...превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества».⁴ Эта методологическая база исторического материализма и является исходной теоретической основой при разработке археологической методики изучения домашних промыслов и ремесел, их взаимной связи и эволюции. Представляется, что могут быть намечены три основных вида методических подходов:

1. Установление степени профессионализма, проявляющейся в технологических особенностях производства и в устойчивой связи мастеров-профессионалов с орудиями труда (погребения ремесленников).

2. Определение территориального расположения на поселении центров производств как отражение форм организации соответствующих промыслов. Основой анализа должно являться размещение самих остатков производств и распространение связанных с ними орудий труда. Правда, следует иметь в виду, что причины той или иной локализации могут быть как социологическими, так и технологическими.

3. Установление развитого обмена и торговли предметами домашних промыслов и ремесел, а не сырьевыми ресурсами или уникальными объектами. Важное значение здесь имеет распространение так называемых торговых кладов. Со значительными трудностями связана выработка методики для установления фактов обмена или торговли не в масштабах региона, а внутри отдельного поселения.

Попытаемся кратко охарактеризовать, опираясь на подобную методику, развитие различных производств. Нужно прямо сказать, что наименее разработаны указанные вопросы для доземледельческой эпохи. Технологическое совершенство палеолитических орудий труда иногда было весьма значительным и требовало определенных производственных навыков, с чем, как правило, сталкиваются современные исследователи в попытках моделировать трудовую деятельность древнего человека.⁵ Однако, несмотря на совершенство изделий, они потенциально могли быть изготов-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 163.

⁴ Там же, с. 165.

⁵ Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 45—49.

лены любым членом коллектива и практически все владели соответствующими производственными навыками. Материалы культурно-хозяйственных типов архаических охотников и собирателей, известные нам по этнографии, свидетельствуют об этом достаточно убедительно. Так, калифорнийский индеец, работавший в музее в Сан-Франциско, в совершенстве владел почти всеми видами производств,⁶ в то время как калифорнийские племена охотников, рыболовов и собирателей находились на весьма архаическом этапе развития культуры и общества.⁷ Нет ремесленников и у африканских охотников хадзапи — там каждый взрослый умеет изготавливать предметы домашнего обихода.⁸ Орудия и охотничье оружие австралийцев также изготавливались в процессе индивидуального мужского труда.⁹ Разумеется, в силу личных дарований выделялись люди более искусные в том или ином ремесле, как например в строительстве хижин, и тогда они работали на своих соплеменников.¹⁰ Вполне вероятно, что выделение таких мастеров-умельцев имело место и в эпоху верхнего палеолита, если не в более ранний период. Но наличие мастеров-искусников не было имманентной частью общественной структуры, обязательным составным элементом процесса общественного производства.

В силу этой особенности, связанной с уровнем технологического развития, производства на территории стойбища носили децентрализованный характер. С. Н. Бибилов установил, что изготовление орудий на верхнепалеолитических стоянках было рассредоточено по семьям, образовавшим в целом первобытную общину.¹¹ В специальной литературе часто можно встретить упоминание о мастерских эпохи палеолита¹² и даже о стоянках-мастерских.¹³ Однако это были отнюдь не те мастерские ремесленников-профессионалов, которые характерны для эпохи разложения первобытного строя, а традиционные рабочие площадки, где

⁶ Кребер Т. Иши в двух мирах. М., 1970, с. 147—159.

⁷ Народы Америки. Т. I. М., 1959, с. 572—581.

⁸ Надь Г. Охотники и собиратели Восточной Африки. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.

⁹ Бахта В. М. Общественное производство у аборигенов Австралии и папуасов Восточной Новой Гвинеи. Автореф. канд. дис. М., 1963.

¹⁰ Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе. — ТИЭ, н. с., 1960, т. IV, с. 146.

¹¹ Бибилов С. Н. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии. — В кн.: Тез. докл. Всесоюз. сессии, посв. итогам археол. и этногр. исслед. 1966 г. Кишинев, 1967, с. 12—15.

¹² Касымов М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии. Автореф. канд. дис. Л., 1962.

¹³ Любин В. П. Нижний палеолит. — В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 35. — В. П. Любин даже пишет, что среди памятников ашеля—мустье «стоянки-мастерские» являются самым распространенным типом памятников. Скорее следует говорить, что на большинстве стойбищ обработка кремня, легко фиксируемая археологами, имела широкое распространение.

систематический труд членов общины приводил к накоплению производственных остатков. Поэтому с точки зрения социологически обусловленной терминологии применение к ним понятия «мастерская» не очень удачно.

Особенного внимания заслуживает вопрос о развитии обмена в доземледельческую эпоху. Известно, что архаический межплеменной обмен получил весьма широкое развитие у аборигенов Австралии, причем меняли самые различные изделия: оружие, утварь, украшения, а изредка и сырье. Охра, морские раковины и особый вид наркотика — питчеры — по традиционным путям многоступенчатого обмена пересекали чуть ли не весь материк. Однако обмен послал коллективный характер, часто приурочивался к крупным межплеменным сборищам и празднествам и — самое главное — не нарушал натурального характера экономики аборигенов, не затрагивал основ их производства (см. ниже, с. 76).

Несколько более разработаны вопросы дальнейшей эволюции первобытных производств. После перехода общества к земледельческо-скотоводческой экономике возросшие потребности и повышение уровня благосостояния стимулировали развитие сферы производства, не связанной непосредственно с получением и обработкой продуктов питания. Представляется, что, опираясь на материалы раннеземледельческих культур Средней Азии и Ближнего Востока, можно говорить о трех периодах развития домашних производств, постепенно превращавшихся в специализированные ремесла.¹⁴ На первом этапе, ярко характеризующем памятниками джейтунской культуры,¹⁵ производства архаических земледельческих общин отмечены явной печатью древних традиций. Домашние промыслы на Джейтуне технологически разнообразны, но социально архаичны. Такие промыслы, как изготовление кремневых орудий труда, украшений из камня и кости, обработка кожи и дерева, по степени профессионализма едва ли намного превосходят соответствующие производства эпохи мезолита или верхнего палеолита. Как показало специальное исследование, те новые черты, которые обнаруживаются в орудиях труда ранних земледельцев (станковые сверла, боковые скребки и др.), отражают лишь эволюционный характер количественных изменений в рамках ранее сложившихся индустрий.¹⁶ Вместе с тем появляются новые виды домашних производств, в дальнейшем способствующие все большей дифференциации и специализации. К числу таких нововведений относятся гончарство и строительное дело, связанное с возведением глинобитных строений. Однако и то и другое еще во многом архаичны. Стандартный прямоугольный кирпич

¹⁴ Массон В. М. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 54.

¹⁵ Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180, с. 89—97.

¹⁶ Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, 1969, № 158, с. 75—76.

пока отсутствует, вылепленная ленточным способом посуда груба и толстостенна, роспись ее примитивна. Особенно важна четкая децентрализация джейтунских производств, освоенных едва ли не каждой из 30 малых семей, составляющих весь поселок в целом. Так, в 20 хозяйствах занимались изготовлением кремневых орудий личного пользования, в 27 велась обработка шкур, в 25 — дерева (рис. 5). Это четко устанавливается на основании анализа распространения находок орудий труда на территории поселения и идентично картине, наблюдаемой С. Н. Бибиковым на верхнепалеолитических стойбищах. Вместе с тем джейтунскую общину как единое хозяйственное целое объединяла необходимость коллективных усилий в аграрных работах.

Наиболее сложен вопрос о роли и характере обмена на этом этапе развития домашних производств. Как на самом Джейтуне, так и на других памятниках джейтунской культуры обнаружены подвески и бусы из раковин, происходящих с Каспийского моря и из более отдаленного Индийского океана.¹⁷ Менее ясен вопрос о степени развития внутреннего обмена. Совместные находки кремневых пилок и сверл, которые можно рассматривать как указание на места производства бус и подвесок, отмечены на Джейтуне в 7 комплексах из 30. Возможно, каждое из таких производств обслуживало группу родственных семей.¹⁸ У охотников и собирателей Калифорнии имелись семьи, сосредоточивавшие свои усилия на специализированных занятиях — плетении сетей, выделке кож или изготовлении бус.¹⁹

Для второго этапа развития древних производств показательно появление большого числа высококачественных изделий, характер изготовления которых носит явные черты профессионализма. В археологических коллекциях такие изделия представлены в изобилии. Ф. Энгельс считал возможным для эпохи неолита и бронзы говорить о «домашнем ремесле».²⁰ Предлагался и термин «первобытное ремесло».²¹ Весьма удачным представляется определение «общинное ремесло».²² Во всяком случае для раннеземледельческих племен, у которых сельское хозяйство обеспечи-

¹⁷ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 40; Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969, с. 87.

¹⁸ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 107.

¹⁹ Gabel C. Analysis of Prehistoric Economic Patterns. New York—London, 1967, p. 47.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 161.

²¹ Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. — В кн.: VII Междунар. конгр. доист. и протост. Докл. и сообщ. археол. СССР. М., 1966, с. 159.

²² Биби́ков С. Н. Марксистско-ленинская методология та археологична наука. — Українськ. іст. журн., 1970, № 4, с. 56—57; Кропоткин В. В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III—IV вв. п. э. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 152—153.

вало устойчивую продовольственную базу, можно говорить о выделении особого этапа общинного ремесла. Социологически он, видимо, соответствует появлению мастеров-профессионалов, обслуживавших потребности всех членов общины в силу своего членства в ней. Прогрессивный характер земледельческого хозяйства определил выделение таких мастеров. Вместе с тем слабое развитие обмена не позволяет еще говорить об отделении ремесла от земледелия.

Рассмотрим кратко второй этап с точки зрения трех методических направлений, предложенных выше. Предметы материальной культуры, происходящие из соответствующих комплексов, убедительно свидетельствуют об усложнении производств, о появлении целого ряда новых отраслей, нередко непосредственно связанных именно с земледельческо-скотоводческой экономикой. Так, среди прочего инструментария, необходимого для обработки продуктов питания, требовавших варки, появилась глиняная посуда, надежное подспорье археологической науки. Качество глиняной посуды рассматриваемого этапа свидетельствует о высокой степени профессионализма ее изготовителей. Можно уверенно сказать, что труд общинных ремесленников превратил раннеземледельческую керамику, покрывавшуюся, как правило, расписной орнаментацией, в выдающийся памятник прикладного искусства. Оседлый образ жизни привел к расцвету строительного дела: примитивные жилища первых земледельцев сменяются сложными многокомнатными постройками, нередко со сводчатым перекрытием. Особенно разнообразной становится деятельность, связанная с удовлетворением потребностей общества вне сферы питания, сделавших буквально скачок с переходом к новой экономике. В этой сфере обслуживания трудятся и плотники, и столяры, и ювелиры — недаром первые зеркала появляются как раз в раннеземледельческих комплексах. Наконец, складывается металлургия — производство, которое уже в силу своей технологии требовало участия профессионалов. Бесспорным отражением появления последних служат погребения мастеров со специфическим набором их рабочих инструментов.

Если говорить о территориальном размещении производств на поселении, то на данном этапе отчетливо выступает тенденция к их строгой локализации, к выделению домов-мастерских, принадлежавших общинным ремесленникам. В силу специфики материала обычно легко выделяются дома мастеров-керамистов, обжигавших свои изделия в специальных печах, обнаруживаемых в процессе раскопок. Так, особый производственный участок с гончарными печами выделяется на хассунском поселении Ярм-Депе I в Северной Месопотамии.²³ Широко известен в литературе

²³ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. 1) Советская археологическая экспедиция в Ираке. — Вестн. АН СССР, 1969, № 9, с. 99; 2) Советские археологические исследования в Северо-Западном Ираке. — Там же, 1970, № 10, с. 123.

дом гончара в халафской Арпахче, где, кстати, были найдены запасы охры, предназначенной для росписи сосудов, и палетки для растирания красок.²⁴ В слое Хаджилар II также было расплано строение, по плану не отличающееся от обычных жилых домов, но по характеру находок (терки для красок, серии готовых сосудов) явно представляющее собой керамическую мастерскую.²⁵ Поселение Хаджилар II занимало площадь около 2000 м² и состояло из 8—10 жилых домов. Сама мастерская по плану ничем не отличалась от рядовых жилых строений, и, возможно, это и был дом мастера-гончара. Дом-мастерская гончара была открыта в Болгарии в четвертом слое Караново. На закавказских поселениях III тыс. до н. э. обнаружены в ряде случаев остатки металлургических мастерских.²⁶ Особенно интересна мастерская, распланная Т. Н. Чубинишвили на поселении Амиранис-гора. Она представляла собой отдельное строение со сводчатой плавильной печью, около которой лежали сопло и сосуд с запасом мелкоколченого технического угля.²⁷ Поселение Амиранис-гора, так же как Хаджилар, сравнительно невелико, и скорее всего лишь одна семья в нем занималась металлургией.

Особенно важен вопрос о способах реализации продукции, производимой этими общинными мастерами, для чего необходимо обратиться к этнографическим материалам, характеризующим культурно-хозяйственный тип оседлых земледельцев.

Весьма интересный образец структуры общинного ремесла дает этнография Индии, где профессиональные группы оформлялись в касты, общественное и экономическое состояние которых было строго кодифицировано традицией. При этом сложившиеся производственные отношения между кастовыми группами регулировались системой «джаджмани», представлявшей собой систему распределения продуктов производства в деревенской общине.²⁸ По этой системе определялись размеры услуг, оказываемых земледельцам представителями неземледельческих каст, с расчетом обычно натурой во время уборки урожая. Таким образом, как пишет один из исследователей, «даже не участвуя в земледельческих работах, деревенский плотник, кузнец, гончар, кожевник работают не на рынок, а преимущественно на земледельцев своей деревни. Конечная цель их труда по специальности... сводится к получению права на свою часть готового продукта

²⁴ Mallowan M. E. *Twenty-Five Years of Mesopotamian Discovery*. London, 1956, p. 6.

²⁵ Mellaart J. *Excavations at Hacilar*. — *Anatolian Studies*, 1958, v. VIII, p. 133.

²⁶ Махмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г. О древнейшей металлургии Кавказа. — *СА*, 1968, № 4.

²⁷ Кушнарева К. X., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 62, 114.

²⁸ Колонтаев А. П. Разложение сельского хозяйства и возникновение новых отраслей в Индии. М., 1968.

Рис. 5. Поселение Джейтун VI тыс. до н. э. Распространение орудий для обработки шкур.
 а — микроскребки; б — концевые скребки; в — скребки на отщепках; г — боковые скребки; д — проколки и иглы; е — скребки на лопатках; арабские цифры — номера помещений.

земледелия».²⁹ Следует иметь в виду, что система «джаджманий» предстает в формах, заостренный характер которых утверждён многовековой традицией существования каст. Более архаические, но по значимости безусловно аналогичные явления мы наблюдаем в организации гончарного производства у горцев Средней Азии, в частности у ягнобцев.³⁰ Здесь изготовление лепной посуды было делом женщин, и почти в каждом селении жили две-три искусные мастерицы. Некоторые из них изготавливали посуду только для себя и для родственных семей. Их труд в чужих домах оплачивался яйцами, угощением, какими-либо ответными услугами. Если посуда шла на продажу, то оплата осуществлялась только зерном, т. е. имел место натуральный обмен. Эта традиция, хотя и не получившая строгой кодификации, как в индийских общинах, была тем не менее очень устойчивой. Посуда никогда не продавалась на деньги, даже когда существовали базары с развитой куплей-продажей. Ягнобские мастерицы скорее всего представляют ранние формы общинного ремесла, заключительная фаза которого в заостренном виде сохранилась в Индии и в эпоху классовых формаций.

Вместе с тем ряд производств в раннеземледельческих обществах по-прежнему носил децентрализованный характер. На энеолитическом поселении Кара-Депе в Южном Туркменистане находки прясел в каждом доме³¹ свидетельствуют о том, что по крайней мере часть ткацких работ производилась, как и в пору джейтунской культуры, силами малой семьи. С. Н. Бибиков считает, что в трипольском обществе домашними промыслами в каждом доме были ткачество, обработка кож, изготовление мелких предметов.³² У зулусов плетением корзин или выделкой лепных сосудов кострового обжига мог заниматься практически любой член общества, но мастерство кузнеца с его производственными секретами было уже наследственным.³³ Специфическую сущность данного этапа составляло именно выделение мастеров-профессионалов. Недаром мы все чаще видим, как тесная связь мастера с инструментами, составлявшими скорее всего его собственность, отражается и в погребальных обрядах — появляются погребения ремесленников с их орудиями производства.³⁴

²⁹ Кудрявцев М. К. О некоторых особенностях деревенских общин в Северной Индии. — СЭ, 1970, № 4, с. 72—73.

³⁰ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. — ТИЭ, н. с., 1959, т. XLII, с. 116—120, 373—374.

³¹ Массон В. М. Кара-Депе у Артыка. — ТЮТАКЭ, 1960, т. X, с. 399.

³² Бибиков С. Н. О ранних формах ремесленного производства. — В кн.: Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970, с. 9.

³³ Брайант А. Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, с. 233.

³⁴ Таковы, например, известные погребения литейщиков первой половины II тыс. до н. э. из Нижнего Поволжья (Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. — МИА, 1959, № 60). На Кавказе имеются погребения ювелиров.

Наконец, на третьем этапе происходит отделение ремесла от земледелия, второе крупное общественное разделение труда. Данное явление и в технологическом, и в социальном отношении было подготовлено всем ходом предшествующего развития. На Древнем Востоке в технологическом отношении ремесло этого этапа в основных чертах идентично ремеслу раннеклассовых обществ. Здесь весьма показательна дробная специализация различных производств. Известный шумерский перечень элементов цивилизации называет в качестве таковых искусство обработки металлов, ремесло кузнеца, кожевника, строителя и корзинщика.³⁵

Приобретение производственных навыков требовало длительного профессионального обучения, отрывавшего индивидуума от общины. В этом отношении весьма интересны данные хеттских законов о затратах на обучение исполнителя, т. е. на накопление информации. «Если кто-нибудь, — читаем мы в соответствующем параграфе, — отдаст сына в обучение либо на плотника, либо на ткача, либо на гончара, либо на кожевника, либо на валяльщика, (то) он должен дать 6 сиклей серебра (как плату) за обучение».³⁶ В данном случае, судя по терминологии, имелась в виду подготовка не собственно мастера, а всего лишь подмастерья.³⁷ По законам за шесть сиклей можно было приобрести одну корову либо шесть овец. О том, что подобные затраты сравнительно легко окупались, можно судить на основании данных того же источника. Сдача в наем бронзового топора весом в 3 мины (около 1,5 кг) оценивалась в 1 сикль, а весом в 1 мину — в половину сикля. Изготовление же топора весом в 1 мину должно было обойтись аказчику в 1 меру зерна. Столько же платили мужчине за три дня работы на уборке урожая. При этом следует иметь в виду, что в технологическом отношении хеттское ремесло было прямым наследником производств Малой Азии эпохи ранней бронзы. Особенно заметна, по археологическим материалам, высокая степень специализации в обработке металла. Здесь, отвечая на социальные запросы общества, переживающего интенсивный процесс разложения первобытного строя, обособляются такие профессии, как ювелира и оружейника. В распоряжении мастеров имелся разнообразный набор орудий труда, специально предназначенный для данной профессии, от всевозможных литейных форм до орудий для последующей обработки.³⁸

Особенно высокой степени профессиональной специализации требовало мастерство металлургов и литейщиков, с усложнением технологии все более дифференцирующееся на мелкие специальности. На архаических этапах развития металлургии одна и та же

³⁵ Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965, с. 123.

³⁶ Хеттские законы. Пер. В. В. Иванова. Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963, с. 325.

³⁷ Менабде Э. А. Хеттское общество. Тбилиси, 1965, с. 72.

³⁸ Мартиросян А. А. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. Ереван, 1969, с. 50.

группа лиц собирала руду, выплавляла металл и изготовляла из него различные предметы, как это, например, имело место у кузнецов Бенгалли.³⁹ Затем обособились как особые группы профессионалов и горняки, и металлурги, и кузнецы, и литейщики.⁴⁰ В иньском Китае прогресс металлургии шел по линии совершенствования технологии, что наряду с возрастанием объема производства вело ко все большей специализации, а вместе с тем требовало и объединения усилий значительного числа мастеров разного профиля. М. В. Крюковым подсчитано, что для изготовления ритуального бронзового сосуда времени поздней Инь, весившего около 875 кг, был необходим металл из 70 тиглей, причем каждым тиглем манипулировало несколько человек.⁴¹ При этом не следует забывать о художниках, составлявших эскизы орнаментальных и эпиграфических поясов, и мастерах, изготовлявших по этим эскизам разборные формы для литья. Вероятно, на основе технологических расчетов и палеоэкономического анализа удастся со временем достаточно точно выделить производства, технологический уровень которых требует наличия мастеров-профессионалов.

Важные изменения наблюдаются и в пространственной локализации ремесел — выделяются крупные производственные центры, целые мастерские или кварталы ремесленников. Хорошо известны крупные центры керамического производства, использующего такие высокопроизводительные инструменты, как гончарный круг⁴² и двухъярусные обжигательные печи. На поселении развитой бронзы в Южном Туркменистане на северной окраине на площади в 2,5 га располагался целый «квартал гончаров». В небольшом раскопе, заложенном здесь в 1960 г., было обнаружено десять керамических горлов различных размеров.⁴³ Продолжение работ подтвердило высокую степень насыщенности этой части поселения такими печами.⁴⁴ Они располагались рядом с многокомнатными строениями, в которые входили и жилые, и производственные помещения. Особенно важно то обстоятельство, что, как показали раскопки нижних слоев, гончары обживали данный участок традиционно в течение нескольких поколений.⁴⁵ В эпоху

³⁹ Черных Е. Н. Металл—человек—время. М., 1972, с. 197.

⁴⁰ Черных Е. Н. История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке. Автореф. докт. дис. М., 1972, с. 34.

⁴¹ Крюков М. В. О развитии производительных сил в Китае в XV—XI вв. до н. э. (на примере иньской металлургии). — НАА, 1964, № 3, с. 74.

⁴² Сайко Э. В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1970.

⁴³ Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 167.

⁴⁴ Масимов И. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-Депе. — КД, 1970, в. III.

⁴⁵ Щетенко А. Я. Раскопки на Алтын-Депе в Южной Туркмении. — КСИА, 1968, в. 114; Массон В. М. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-Депе. — АО 1970 г., 1971, с. 428—430.

поздней бронзы крупные гончарные мастерские появляются и в Закавказье.⁴⁶ Обособляется ремесленный квартал в поселении среднеэллинистического времени — в Дорионе IV.⁴⁷ Ремесленные центры мы застаем и на городищах иньского Китая.⁴⁸ Так, в Чженчжоу на участке в 1000 м² было собрано свыше 1000 обломков литейных форм, земля здесь местами была пропитана окислами меди, найдена производственная площадка с углублениями, заполненными шлаками.⁴⁹ Особенно многочисленны данные о наличии мастерских, связанных с металлургией и металлообработкой. Как писал Дж. Г. Кларк, в Европе в эпоху поздней бронзы такие мастерские появляются повсеместно и обслуживают широкий рынок.⁵⁰ В Закавказье в эпоху поздней бронзы и раннего железа крупный металлургический центр складывается в Мецаморе.⁵¹

Весьма важен вопрос определения социальной значимости этих выделившихся центров. Как показывают этнографические материалы, на ранних этапах объединения гончаров среднеазиатских городов, особенно небольших, носили весьма архаический характер.⁵² Правда, это уже не женский промысел по производству лепной посуды, а чисто мужская профессия с таким основным инструментом, как гончарный круг. В небольших городках гончарством занимались немногочисленные группы ремесленников, связанных кровнородственными узами. Обычно это было несколько родственных семей, во главе которых стоял старший из родичей, продолжавший линию предков гончаров по мужской линии. Возможно, на Алтын-Деле с его традиционной локализацией керамического производства существовала целая община гончаров, наличие которой обусловило отмеченную территориальную дифференциацию. Интересно отметить сравнительно невысокий уровень благосостояния гончаров Алтын-Деле (см. ниже, с. 146). Весьма существенно то обстоятельство, что обособление профессии сопровождается установлением определенной культовой обрядности. Уже в женском гончарстве у среднеазиатских горцев почитались «духи прошедших мастериц».⁵³ С выделением ремесла в самостоятельную отрасль появляются божества — покровители новых обособившихся профессий. В Европе — это металлург, кузнец, предшественник Гефеста. К числу таких божеств принадлежали, например, тельхины, принявшие в борьбе с Кроносом сторону Зевса.⁵⁴ На Самоа «гильдия строителей домов и ло-

⁴⁶ Кушпарева К. X. К вопросу о развитии металлургии и гончарства на древнем Кавказе. — В кн.: Домашние промыслы..., с. 21.

⁴⁷ Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966, с. 116.

⁴⁸ Cheng Te-kun. Archaeology in China. II. Cambridge, 1960, p. 43.

⁴⁹ Пещерева Е. М. Указ. соч., с. 312—315.

⁵⁰ Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа. М., 1958, с. 199.

⁵¹ Мартиросян А. А. Указ. соч., с. 46.

⁵² Пещерева Е. М. Указ. соч., с. 312—315.

⁵³ Там же, с. 120.

⁵⁴ Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 92.

док» имела своего божественного покровителя.⁵⁵ У глиняных и хайда соответствующим мастерам покровительствовал «мастер-деревобделочник» или «мастер-лодочник».⁵⁶ Сами мастера образуют особые ремесленные касты. При строгой системе социальной стратификации положение ремесленников порой приходило в несоответствие с их имущественным благосостоянием. Так, в чжоуском Китае ремесленники и торговцы, чья профессия была наследственной, по положению приравнивались к низшей социальной категории — простолюдином — и соответственно ограничивались их возможности в ношении богатых одежд, обладании парадными жилищами и т. п.⁵⁷

В раннеклассовых обществах локализация ремесел могла быть связана с существованием своего рода государственных мастерских, находившихся под контролем центральной власти. Уже в пиктографических текстах Шумера упоминается *simug gal* — «большой (главный) кузнец», — видимо, лицо, стоящее во главе какого-то объединения.⁵⁸ Позднее в Шумере появились государственные ткацкие мастерские, в которых работало до 800 и более рабынь.⁵⁹ Интересно, что на расписном сосуде эпохи мочика в Перу мы тоже видим изображение ткацкой мастерской (рис. 6). Глава кузнецов известен и в хеттском обществе.⁶⁰ В раннеклассовом обществе Каниша (Малая Азия) имеются начальник кузнецов, начальник литейщиков бронзы,⁶¹ начальник ткачей хитонов — все это главы ведущих категорий ремесленников, находящихся под контролем дворцовой администрации. Вместе с тем, как отмечает Н. Б. Янковская, «вне этого контроля, видимо, оставался труд ремесленников, не занятых непосредственно обслуживанием цитадели главного города, т. е. изготовляющих не оружие и дорогие хитоны, а множество разных видов тканей и посуды, разнообразие форм которой особенно поражает в археологии Каниша».⁶² Иными словами, в рядовых поселках этого небольшого малоазийского царства вполне могло процветать общинное ремесло. Интересно, что в Южном Туркменистане эпохи развитой бронзы наряду с крупными раннегородскими центрами, подобными Алтын-Депе, существуют небольшие поселения. На одном из них среди домов

⁵⁵ Бутинов Н. А. Указ. соч., с. 146.

⁵⁶ Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в общинах индейцев северо-западного побережья Северной Америки. — ТИЭ, н. с., 1961, т. XX, с. 29.

⁵⁷ Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классовых отношений. М., 1968, с. 277—279.

⁵⁸ Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 44, 55—56, 60.

⁵⁹ Там же, с. 348.

⁶⁰ Менабде Э. А. Указ. соч., с. 64.

⁶¹ Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. М., 1968, с. 37.

⁶² Там же, с. 38.

была обнаружена обжигательная печь, тождественная алтыновским горнам.⁶³ Вероятно, перед нами остатки мастерской общинного ремесленника. И можно заключить, что общественное разделение труда здесь в яркой форме проявилось лишь в крупных центрах.

Для третьего этапа характерно широкое развитие обмена, перерастающего в регулярную торговлю (см. ниже, с. 86). Строго говоря, производство изделий на продажу, пными словами, товарность ремесленного производства и определяет сущность этого этапа. Изучение данного явления на археологическом материале требует особенно тщательного и вдумчивого анализа. В этом отношении широкие возможности кроются в металлических изделиях, чаще всего различных предметах из бронзы, находимых то группами (клады), то отдельно и легко поддающихся детальному типологическому и технологическому исследованию. Как отмечал Кларк, само включение того или иного региона в сферу бронзолитейной технологии «подразумевает распространение производственных навыков и организацию широкой торговли металлами».⁶⁴ Металлургия и обмен образуют, таким образом, устойчивую прямую и обратную связь. При этом в качестве обменного эквивалента все чаще выступают образцы продукции ремесленников.

Характерный показатель этих явлений — «торговые клады», состоящие из готовых и наполовину законченных изделий.⁶⁵ Археологам хорошо известны такие находки, и в эпоху поздней бронзы они встречаются повсеместно. На территории СССР они особенно многочисленны в Закавказье, где широко шло перемещение готовой продукции, выделялись крупные мастерские с серийным производством.⁶⁶ Интересное описание металлообрабатывающего производства в Северном Причерноморье дает В. С. Бочкарев.⁶⁷ Первоначально, как это установлено рядом исследователей,⁶⁸ основная масса металлургических изделий поступала в Северное Причерноморье и в Нижнее Поволжье с Кавказа.

В период поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье складывается крупный местный очаг металлообработки, объединявший несколько мастерских, известных по находкам групп ли-

⁶³ Щетенко А. Я. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. — КД, 1970, в. III, с. 48.

⁶⁴ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 257.

⁶⁵ Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 168.

⁶⁶ Кущнарева К. Х. Указ. соч., с. 20—21; Авалишвили Г. Б. Юго-Восточная Грузия в первой половине I тысячелетия до н. э. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1970, с. 8.

⁶⁷ Бочкарев В. С. К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. — В кн.: Домашние промыслы... с. 7—10.

⁶⁸ См., например: Черных Е. Н. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1963, с. 15.

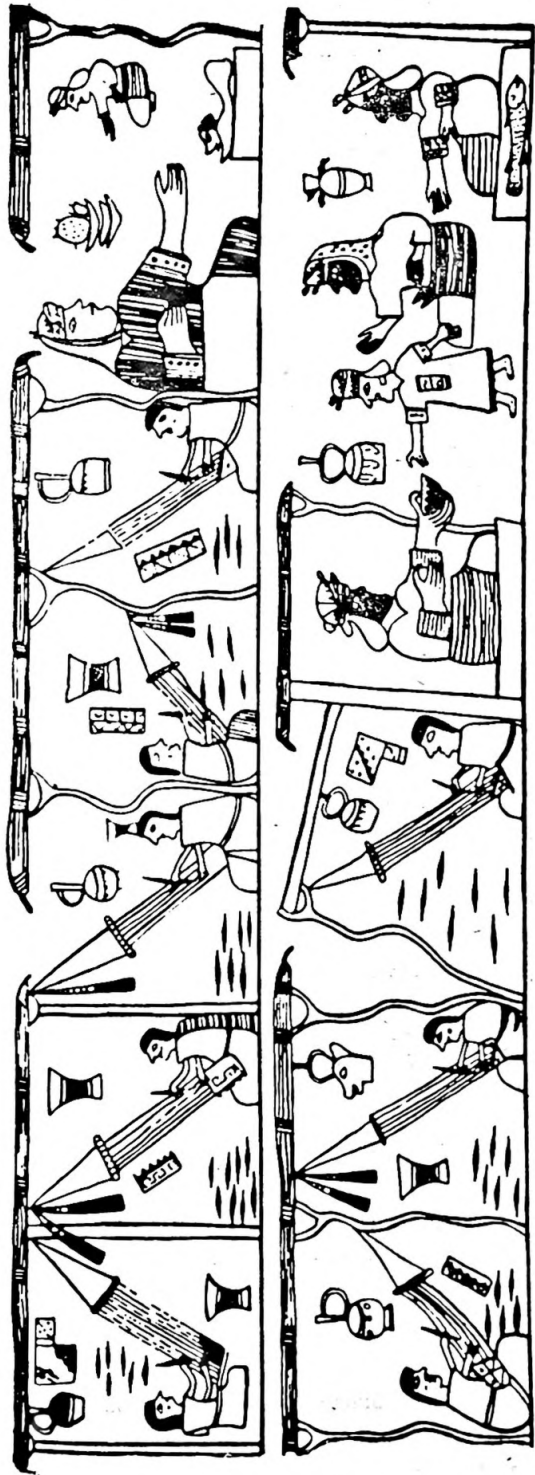

Рис. 6. Изображение ткацкой мастерской на расписном сосуде культуры мочика. Перу, I тыс. до н. э.

тейных форм. При этом размах деятельности этих мастерских был довольно велик. Анализ даже сохранившихся литейных форм показывает, что в них изготовляли по меньшей мере 250—350 изделий. Однако сырье для этих мастерских доставлялось с Запада, и именно оно представлено в так называемых импортныхкладах, содержащих, например, серпы трансильванского типа и кельты «старшего трансильванского типа», практически местным населением не употреблявшиеся. Таким образом, привозные изделия рассматривались как исходное сырье, идущее в переплавку.

Развивающийся обмен становится постепенно основой систематической, налаженной торговли, само наличие которой является неотъемлемой составной частью экономической структуры в целом. Но систематическая торговля с классом купцов — уже достояние новой исторической эпохи, эпохи классовых формаций, когда завершились те процессы в экономике, которые, в частности, нашли отражение в отделении ремесла от земледелия.

Таким образом, так же как при рассмотрении хозяйственных систем, связанных с получением продуктов питания, в сфере домашних промыслов и ремесел прослеживается картина все более усложняющегося материального производства и как следствие этого — появление новых, все более усложняющихся форм экономической структуры общества, направленной как на организацию производства, так и на распределение продуктов. В период палеолита и мезолита предметом производственной деятельности были преимущественно орудия труда, технология и масштабы производства которых практически не требовали профессиональной специализации. В обществах производящей экономики, с заложенными в них возможностями расширенного воспроизводства, спектр производственной деятельности становится более значительным, включающим большое число объектов — от личных украшений и художественной керамики до благоустроенных домов. Более разнообразными и совершенными становятся средства труда, к числу которых относятся печи для обжига глиняной посуды и плавки металлов. Для металлургии, тесно связанной с обменом, сама по себе характерна тенденция к расширенному воспроизводству. В результате этих перемен интенсивно развиваются производственные отношения, связанные с распределением членов общества по различным производствам,⁶⁹ возникают производственные объединения, первоначально затухающие свою экономическую природу традиционными формами родового строя, а затем отчетливо выражающие крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия. На этой стадии развития расширенное воспроизводство охватывает и сферу ремесел, где соответствующие возможности обеспечиваются как уровнем технологического прогресса, так и развитием производственных отношений.

⁶⁹ Перфильев М. Н. Общественные отношения. Л., 1974. с. 141.

ОБМЕН, ТОРГОВЛЯ, ПЕРВОБЫТНЫЕ ДЕНЬГИ

Рассмотренные выше системы добычи и производства продуктов питания и различных изделий по мере увеличения масштабов производства и усложнения его структуры требовали и более сложных форм распределения, чем прямое использование непосредственными производителями. Функции такого распределения по мере развития общества частично переходят к различным видам обмена и торговли. Это была очень важная сторона формопроявления древних обществ, которую, однако, ни в коей мере не следует преувеличивать. В эпоху первобытнообщинного строя обмен охватывал лишь отдельные, как правило, ограниченные области хозяйственной деятельности, практически мало нарушая хозяйственную автаркию отдельных общинных и племенных групп.

По существу обмен и торговля во многом раскрывают механизм процесса так называемых связей, влияний, контактов обычно фигурирующих в конкретных археологических исследованиях. Сама необходимость обмена часто и была мотивом возникновения связей и контактов. Имеется целый ряд работ, посвященных изучению обмена и торговли на археологических материалах. Обмену эпохи первобытнообщинного строя уделено внимание в ряде глав книг Г. Чайлда,¹ Дж. Г. Д. Кларка² и в статье А. Я. Брюсова.³ Со специальным обзором, вызвавшим серию откликов, выступил К. Ренфрю.⁴ В 1972 г. симпозиум на эту тему был проведен в Ленинграде.⁵

Следует трезво оценивать информационные возможности археологии, позволяющей судить о пространственном перемещении неорганических материалов или изделий из них от источников

¹ Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949, с. 109—125.

² Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа. М., 1952, с. 242—279; Clark J. G. D. Traffic of Stone Axe and Adze Blades. — Economic History Review, 1965, v. XVIII, № 1.

³ Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе. — СА, 1957, XXVII.

⁴ Renfrew C. Trade and Cultural Process in European Prehistory. — Current Anthropol., 1969, v. 10, № 2—3.

⁵ Обмен и торговля в древних обществах. Кратк. тез. докл. Л., 1972.

добычи и центров производства. Особенно большое значение имеют установление с помощью методов технических наук ареалов воздействия тех или иных сырьевых источников, статистическая обработка массовых материалов и палеоэкономические оценки объема и масштаба наблюдаемых явлений. Новый уровень технической вооруженности позволяет с высокой степенью точности говорить о пространственных перемещениях исследуемых объектов. Так, на основании петрографического анализа кремневого и обсидианового сырья можно уверенно судить о зонах снабжения, базирующихся на тех или иных источниках.⁶ Аналогично определяется наличие местной и привозной керамики.⁷

Тот же результат был достигнут и путем нейтронной активации черепков, установившей содержание магния.⁸ Традиционным является применение химических анализов при изучении металлических изделий.⁹

Важнейшим методическим приемом обработки всей суммы археологических данных является картирование пунктов находок изделий из редких материалов (обсидиан, янтарь, нефрит, лазурит и др.), кладов готовых вещей и отдельных предметов идентичных форм и технологических характеристик. Такое картирование позволяет, в частности, выявлять направление древних торговых путей.

Учитывая специфику археологических материалов, обмен и торговлю удобнее всего классифицировать по объектам обращения: обмен сырьем, обмен предметами украшений, обмен орудиями труда и оружием. Два первых вида обмена отмечены уже для эпохи верхнего палеолита и мезолита, и не исключено, что древность сырьевого обмена окажется еще более значительной. Распространенным примером обменных связей в период верхнего палеолита служит находка на погребениях в пещере Гримальди бус из позвонков рыб, водящихся в Атлантике.¹⁰ Створки морских моллюсков использовались в виде подвесок в верхнепалеолитическом поселении Мезин, и хотя, возможно, часть их происходит из геологических обнажений близлежащих территорий, некоторые виды скорее всего крымского происхождения, что определяет их перемещение на расстояние в 500—600 км. Еще на большее рас-

⁶ Ковнурко Г. М. О распространении кремня на территории европейской части СССР. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.—Л., 1963; Ren-frew C., Dixon J. E., Cann J. R. 1) Obsidian and Early Cultural Contact in the Near East. — PPS, 1966, v. 31; 2) Further Analysis of Near East Obsidian. — PPS, 1968, v. 34.

⁷ Catlyng H. W., Bickards E. E., Blin-Stoyle A. E. Composition and Provenance of Mycenaean and Minoan Pottery. — Ann. of the British School of Archaeol. of Athens, 1963, № 58, p. 94—115.

⁸ Bennyhoff J. A., Heizer R. F. Neutron Activation Analysis of Some Cicuilco and Teotihuacan Pottery. — AA, 1965, v. 30, № 3, p. 348—349.

⁹ Черных Е. Н. 1) История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966; 2) История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке. Автореф. докт. дис. М., 1972.

¹⁰ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 243—244.

Процент обсидиановых изделий
в кремневой индустрии

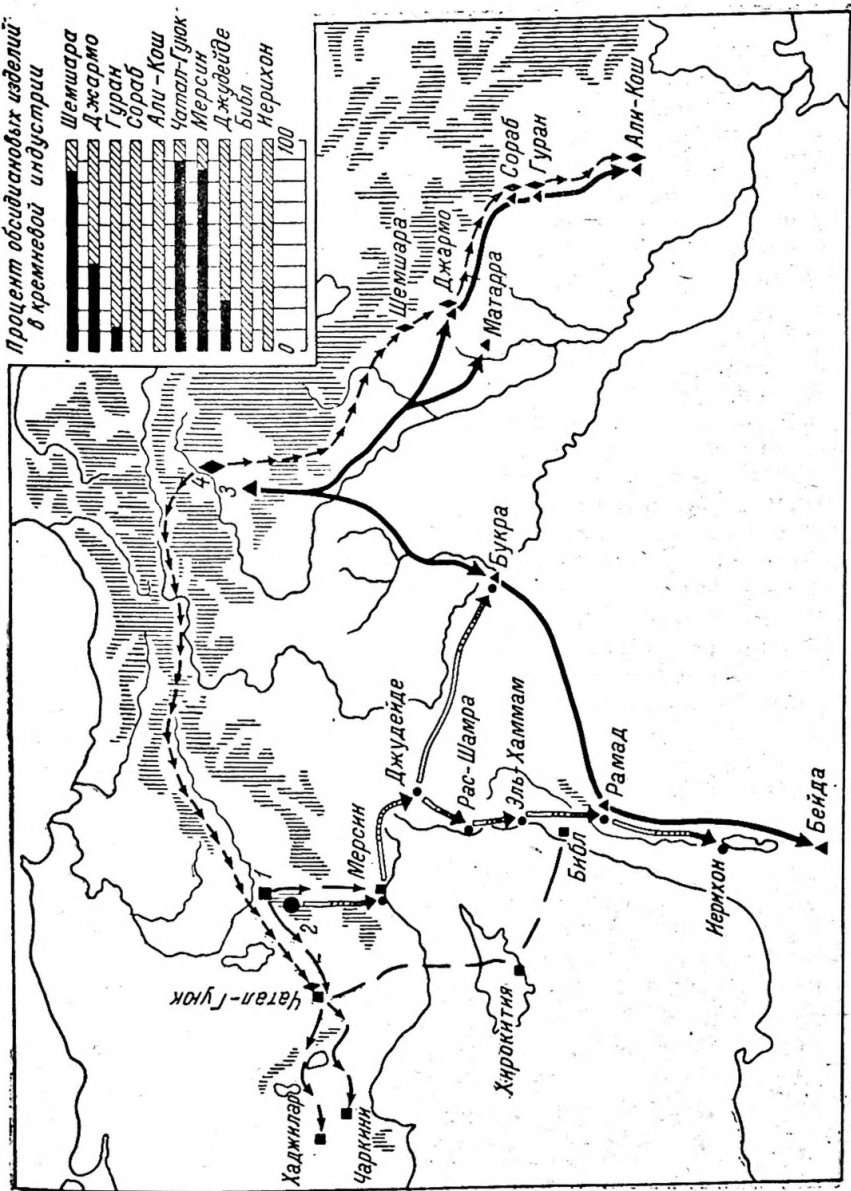
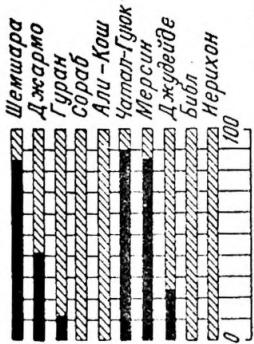

Рис. 7. Распространение обсидиана в Передней Азии в X—V тыс. до н. э. (по К., Ренфроу).

стояние перемещен обсидиан, обнаруженный на Тельмапской стоянке и имеющий карпатское или закавказское происхождение. Рассматривающий эти данные И. Г. Шовкопляс склонен объяснять их исключительно передвижением древних общин, обладавших соответствующими объектами, относясь с излишним скептицизмом к самой возможности существования каких-либо форм обмена в верхнем палеолите.¹¹ В эпоху мезолита обсидиан из источников, расположенных в северной части Венгрии, доставлялся на расстояние в 180 км.¹² Примечательно, что транспортировавшиеся глыбы обсидиана весят около 36 кг,¹³ а это близко древневосточной норме в 30 кг, устапавливавшейся для пеших носильщиков в торговых караванах.¹⁴ Ценные результаты дал осуществленный группой исследователей массовый петрографический анализ обсидиана, обнаруженного на ближневосточных памятниках.¹⁵ В пору верхнего палеолита обсидиан встречается в пунктах, расположенных в 350—400 км от исходных месторождений, но количество его невелико. Это положение сохраняется и для периода мезолита. Существенные изменения происходят в VII—VI тыс. до н. э. В пределах 250—350 км от месторождений обсидиан составляет основу каменной индустрии. Авторы исследования именуют эту область «зоной снабжения». Вне ее пределов до расстояния в 600 км следует «зона контакта», где количество обсидиана постепенно уменьшается (рис. 7). Однако и здесь снабжение обсидианом было достаточно регулярным. На расположенном в «зоне контакта» поселении Джармо обсидиановые изделия составляют 40% всех орудий. Для их изготовления было необходимо 4 т сырья. Для его доставки, согласно приведенным выше нормам, требовался труд около 140 пеших носильщиков. Наконец, на расстоянии от 600 до 900 км количество обсидиановых изделий резко сокращается и достигает не более 1%. Эти данные свидетельствуют о регулярной эксплуатации месторождений. Находки малоазиатского обсидиана на Кипре указывают и на развитие мореплавания.

Организационные формы обмена доземледельческой эпохи могут быть охарактеризованы по данным этнографии для обществ соответствующих культурно-хозяйственных типов. Особенно показательны разнообразные обменные связи Австралийского материка.¹⁶ В обмен здесь шли украшения, утварь, оружие, охра,

¹¹ Шовкопляс И. Г. О характере связей населения в позднем палеолите. — В кн.: Матер. по четвертичному периоду Украины. Київ, 1965, с. 312—371.

¹² Tringham R. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe. London, 1971, p. 45—46.

¹³ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 244.

¹⁴ Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. М., 1968, с. 50.

¹⁵ Renfrew C., Dixon J. E., Cann J. R. Op. cit.

¹⁶ McCarthy F. D. «Trade» in aborigine Australia and «Trade» Relationship with Torres Straits, New Guinea and Malaya. — Oceania, 1939,

наркотики. Организационные формы получения этих объектов были различными. Так, за охрой и камнем для изготовления орудий отряжались экспедиции из большой группы вооруженных мужчин, могущих с боем преодолевать сопротивление на пути. Дальность таких экспедиций иногда достигала 500 км, что соответствует расстояниям, на которые в эпоху мезолита и неолита распространялся обсидиан в Венгрии и Передней Азии. Представляет интерес обычай, согласно которому группам из двух-трех человек разрешалось беспрепятственно проходить через территорию других племен при условии, что они шли за охрой, необходимой для погребальных обрядов, и укладывались в срок, признанный достаточным для такого путешествия. За нарушение этих условий виновные расплачивались жизнью. Вместе с тем широко был распространен непосредственный и многоступенчатый обмен, обычно имевший сложные обрядовые формы. Исследователи отмечают большое значение для архаических обществ таких «неэкономических» форм обмена, как дарение и культовый обмен.¹⁷ Их особенность — отсутствие твердо установленной эквивалентности. Лица, вступающие в обмен, ориентировались на потребительскую стоимость, которую в данный момент представляла для них та или иная вещь. Как пишет Н. А. Бутинов, «в одном случае большая сумка с питчеры обменивалась на один бумеранг, в другом — на щит или на шесть бумерангов».¹⁸ Обрядовые формы обмена, как правило, подчеркивали его коллективный характер. Существовал целый ряд обычаев и установлений, с помощью которых первобытное общество пыталось придать новым явлениям имеющим в своей основе экономическую сущность, привычные обрядовые формы. Таков обычай обмена через партнеров-посредников, с детства (после обмена их отцами пуповинами) вступающих между собой в особые отношения. Они не должны были ни разговаривать, ни касаться друг друга, и вместе с тем имели через них оба племени вели взаимный обмен. Форма традиционности через систему родственных и дружественных отношений и взаимных обязательств придавалась и многоступенчатому обмену. У североамериканских хопи обмен осуществлялся через так называемые братства, когда ремесленник передавал свои изделия родственникам или членам братства и получал взамен пищу и одежду. Весьма интересен обычай «мербок», представляющий собой сложную систему постоянной циркуляции материальных ценностей. Каждый человек в этой системе был связан по крайней мере с двумя партнерами, от которых получал и которым пере-

v. IX, № 4; v. X, № 1—2; Народы Австралии и Океании. М., 1956, с. 196—205; Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе. — ТИЭ, н. с., 1960, т. IV; Блинов А. И. Партнерство. — Там же, 1947, т. II.

¹⁷ Mauss M. *Essai sur le don; forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques.* — *L'Année Sociologique*, n. s., 1925, v. I, p. 30—186; Herskovits M. J. *Economic Anthropology.* New York, 1952, p. 155—162.

¹⁸ Бутинов Н. А. Указ. соч., с. 115—116.

давал определенные вещи: ожерелья, ножи, топоры и т. д. Все эти предметы двигались в одном направлении, меняя владельца, но не возвращаясь. Сам обмен приурочивался к различным сборищам и церемониям. Имелись традиционные места первобытных торжищ, на которых совершались акты обмена. У алгонкинов Лабрадора обмен осуществлялся на летних стойбищах и летний сезон охоты и рыболовства становился и «сезоном торговли». Обычай бесконтактного и вооруженного обмена, когда обе участвовавшие стороны находились в полной боевой готовности,¹⁹ указывает на напряженную обстановку эпохи существования разрозненных племен, когда каждый несоплеменник был потенциальным врагом. Вместе с тем жизненная необходимость обмена приводила к тому, что на время традиционного функционирования торжищ старая вражда забывалась, конфликтующие племена вступали в деловые контакты. Недаром в некоторых языках слова «обмен» и «торговля» означают также «мир».

Основой возникновения и развития обмена явилось экологическое разнообразие районов расселения различных общин, и прежде всего разнообразие сырьевых источников (рис. 8). Следует полагать, что этот фактор начал действовать раньше всего в человеческой истории. В то же время нередко на основе экологического разнообразия развиваются и специальные производства каких-либо продуктов, идущих на обмен.²⁰ Однако каузативная структура возникновения обмена в обоих случаях будет идентичной. Огромное значение в развитии обмена на ранних этапах первобытного строя имел культурный традиционализм. Так, в Австралии причиной широкого развития обмена нередко были представления, что вещи, изготовленные специалистами или отдельными племенами, обладали специфическими признаками и считались наилучшими, хотя это не всегда соответствовало их реальным качествам. Именно маршруты такого традиционного обмена, по которым двигались конья, бумеранги, щиты и другие изделия, пересекали весь материк. Нередко за охрой отправлялись в длительные путешествия, несмотря на наличие поблизости расположенных источников. Однако именно охре, приносимой издалека, приписывали особые магические свойства. В ряде случаев можно проследить, что направление традиционных связей вело в районы реального или легендарного происхождения соответствующих племен.²¹

Такое положение во многом определяло и экономическое значение обмена рассматриваемой эпохи. Его ни в коей мере нельзя именовать торговлей во избежание налета модернизации, что от-

¹⁹ Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937, с. 343.

²⁰ Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. II. Л., 1947, с. 81.

²¹ Народы Австралии и Океании, с. 202.

Каузативные факторы	Политэкономическая характеристика	Социальные и организационные формы
<p>Перестроение в политический фактор</p> <p>Экономический фактор</p> <p>Фактор социальной дифференциации</p> <p>Традиционализм</p> <p>Экология</p>	<p>Т-Д-Т</p> <p>Т-Д,-Т (первобытные деньги)</p> <p>Т-Т</p>	<p>Класс купцов, торговые фактории, базары в системе поселений</p> <p>Предметно-обусловленный обмен и торговля, торговцы-посредники, традиционные рынки в зонах межплеменных контактов</p> <p>Обмен бесконтактный, многоступенчатый, обрядовый, первобытные торжища</p>

Рис. 8. Развитие обмена и торговли в древних обществах.

мечают и некоторые западные авторы.²² Обмен возникает не в силу развития товарного производства или наличия излишков,²³ а в силу жизненной необходимости у широко расселившихся общин, освоивших в результате этого расселения территории разной степени пригодности для замкнутого хозяйственного цикла. С этим связано и отсутствие понятия стоимости и соответственно — определенной пропорции в обмене различными предметами. В этот период нет и мерила стоимости или масштаба цен, овеществленных в каком-либо из продуктов. Все это тесно связано с наличием коллективной собственности, определяющей и коллективный характер обмена. Показательно, например, что если для изготовления лодки был необходим труд двух братьев, то при ее обмене вся группа братьев, хотя и не участвовавших в самой работе, выступает как собственники изделия.²⁴ Вместе с тем этот первобытный обмен был не случайным или спорадическим явлением, а составной частью жизни древних обществ.²⁵ Не изменяя натурального характера хозяйства, обмен приобретал огромное культурное значение, способствуя распространению технических усовершенствований, сближая племена, часто не находящиеся даже в родственных связях.²⁶ Как отмечал К. Маркс: «Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена... потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости».²⁷ Это был длительный и сложный процесс, но его экономическая детерминированность была неотвратимой, что сказалось прежде всего в появлении первобытных денег. Как правило, это явление характерно не для обществ примитивных охотников и собирателей, какими являются австралийские племена, а для обществ, получающих продукты питания на основе земледелия и скотоводства.

Археологические источники дают вполне определенные свидетельства развития обмена у раннеземледельческих племен. Сырьевой обмен хорошо иллюстрируется распространением обсидиана на Ближнем Востоке, о чем уже говорилось выше. В крупном раннеземледельческом центре Малой Азии второй половины VII—первой половины VI тыс. до н. э. Чатал-Гуюке с окрестных гор на расстояние до 300 км доставлялись камень, обсидиан,

²² Renfrew C. Op. cit., p. 152.

²³ Это справедливо отмечал Н. А. Бутин (см.: Бутин Н. А. Указ. соч., с. 128).

²⁴ Бутин Н. А. Указ. соч., с. 122.

²⁵ Ср.: Бахта В. М. Производительные силы папуасов залива Астралабия. — В кн.: Океанийский этногр. сб. М., 1957, с. 250—251.

²⁶ Кабо В. Р. Обмен и его социальная роль в первобытном обществе. — В кн.: Обмен и торговля в древних обществах. Л., 1972, с. 3—4.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 98.

дерево для строительства и различных поделок.²⁸ Широкое распространение имел и обмен различными украшениями, особенно из редких пород камня и раковин. Это было связано, в частности, с тем, что переход общества к новым способам получения пищи привел к росту благосостояния и соответственно к резкому скачку в использовании различных украшений, становящихся особенно многочисленными.²⁹ Среди находок с раннеземледельческих поселений Южной Туркмении VI тыс. до н. э. есть бусы из бирюзы, доставленной с Хорасанских гор, и из раковин, происходящих как из Каспийского моря, так и из Индийского океана.³⁰ Морские раковины, и в том числе каури, имеются и в Чатал-Гуюке, отстоящем от побережья почти на 200 км. Хорошо известно широкое распространение бус из морских раковин спондилус на раннеземледельческих памятниках Балкан.³¹ При помощи оксигенового анализа удалось установить интересные закономерности в происхождении украшений из раковин этого типа.³² Раковины, использовавшиеся как украшения жителями болгарских поселков в районе Варны, оказались не черноморского, а эгейского происхождения. Следует заключить, что в этом нашло яркое отражение явление культурного традиционализма, когда украшения доставлялись за 400—500 км, видимо, по пути освоения Балкан земледельческо-скотоводческими племенами.

Установлено, что в раннеземледельческих обществах существовал и обмен изделиями гончаров, нередко достигавший значительных масштабов. Так, в четвертом слое северомесопотамской Хассуны от 6 до 10% составляет импортная расписная керамика самаррского стиля, заметно отличающаяся от изделий местных гончаров.³³ Это же явление было отмечено и советскими археологами при раскопках поселения хассунского типа Ярым-Тепе, также находящегося на севере Месопотамии.³⁴ Несколько позже из района Северной Месопотамии на запад импортировалась посуда халафского типа, вызывавшая в Сирии и Малой Азии ряд местных подражаний. Это наблюдение подтверждено и данными петрографического анализа, показавшего, что в Амуре С привозная халафская керамика составляла 4—9% комплекса.³⁵ В литературе предлагалось различать два типа керамики, попадающей

²⁸ Mellaart J. Catal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967, p. 28—29 (map), 212.

²⁹ Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180, с. 146.

³⁰ Там же, с. 40.

³¹ Чайлд Г. Прогресс и археология, с. 111; Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 242—243; Tringham R. Op. cit., p. 110, 124, 133.

³² Shackleton N., Renfrew C. Neolithic Trade Routes re-analysed by Oxygen Isotope Analyses. — Nature, 1970, v. 228, № 5276, p. 1062—1064.

³³ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. — JNES, 1945, № 4, p. 282, fig. 5.

³⁴ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. — СА, 1971, № 3, с. 157.

³⁵ Braidwood R. J., Braidwood L. S. Excavations in the Plain of Antioch. — OIP, 1960, v. LXI, p. 146.

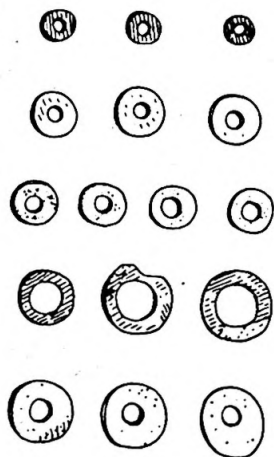

Рис. 9. Первобытные деньги по этнографическим материалам.

в сферу обмена, — интрузивную, происходящую из района иной керамической традиции, и торговую, перемещающуюся между поселениями одной керамической провинции. Первый тип «обменной керамики» имеет большое значение для установления относительной хронологии,³⁶ и именно с ним мы встречались в приведенных выше примерах.

В качестве причинных факторов обмена в раннеземледельческих обществах по-прежнему выступают в основном экологическое разнообразие и традиционализм, причем начинающееся развитие металлургии делает особенно острым вопрос сырьевого обмена. Вместе с тем приобретают значение и социальные факторы, определяющие развитие запросов на объекты, не представляющие жизненной необходимости. Важным признаком перерастания обмена в торговлю является появление первых вариантов выражения всеобщей эквивалентной формы стоимости — первых денег. Как известно, вещи сами по себе — это не товары, они становятся товаром лишь благодаря обмену. К. Маркс отмечает: «Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью», и это противоречие «не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги».³⁷ Этнография дает нам многочисленные примеры форм и видов денег в архаических обществах (рис. 9). Особенно разнообразными они были в западной части Африки и Конго, в Меланезии и Микронезии и на западе Северной Америки.³⁸

В Меланезии в качестве денег выступали чаще всего различные раковины, обращавшиеся в виде связок определенной длины, нередко — просто браслеты или ожерелья. Вместе с тем функции денег в тех же обществах выполняют и другие товары — собачьи

³⁶ Hole F., Heizer R. F. An Introduction to Prehistoric Archaeology. New York—London, 1966, p. 203.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 97.

³⁸ Hingston Giggin A. A Survey of Primitive Money. London, 1949; Paul F. Primitive Money in Its Ethnological Historical and Economic Aspects. London, 1949; H e r s k o v i t s M. J. Op. cit., p. 246—264.

зубы, циповки, раковины, птичьи перья и даже свиный. Популярность просверленных раковин, нанизываемых на шнурки, безусловно объясняется их удобством в кратных делениях при различных расчетах. Неудивительно, что такие же раковины мы встречаем в качестве денег в Микронезии, где, кроме того, ту же роль играют стекляшки, куски черепаховых щитков и массивные каменные диски. Функционирование в качестве денег просверленных бус, т. е. по существу тех же украшений, которые были популярным импортным товаром, отмечено и для Северной Америки, и для запада Африки. У индейцев северо-западного побережья по величине различалось пять разновидностей раковин. В Калифорнии были наиболее распространены раковины-денталиум. Исследователи Африки отмечают там пять видов денег: раковины-каури, железо, соль, медь, золото. Из других предметов часто функцию денег выполняли ткани, в том числе и европейского происхождения.³⁹ Железо и медь поступали в обращение в виде различных предметов. Так, у народа боинго в обращении находились три вида железных изделий — простые наконечники копий, грубые и отделанные мотыги.⁴⁰ Характерной чертой употребления металлических изделий в качестве денег является стремление к их миниатюризации или, наоборот, к гигантизму. В западной части Африки в обращении были наконечники копий длиной до 1.7 м и весом до 2 кг. Цена их колебалась в зависимости от веса.⁴¹ Там же деньгами служили и небольшие железные книжальчики. Медь обращалась в форме U-образных брусков или браслетов.

Закономерности сращения денег с определенной формой товара были определены еще К. Марксом, писавшим, что это сращивание происходит «или с наиболее важными из предметов, которые получают путем обмена извне и действительно представляют собой естественно выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов, или же — с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества, как, например, скот».⁴² Ярким примером первого варианта являются раковинные деньги и каменные диски, бывшие в обращении в Микронезии на о-ве Яп и доставлявшиеся туда на лодках с о-ва Гуам на расстояние до 700 км. К числу предметов местного отчуждаемого имущества, выступающих в функции денег, принадлежат циповки и свиный в Океании, зерно в древнейшем Шумере и Египте, постепенно вытесненное медью и серебром.⁴³

³⁹ Tucci G. Sistemi Monetari Africani al lume dell Economia Primitiva. Naples, 1950.

⁴⁰ Зибер Н. И. Указ. соч., с. 364.

⁴¹ Hingston Giggin A. Op. cit., p. 64.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 98—99.

⁴³ Перепелкин Ю. Я. О деньгах в древнейшем Египте. — В кн.: Древний Египет. М., 1960, с. 162—168. — В древнейших документах Шумера

Весьма широкое распространение денежного товара не должно, однако, создавать представление о необходимости модернизации существующих взглядов на первобытную экономику. Эти древнейшие деньги по функции и сущности во многом отличны от денег классовых обществ, почему с большими основаниями их можно именовать первобытными деньгами.⁴⁴ Одной из основных особенностей первобытных денег является то, что они еще не имеют значения всеобщего средства обмена или платежного средства и не вытесняют других способов обмена. Отрыв меновой стоимости от стоимости потребительской в первобытных деньгах не завершился в овеществленной форме, и можно наблюдать оригинальные виды борьбы этих противоположных начал. Так, на о-ве Маэво в Меланезии циновки, имеющие значение меры стоимости, нарочито портят, чтобы лишить их потребительской стоимости. Весьма своеобразны в этом отношении просверленные каменные диски весом в несколько десятков килограмм с о-ва Яп. Тяжелые и малотранспортабельные они лежат около хижины владельца, символизируя его состоятельность, но не имея потребительской стоимости. И миниатюризация, и гигантизм предметов, использовавшихся в качестве первобытных денег, также являются результатом стремления вещественно расчленить потребительскую и меновую стоимость. Функции первобытных денег узкоспециализированы, распространяются лишь на определенные группы меновых сделок. На о-вах Адмиралтейства, например, за деньги можно купить изделия, но не предметы питания: пища обменивалась голько на пищу.⁴⁵ Именно это ограничение в системе обмена является характернейшей чертой первобытных денег. Б. Малиновский насчитывает для Тробрианских островов семь видов обмена материальными ценностями и отмечает, что торговля с помощью первобытных денег там сосуществует с церемониальным обменом, взаимным одариванием в эквивалентном объеме и обменом другими способами.⁴⁶

Разумеется, определение первобытных денег на основе археологических материалов требует большой тщательности и осторожности. Однако подобные поиски отнюдь не бесперспективны. Выше уже говорилось о широком распространении в раннеземледельческих культурах Балкан раковин-спондилус, бывших бесспорно объектом систематического обмена. В Болгарии даже найден клад, содержащий 20 браслетов из таких раковин.⁴⁷

цена часто обозначается в зерне (см.: Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, с. 47—48). Интересно, что ни в Шумере, ни в Месопотамии, несмотря на развитое скотоводство, скот в качестве денег не выступает.

⁴⁴ Равдоникас В. И. Указ. соч., с. 83.

⁴⁵ Бүттинов Н. А. Указ. соч., с. 128.

⁴⁶ Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. London, 1922, p. 182.

⁴⁷ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 242.

Перед нами явно зарытое сокровище, и не исключено, что браслеты и ожерелья из раковин наряду с потребительской стоимостью обладали и функцией денег, представляя собой древнейшие деньги Европы. В Японии в эпоху расцвета дземона — в конце IV—начале II тыс. до н. э. — раковинные украшения также имели широкое распространение и хранились как сокровища. Так, в двух сосудах был обнаружен 51 браслет из раковин.⁴⁸ Общий уровень развития этой оригинальной культуры оседлых рыбаков и собирателей, во многом напоминающих индейцев Северо-Западной Америки, делает вполне вероятным существование первобытных денег и у племен древней Японии.

Следует отметить, что особенно важное значение для развития обмена и перерастания его в торговлю имело появление и распространение металлургии, особенно сплавов типа различных бронз. Это единодушно отмечают все исследователи данного вопроса.⁴⁹ Сама технология нового производства предполагала налаженный импорт сырья, а затруднения с его получением неизбежно приводили к импорту готовой продукции — орудий труда, оружия и украшений. Обладание месторождениями сырья либо контроль над путями обмена стали важным источником богатства. Письменные документы свидетельствуют, что в начале II тыс. до н. э. в малоазиатском торговом центре Канише прибыль от торговли оловом достигала 75—100%.⁵⁰ Благодаря работам Е. Н. Черных в настоящее время относительно полно освещены древнейшие этапы развития металлургии в Восточной Европе.⁵¹ В древнейших комплексах Северного Кавказа около 40% металлических изделий составляют предметы, резко отличающиеся по составу металла от руды местных источников. Источник руды этих изделий надо искать, по мнению Е. Н. Черных, либо в Анатолии, либо в Иране. Импорт металла в данном случае мог осуществляться как в слитках, так и готовыми изделиями. В свою очередь кавказский металлургический центр явился источником снабжения металлом древнеямынских, катакомбных и полтавкинских племен Восточной Европы. При этом местные восточноевропейские металлурги копируют формы кавказских изделий. Такой характер возникновения металлургии в степях Восточной Европы, считающихся если не центром происхождения, то по крайней мере областью весьма раннего обитания индоевропейских племен, может найти и интересную лингвистическую параллель. Термин

⁴⁸ Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958, с. 29. — О новых датах дземона см.: Чард Ч. С., Морлан Р. Е. Абсолютная хронология каменного века Японии. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 119—122.

⁴⁹ Чайлд Г. Прогресс и археология, с. 114; Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 257.

⁵⁰ Янковская Н. Б. Клинописные тексты..., с. 29.

⁵¹ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии...

«медь-руда», сходный во многих индоевропейских языках,⁵² имеет скорее всего переднеазиатское происхождение, от протошумерского «urud». ⁵³ В период поздней бронзы в степной полосе Восточной Европы к востоку от Днепра происходит переориентация торговых связей, по которым шло снабжение металлом, на уральские и западноказахстанские местонахождения. Это явление было обусловлено распространением срубных племен, традиционализм в пределах области расселения которых определял и направление торговых путей. Интересно, что даже срубные племена, находившиеся вблизи Северного Кавказа, пренебрегали северокавказскими бронзовыми изделиями, хотя последние по ряду свойств и превосходили их собственную продукцию.⁵⁴

Хорошо известно широкое развитие обмена и торговли в эпоху металла на Балканах и в Западной Европе, с заметной ориентацией на традиции высокоразвитых металлургических центров эгейского мира.⁵⁵ Многочисленные «торговые клады», содержащие большое количество однотипных предметов, свидетельствуют скорее всего о появлении своего рода торговцев-посредников.⁵⁶

Таким образом, в эпоху металла нормальное хозяйственное функционирование на уровне технических достижений того времени было практически невозможно без налаженной системы обмена. Однако не только технический прогресс, связанный с расцветом металлургии, обуславливал широкое развитие торговли рассматриваемого периода. Решающее значение имел такой экономический стимул, как отделение ремесла от земледелия, превращение продукции ремесла в товар, идущий на продажу. Недаром в зарождающихся городках Передней Азии III тыс. до н. э. — Трое, Библе, Угарите — мы одновременно находим и следы развитого ремесла и материальные свидетельства развитой торговли в виде импортных товаров. Одновременно с усложнением структуры общества усиливается роль социального фактора. Обособляющаяся знать, которую мы знаем по богатым погребениям Европы, создает повышенный спрос на редкие заморские виды украшений и предметы вооружения, что подтверждается целыми сериями различных находок.⁵⁷ Аналогичное явление имело место не только в Европе. Как раз на вторую половину IV тыс. до н. э.,

⁵² Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 403.

⁵³ Salonen A. Zum Aufbau der Substrate in sumerischen. — *Studia Orientalia*, Helsinki, 1968, v. XXXVII, № 3, S. 8.

⁵⁴ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии..., с. 90.

⁵⁵ Martinatos Sp. The Minoan and Mucenean Civilization and its Influence on the Mediterranean and on Europe. — In: *Atti del VI Congr. intern. delle scienze preistoriche e protoistoriche*. Roma, 1962; Piggott S. *Ancient Europe*. Edinburgh, 1965, p. 72—75, 134—138.

⁵⁶ Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 168—169.

⁵⁷ См., например: Stone J. P. S., Thomas L. C. *The Use and Distribution of Faience Beads in the Near East and in Prehistoric Europe*. — PPS, 1966, v. 22.

на время формирования классовых обществ Египта и Южного Двуречья, падает начало широкого распространения на Ближнем Востоке лазурита, шедшего на всевозможные украшения и поделки.⁵⁸ В дальнейшем изделия из лазурита и золота стали своего рода эталоном состоятельности. В царских гробницах Ура — это комбинированные статуэтки животных,⁵⁹ в провинциальном Гавре — небольшая подвеска в виде птицы,⁶⁰ а в Алтын-Депе в Южной Туркмении, на далекой периферии тогдашнего культурного мира, — простые лазуритовые бусы с золотой оковкой.⁶¹ Как писал К. Маркс: «Наряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма, обладание золотыми и серебряными предметами».⁶² Археологи, раскапывающие погребения знати, как правило, встречаются с подобной декларацией богатства.

В Европе примером торговли украшениями из редких и ценных материалов может служить распространение янтаря, неоднократно бывшее предметом тщательных исследований, подкрепляемых в последнее время химическими анализами.⁶³ Первоначально разнообразные украшения и поделки из янтаря были связаны с зоной неолитических лесных охотников ямочно-гребенчатой керамики, простирающейся от восточной части Польши до Верхнего Поволжья.⁶⁴ Находки готовых вещей вместе с полуфабрикатами указывают на то, что имел место и сырьевой обмен. Локализация украшений из определенного материала в указанных районах является ярким проявлением культурного традиционализма, характерного и для других культур неолитических охотников и рыбаков.⁶⁵ Формирование и расцвет земледельческо-скотоводче-

⁵⁸ Herrmann G. Lapis Lazuli; the Early Phases of its Trade. — Iraq, 1968, v. XXX; Сарганиди В. И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке. — КСИА, 1968, в. 114.

⁵⁹ Вуллс Л. Ур халдеев. М., 1961, с. 78.

⁶⁰ Perkins A. L. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1957, p. 187.

⁶¹ Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 170.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 145.

⁶³ Navarro J. M. de. Prehistoric Routes between Northern Europe and Italy Refined by the Amber Trade. — Geogr. J., 1925, v. LXVI; Spekke A. The Ancient Amber Routes and the Geographical Discovery of the Eastern Baltic Stockholm, 1957; Beck C. W., Wilbur E., Meret S., Kossove E., Kermani K. The Infra-Red Spectra of Amber and the Identification of Baltic Amber. — Archeometry, 1965, v. 8, p. 96—109; Лозе И. А. Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике. — СА, 1969, № 3.

⁶⁴ Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху. — В кн.: Обмен и торговля..., с. 9; Кухаренко Ю. В. Археология Польши, М., 1969, с. 48.

⁶⁵ Так, в Средней Азии неолитические племена Хорезма предпочитали украшения из раковин, в том числе каспийского происхождения, на стоянках в Кызылкумах преобладают украшения из бирюзы, а в низовьях Зеравшана — из простого камня (Виноградов А. В. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. — КСИА, 1970, в. 122, с. 34—35).

ских культур Центральной Европы создает более широкий спрос на янтарные изделия. Они весьма многочисленны в памятниках культуры шнуrowой керамики и шарообразных амфор. Ареал диковинных украшений все расширяется. В XVI—XV вв. до н. э. они достигают эгейского мира, приобретая там особую ценность, ибо янтарные украшения (судя по химическому анализу, балтийского происхождения) встречаются только в княжеских гробницах Микен.⁶⁶ Так расстояние резко повышало стоимость янтарных поделок, представлявших собой довольно обычное явление у племен Прибалтики и ставившихся предметом роскоши у микенских правителей. Можно заключить, что торговля янтарем была весьма прибыльным мероприятием. Недаром в погребениях балтийской группы племен шнуrowой керамики наряду с разнообразными янтарными изделиями встречаются и импортные предметы ближневосточного происхождения.⁶⁷

Как уже отмечалось, важным критерием перерастания обмена в торговлю является появление эквивалента. По формуле $T-D_1-T$, где D_1 — это первобытные деньги, можно определить и структуру первобытной торговли. Развитие металлургии и обмен металлом в виде сырья или готовых изделий бесспорно стимулировали формирование первобытных денег. К. Маркс отмечал, что «денежный товар должен быть способен к чисто количественным различиям, т. е. должен обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей».⁶⁸ Это, в частности, объясняет широкое и, как правило, копвергентное распространение низок раковин в качестве первобытных денег. Металл обладал такими свойствами, тем более что распространение различных бронзовых сплавов требовало тщательного определения весовых пропорций. При этом металл мог выполнять функцию денег как в виде слитков, так и в виде различных изделий. В торговой колонии Каниша, где денежная система была основана на биметаллизме, в обращении находились золотые и серебряные бруски весом от 2.5 до 15 кг и кольца весом от 25 до 500 г. Для мелких платежей использовали олово, также имевшее форму колец. Медь шла на продажу, а Каниш был крупнейшим международным центром торговли медью либо в виде слитков, либо в виде топоров и серпов.⁶⁹ Последнее обстоятельство, кстати, заставляет вспомнить состав многих европейских кладов эпохи развитой и поздней бронзы. Не приходится сомневаться, что тщательный анализ позволит выделить среди соответствующих предметов различные виды первобытных денег. Так, вполне вероятно, что в Средней Европе роль денег играли двойные проушные топоры весом в 50—60 г с отвер-

⁶⁶ Martinatos Sp. Op. cit., p. 166.

⁶⁷ Кухаренко Ю. В. Указ. соч., с. 57.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 99.

⁶⁹ Янковская Н. Б. Международное торговое объединение Каниша. — ВДИ, 1965, № 3, с. 188.

ствием, слишком маленьким для рукоятки.⁷⁰ Это намеренное нарушение потребительской стоимости вещи, выступающей в форме денежного товара, как раз является характерной чертой первобытных денег. Есть основания полагать, что в Европе роль денег играли также различные другие изделия, например гривны, массивные браслеты, кольца, не говоря уже о слитках стандартного веса и размера.⁷¹ Распространение в Европе в эпоху поздней бронзы и раннего железа стандартных глиняных форм для блоков из соли может означать употребление последней в качестве первобытных денег — такие случаи хорошо известны по многим этнографическим примерам.⁷² Отметим, что весовой анализ — важный методический прием выявления соответствующих объектов.

В первобытной торговле, развивающейся с использованием денег, как уже отмечалось, сохраняются различные виды непосредственного обмена. Весьма специфичен, например, предметно-обусловленный обмен, когда определенный вид товара обменивается только на другой определенный вид, что зачастую порождает целую цепь различных сделок.⁷³ Такой вид обмена стимулирует распространение всеобщего эквивалента. В период бронзы в связи с возрастающей специализацией торговли как особого вида деятельности, прежде всего в связи с ее территориальным размахом, появляются и приобретают все большее значение торговцы-посредники. Многие исследователи не без оснований полагают, что тогда в Европе были широко распространены странствующие литейщики, своего рода торговцы-кузнецы,⁷⁴ погребения которых с соответствующим инвентарем мы встречаем в самых различных областях. Однако объявление таких торговцев особым классом, как это иногда проскальзывает в работах Г. Чайлда,⁷⁵ является бесспорной модернизацией. Мы присутствуем здесь у истоков выделения особой социальной прослойки, которая лишь в дальнейшем займет соответствующее место в общественной структуре. Выгоды, которые начинает приносить торговля, использующая различные виды эквивалента, привлекают внимание и родовой верхушки. Торговые экспедиции проводятся под руководством опытных вождей, они претендуют и на определенный процент с торговых операций. Иногда даже отмечается монополизация обмена старейшинами. Археологи сталкиваются с отражением этого явления при обнаружении в могилах племенной знати дорогих импортных вещей. Местами торговых сделок становятся

⁷⁰ Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 260, 278.

⁷¹ Там же, с. 259—278.

⁷² Riehm K. Prehistoric Salt-Boiling. — *Antiquity*, 1961, v. XXXV, № 139, p. 181—191.

⁷³ Бутинов Н. А. Указ. соч., с. 128.

⁷⁴ Чайлд Г. Прогресс и археология, с. 115; Кларк Дж. Г. Д. Указ. соч., с. 258.

⁷⁵ Чайлд Г. У истоков..., с. 168.

традиционные рынки, находящиеся на межплеменных территориях. Возможно, некоторые территории, располагающиеся на пересечении древних торговых путей, где находки зарытых кладов особенно часты, и были местами таких рынков в Европе в эпоху бронзы.⁷⁶ Вообще же клады бронзовых изделий и других импортных вещей располагаются на торговых путях, пролегающих главным образом вдоль речных артерий. Это обстоятельство связано с уровнем развития транспортных средств. Отсутствие дорог существенно затрудняло систематическое использование колесных повозок. Показательно, что в Месопотамии груз на повозках транспортировали только на близкие расстояния.⁷⁷ Главным вьючным животным в Передней Азии был осел, поднимавший тюки весом 60 кг; стоил осел 160—240 г серебра.⁷⁸ Дневной переход каравана из вьючных ослов достигал 35 км.⁷⁹ Это обстоятельство обуславливало большое значение рек как транспортных артерий, обеспечивающих быстрый и дешевый подвоз различных предметов, часто весьма громоздких. Поэтому основным аккадский термин для торговых поселений — *kārum* — означал «гавань, пристань», хотя и прилагался ко всем поселениям, в том числе и к вполне сухопутному Канишу. Как отмечает Н. Б. Янковская, этот термин явно происходит из среды, для которой были характерны торговые поселения на Тигре и Евфрате.⁸⁰

Сменяющая обменные отношения первобытная торговля играла огромную роль в развитии общества. Сохраняется ее значение как средства распространения культурных достижений, материальные воплощения которых хорошо знакомы археологам. В частности, благодаря торговле отмечается известная интеграция материальной культуры представителей знати в Европе, ориентирующейся на моды крито-микенского общества, а в Закавказье II тыс. до н. э. — на хеттско-хурритский мир. Вместе с тем появляется и становится все более результативным фактор воздействия торговли на экономику, способствующий развитию определенных производств, стимулируемый рынком сбыта. Развивающиеся торговля и ремесло, находящиеся в тесном взаимодействии прямых и обратных связей, были одними из тех качественно новых явлений, которые определяли специфику экономической структуры первобытного общества на заключительных этапах его развития. В ряде случаев интенсификация торговых связей с высокоразвитыми цивилизациями способствовала ускорению темпов исторического развития в прилегающих областях «варварской» периферии. Именно таков был характер воздей-

⁷⁶ Брюсов А. Я. Указ. соч., с. 24.

⁷⁷ Leemans W. F. *Foreign Trade in the Old Babylonian Period*. Leiden, 1960, p. 133.

⁷⁸ Янковская Н. Б. *Международное торговое объединение...*, с. 190.

⁷⁹ Янковская Н. Б. *Клинописные тексты...*, с. 26.

⁸⁰ Там же, с. 65.

ствия Месопотамии и Египта на Палестину, Сирию и Малую Азию, а Месопотамии, Элама и Хараппы — на обширную зону городских цивилизаций второго порядка между Шумером и Индией.⁸¹ Возможно, такое же значение для Балкан и Средней Европы имели торговые связи с крито-микенской цивилизацией. К. Маркс отмечал, что «торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт», но «к чему ведет этот процесс разложения... зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства».⁸² В приведенных нами примерах старым способом производства был развитый первобытнообщинный строй, который в силу целого ряда факторов, в том числе и катализирующего воздействия торговли, начинает перерастать в стадию разложения с обособляющейся племенной знатью и имущественным неравенством, представляющую своего рода предгосударственный период военной демократии.

Вместе с тем не следует преувеличивать роль торговли и зарождающегося денежного обращения в жизни первобытного общества даже эпохи разложения. Как известно, для низкого уровня развития товарного производства, когда система меновой стоимости имела ограниченное значение, показательно обособление меновой собственности в виде денег в функции сокровищ, лежащих мертвым грузом, а не идущих в торговый оборот. Так, в Меланезии накопление циновок, игравших роль первобытных денег, служит формой демонстрации состоятельности. Как сообщается в литературе, «богатый человек держит в своем доме 50 и более циновок, висящих и приходящих в ветхость, — доказательство древнего богатства».⁸³ Такой же тип «престижных денег» в функции сокровищ представляют уже упоминавшиеся огромные каменные диски Микронезии, которые лишь с трудом сдвигаются с места. Лежащие мертвым грузом около хижины, они составляли предмет гордости богатого владельца.⁸⁴ Среди археологических материалов в этом отношении особенно показательны ценные изделия, входящие в состав инвентаря погребений племенных вождей и варварских князьков. Накопление сокровищ здесь налицо, но также налицо и их нерентабельное использование — помещение в могилу, приводящее к выпадению из оборота, к физически осязаемому омертвлению капитала.

Качественно новый рубеж в развитии обмена и торговли составляет торговля раннеклассовых обществ. Здесь ведущей экономической формой становится денежная торговля по фор-

⁸¹ Массон В. М. Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией. — В кн.: Тез докл. на заседаниях, посв. итогам полевых исслед. 1969 г. М., 1970, с. 63—67.

⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 364.

⁸³ Народы Австралии и Океании, с. 446.

⁸⁴ Там же, с. 739—740.

муле Т—Д—Т, причем функция денег уже в домонетный период, как правило, утверждается за благородными металлами. Для обслуживания этой обособившейся сферы хозяйственной деятельности выделяется класс купцов, базары становятся составной частью крупных поселений городского типа, входя в них как специфическая планировочная единица. Развитая внешняя торговля, монополизируемая купцами-профессионалами, приводит к появлению торговых факторий или колоний. В задачи настоящей работы не входит рассмотрение торговли эпохи классовых формаций, — это объект специального исследования,⁸⁵ мы кратко остановимся лишь на некоторых аспектах, подчеркивающих ее различие с торговлей первобытного периода.

Экономические стимулы развития торговли, определяющие многие ее формы и особенности, выступают здесь достаточно отчетливо и определенно. Для поддержания торгового баланса древневосточные цивилизации, зависевшие от ввоза руды и строительных материалов, нередко пускали на экспорт часть излишков высокопродуктивного ирригационного земледелия. Так, в Месопотамию из Элама ввозилось чистое серебро в обмен на масло и ячмень. В расположенный в Персидском заливе Дильмун в обмен на медь, помимо реэкспортируемых товаров, таких как кедр и серебро, шли ячмень, масло и мука.⁸⁶ О караванах выючных ослов, вывозящих в горные области зерно, сообщает и шумерский эпос.⁸⁷

Носителями торговых функций, организаторами торговли были купцы-профессионалы, образовавшие отчетливую социальную прослойку. Торговые агенты — тамкары упоминаются уже в древнейших документах Урука.⁸⁸ На всем протяжении истории Древнего Востока мы сталкиваемся с влиятельным купечеством, нередко образующим частные торговые общества или даже международные объединения типа неоднократно упоминавшегося Капиша. В древней Мексике купцы-профессионалы частью происходили из знати, частью из разбогатевших общинников. Среди тех и других различались торговцы местные и торговцы путешествующие, доставлявшие грузы на значительные расстояния

⁸⁵ См. подробнее: Pollany K., Marendeborg C., Reardon H. W. Trade and Market in the Early Empires. New York, 1965; Янковская Н. Б. 1) Международное торговое объединение...; 2) Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. — ВДИ, 1956, № 1; 3) Обмен и торговля в странах Передней Азии по клинописным источникам. — В кн.: Обмен и торговля... с. 17—20; Гельцер М. Л. Тамкар и его роль в Передней Азии XIV—XIII вв. до н. э. — ВДИ, 1964, № 2.

⁸⁶ Leemans W. F. Op. cit., p. 116; Mallowan M. E. L. The Mechanics of Ancient Trade in Western Asia — Iran, 1965, v. III.

⁸⁷ Канева И. Т. Шумерский героический эпос. — ВДИ, 1964, № 4, с. 213.

⁸⁸ Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М., 1956, с. 55—56.

с помощью рабов-носильщиков или на лодках.⁸⁹ Богатые купцы настойчиво придерживались и внешних признаков своей состоятельности. Об этом свидетельствуют их обширные и благоустроенные дома, раскопанные в целом ряде городов древней Месопотамии. Интересно, что в раннесредневековой Средней Азии дома купеческой верхушки ничем не отличались от домов землевладельческой аристократии,⁹⁰ а по свидетельствам письменных источников, как будто подтверждаемым археологическими материалами, купцы нередко жили и в укрепленных замках.⁹¹ Государственная власть стремилась извлечь максимальную выгоду из контроля над торговой деятельностью. Так, в Канише в составе администрации имелись начальники складов, рынка, транспорта, переводчиков, т. е. местный правитель контролировал все важнейшие для торговой общины должности.⁹² Эксплуатация, конкуренция, борьба за выгоду, финансовые спекуляции, характерные для общества частной собственности, сменяют первобытный обмен, объединявший в церемониях, облакаемых культовой обрядностью, порой и враждебные племена. Обмен как сиполим мира уступает место торговой войне, бывшей лишь одним из проявлений противоречий, раздиравших классовые формации.

Намечаемая, таким образом, линия развития отношений обмена продуктами как вида экономических отношений⁹³ характеризует постепенное усложнение способа производства, взятого в целом, приводящее в конечном итоге к замене его другим способом производства. На ранних этапах развития происходит обмен продуктами, предназначенными для производственного потребления, причем он выступает в данном случае не как форма распределения продуктов, а как составная часть собственно производства. Причиной развития такого обмена является в первую очередь экологический фактор, не позволяющий осуществлять в равной мере во всех районах цикл производств, абсолютно необходимый для функционирования общества. На этих же этапах мы наблюдаем и интересную картину обратного воздействия на

⁸⁹ Кнорозов Ю. В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник. — В кн.: Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 155, с. 46.

⁹⁰ См., например, объект IX на шахристане Пенджикента: Беленицкий А. М. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1951—1953 гг. — МИА, 1958, № 66, с. 7. Об этом см. также: Распопова В. И. Археологические данные о согдийской торговле. — В кн.: Обмен и торговля..., с. 27.

⁹¹ Мы имеем в виду известное сообщение Наршахи о замках купцов кеш-кушанов под Бухарой и результаты раскопки замка Ак-Депе в Южной Туркмении, владеец которого, судя по находкам огромного числа булл, в широких масштабах занимался торговлей (Губаев А., Кошеленко Г. А. Исследование парфянского святилища Мансур-Депе и раннесредневекового замка Ак-Депе. — КД, 1970, в. III.).

⁹² Янковская Н. Б. Международное торговое объединение..., с. 185.

⁹³ Об этом см.: Перфильев М. Н. Общественные отношения. Л., 1974, с. 141—143.

сферу материального производства факторов чисто падастроечного порядка, что нашло яркое отражение в культурном традиционализме, предусматривавшем своего рода импорт определенных объектов, за которыми признавались особые магические свойства. Организационные формы этого раннего обмена тесно связаны со всей социальной и психологической структурой первобытного общества (бесконтактный, многоступенчатый и обрядовый обмен). В дальнейшем все большее значение приобретает обмен продуктами, предназначенными для личного потребления, начинает играть существенную роль социальный фактор, обмен становится важной составной частью экономической системы, вырабатываются специфические формы, обусловленные этими новыми явлениями, в частности появляются первобытные деньги как отражение противоречивого единства новой экономической функции и традиционных производственных отношений. Обмен, тесно связанный с расширенным воспроизводством, перерастает в торговлю, сначала в первобытную, а затем в торговлю, характеризуемую выделением денег как всеобщего эквивалента и особого класса купцов. При помощи обмена и торговли осуществляются отношения распределения продуктов внутри общества, а не только между соседними группами племен. Отношения этого вида свойственны уже раннеклассовым обществам.

ВОПРОСЫ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ И ПАЛЕОЭКОНОМИКИ

Выше были охарактеризованы различные отрасли первобытной экономики, трактуемые и рассматриваемые в первую очередь как самостоятельные системы. Таков, впрочем, традиционный подход, при котором в крупных археологических работах в разделе, характеризующем хозяйство, отдельные параграфы бывают посвящены соответственно охоте, земледелию, домашним производствам и т. д. Эти часто очень важные и интересные обзоры не дают, однако, представления о системе экономики в целом, что было справедливо отмечено С. Н. Бибиковым.¹ Необходимость комплексного рассмотрения хозяйства древних обществ привела к постановке вопроса о палеоэкономическом анализе в археологии,² что нашло уже достаточно широкую поддержку.³ С нашей точки зрения, предметом палеоэкономических исследований являются народное хозяйство древних обществ и отдельные его отрасли.

Естественно, что при изучении древних экономических систем на материалах археологии большое значение имеет опыт исследования экономики первобытных и раннеклассовых обществ, известных по данным этнографии и письменных источников. В этой области накоплен обширный фактический материал, являющийся объектом разного рода общих теоретических построений, причем в англоязычной литературе он стал предметом исследования особого раздела этнографической науки (в западной терминологии —

¹ Бибиков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита. — СА, 1969, № 4, с. 5—6.

² Бибиков С. Н. 1) Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — СА, 1965, № 1; 2) Некоторые аспекты...; Массон В. М. 1) Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970; 2) Метод палеоэкономического анализа в археологии. — КСИА, 1971, в. 127.

³ Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971, с. 122 (на груз. яз.); Нариманов И. Г. О закономерностях развития поселений ранних земледельцев Азербайджана. — В кн.: Матер. к сессии, посв. итогам полевых археол. и этногр. исслед. 1971 г. в СССР. Баку, 1972, с. 10—11; Щетяко А. Я. К изучению экономического базиса древнеиндийской цивилизации. — КСИА, 1973, в. 134.

антропологии). Этот раздел получил название «экономической антропологии» как особой отрасли, изучающей экономику «примитивных», «архаических» обществ и «крестьянских» систем. Подробный разбор существующих здесь течений и направлений был недавно опубликован Ю. И. Семеновым.⁴

Конкретное изучение различных этнических общностей привело некоторых буржуазных ученых к признанию специфического характера общественно-хозяйственной организации первобытной эпохи, ее принципиального отличия от общества, основанного на частной собственности и рыночной системе купли-продажи. В этом отношении особенно большое значение имели работы Б. Малиновского, показавшего на примере тихоокеанских племен наличие в первобытную эпоху сложных, специфических экономических отношений.⁵ Тезис о специфике первобытной экономики был развит К. Поллани и Дж. Дальтоном в концепцию о совершенно особом положении первобытных и раннеклассовых обществ, где экономические процессы были организованы лишь через посредство социальных институтов.⁶ Из этого делался уже и более общий вывод о том, что К. Маркс ошибочно распространял принципы экономического детерминирования на социальную организацию первобытных и даже раннеклассовых обществ. Однако, как справедливо отметил Ю. И. Семенов, поставив в своих работах вопрос о создании специальной теории «примитивной экономики», эти авторы тем самым уже признают наличие экономических процессов.⁷ Практически в данном случае изучением эпохальной, а зачастую и локальной специфики подменялось признание общих закономерностей соотношения базиса и надстройки, производительных сил и производственных отношений. Данная Ф. Энгельсом общая характеристика экономического базиса родового строя ясно свидетельствует об огромном значении и для этой эпохи экономических отношений,⁸ в сколь бы осложненной и завуалированной форме они не выступали.

Для изучения древних экономических структур весьма перспективен системный подход. Так, при рассмотрении самого общества как своего рода макросистемы экономика может быть представлена в качестве функциональной системы общества, его питающего блока и преобразователя внешних, природных ресурсов.⁹ Общей целью этой системы является обеспечение существо-

⁴ Семенов Ю. И. Теоретические проблемы «экономической антропологии». — В кн.: Этнологические исследования за рубежом. М., 1973.

⁵ Malinowski B. Argonauts of Western Pacific. London, 1922.

⁶ Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economies. New York, 1968; Dalton G. Theoretical Issues in Economic Anthropology. — Current Anthropol., 1966, v. 68, № 3; Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago—New York, 1972.

⁷ Семенов Ю. И. Теоретические проблемы. . . , с. 53.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 159.

⁹ Гутштейн А. И. Кибернетика в экономическом регулировании производства. М., 1972, с. 9.

вания человеческого общества в пределах не ниже определенного минимума его потребностей. Причем на протяжении исторического развития этот минимум претерпевает значительные изменения — от чисто биологических условий выживания, проявляющихся в способах получения продуктов питания, до усиливающегося воздействия чисто социальных факторов, связанных с удовлетворением потребностей общества, лежащих вне сферы пищевых запросов. Природная среда, подвергающаяся различным формам эксплуатации, и производственные возможности (производительные силы) самого общества являются ресурсами системы. Компоненты системы достаточно разнообразны, и главные из них — способы получения и производства пищи, домашние производства, обмен и торговля — были кратко рассмотрены выше. В области управления системы осуществляется ее саморегуляция через производственные отношения, имеющие, особенно на ранних этапах, стихийный, во многом не зависящий от общества характер. Можно наблюдать, как происходит прогрессивная систематизация экономической системы, функционирующей во все больших территориальных масштабах, и как с увеличением сложности составляющих ее элементов-подсистем возникают качественно новые свойства, которые фиксируются определенным образом обусловленными отношениями. Например, усложнение домашних промыслов привело к появлению общинного ремесла, а дальнейшее развитие ремесел тесно связано с новыми формами распределения путем регулярного обмена, затем первобытной торговли и, наконец, торговли в собственном смысле слова.

С точки зрения информативных возможностей, палеоэкономический анализ обеспечивается комплексным характером археологических памятников, особенно исследованных в широких масштабах, ослабляющих значение случайных выборок. При этом сама комплексность, системность обусловлена восхождением к соответствующим системам древних обществ, условием и результатом развития которых были предметы, ныне рассматриваемые как археологические объекты. В этом отношении особую важность приобретают древние поселения и группы поселений, где наличие, соотношение и различные связи археологических предметов (артефактов) позволяют судить о функционировании древних общественных систем в определенном отношении. Например, последовательность, непрерывность существования поселения, четкая культурная преемственность свидетельствуют о стабильности древней экономической системы, обеспечивающей такое функционирование. Увеличение размеров поселений, их числа, появление новых элементов в быту и производстве указывают на прогрессивное развитие древней экономической системы, механизм которой подлежит изучению через совокупный анализ составляющих элементов — хозяйственных подсистем.

Общая схема функционирования этой системы, находящая то или иное отражение в археологическом материале, может быть

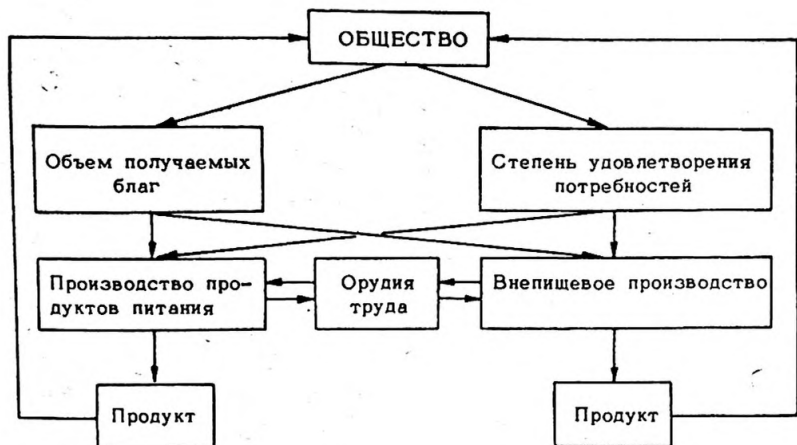

Рис. 10. Схема функционирования экономики древних обществ.

охарактеризована следующим образом (рис. 10). Важнейший исходный момент — определение размеров исследуемого общества, будь то совокупность жителей отдельного поселения (общины) или целая группа племен, представленная археологической культурой или культурной общностью. Здесь решающее значение имеют палеодемографические оценки, разработке которых в настоящее время посвящена достаточно обширная литература. Объем получаемых благ может быть частично определен археологами в том случае, когда эти блага имеют материальное воплощение, например в виде домов или бытового инвентаря. Две основные группы производств — продуктов питания и внепищевая — могут быть изучены по орудиям труда и благодаря реконструкции отдельных хозяйственных подсистем. Получаемый продукт обычно известен в его материальном воплощении, тогда как для оценки возможностей пищевого производства используются различные косвенные расчеты.

Большое значение имеет разработка конкретной методики, позволяющей получать данные, необходимые для соответствующих построений. Вопрос соотношения различных отраслей древней экономики волновал уже самих древних посетителей культуры, что нашло свое отражение в мифологии, например в шумерском мифе о значении земледелия и скотоводства,¹⁰ построенном по принципу бинарной оппозиции. Исходной основой палеоэкономических изысканий, естественно, является тщательно выполненная источниковедческая обработка материала при достаточно широком охвате раскопками целиком отдельных поселений или значительных их частей либо даже с комплексным исследованием регионов. Сплошные раскопки таких раннеземледельческих поселков, как

¹⁰ Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965, с. 165—168.

Джейтун в Средней Азии¹¹ и Билани в Средней Европе, служат тому ярким примером. Подсчеты населения, учет костных остатков по числу особей с поправкой на реальный выход мяса, определение древнего диетического баланса и производительности труда как отдельных групп орудий, так и отраслей в целом — все это имеет большое значение для оценки экономического потенциала древних обществ. Особое значение приобретает изучение орудий труда методом функционального анализа, применяемого не к отдельным предметам, а к памятникам и комплексам. Большую роль при таком подходе играет использование этнографических материалов и письменных документов архаических обществ древнего мира. Однако в данном случае необходимо строгое применение метода аналогий, который будет правомерным лишь при четком определении его границ с указанием, в каких условиях и в каких границах явления можно рассматривать как аналогичные, со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом главным условием использования аналогий в археологии является принадлежность рассматриваемых обществ к одному культурно-хозяйственному типу с близким уровнем развития и сходной экологической ситуацией, в чем, в частности, ярко проявляются роль и значение дедуктивного подхода.

Значение сбалансированной диеты в жизни древних и архаических обществ только сейчас начинает находить свое признание.¹² Р. Ли приводит следующие данные, характеризующие среднедневное питание бушменов (табл. 1).¹³

ТАБЛИЦА 1

Продукты питания	Общий вес, г	Протеин, г	Калории	%
Мясо	230	34.5	690	} 67
Орехи-монгонго	210	56.7	1260	
Прочая растительная пища	190	1.9	190	
	630	93.1	2140	100

Перед нами довольно ярко выраженный рацион специализированных собирателей, дополняющих свое питание животным протеином. Интересную картину динамики древних диет по материалам археологии дает анализ копролитов,¹⁴ на чем, в частности, были основаны расчеты Р. Мак-Нейша для эпохи становления

¹¹ Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180.

¹² Heizer R. F. Physical Analysis of Habitation Residence. — VFPA, 1960, № 27 (The Application of Quantitative Methods in Archaeology), p. 102—112.

¹³ Lee R. B. What Hunters Do for a Living. — In: Man the Hunters. Chicago, 1968, p. 39.

¹⁴ Callen E. O., Cameron T. W. M. A Prehistoric Diet Revealed in Coprolites. — New Scientist, 1960, № 8, p. 35—40; Callen E. O. Diet as Revealed by Coprolites. — In: Science in Archaeol. London, 1963.

производящей экономики в Мезоамерике.¹⁵ Однако не всегда степень сохранности археологических остатков позволяет исследователям роскошь проникновения в древние выгребные ямы. В большинстве случаев приходится довольствоваться использованием этнографических материалов со строгим учетом принципа аналогии и сведений письменных источников, дающих, например, для Древнего Востока достаточно яркую картину,¹⁶ в целом типичную для оседлоземледельческих обществ засушливой зоны. Но если в случае с копролитами перед исследователями открываются возможности конкретного анализа и оценки определенной ситуации, то при использовании этнографических и исторических аналогий по отношению к обществам, представленным одними археологическими материалами, мы можем оценивать лишь крайние пределы и преимущественно нижнюю границу потребностей, абсолютно необходимых для простого воспроизводства в обществах данного культурно-хозяйственного типа.

При оценке производственных возможностей древних обществ, помимо испытанного метода аналогий, большое значение имеют экспериментальные изыскания, в последние годы получающие все большее распространение.¹⁷ При этом изучается и производительность отдельных орудий, и весь производственный цикл,¹⁸ а в перспективе весьма желательна и комплексная реконструкция всей экономической системы в условиях эксперимента. Корреляция экспериментальных данных и сведений, получаемых из этнографических и исторических источников, повышает степень надежности предлагаемых оценок.

Палеодемографический анализ, применяемый сейчас в самых различных аспектах,¹⁹ имеет первостепенное значение для установления размеров народнохозяйственных результатов определенного поколения, что является одной из важных задач экономической демографии.²⁰ Число жителей и рост населения могут

¹⁵ Mc Neish R. 1) The Origin of American Agriculture. — *Antiquity*, 1965, v. 39, № 154; 2) Speculation about How and Why Food Production and Village Life Developed in Tehuacan Valley, Mexico. — *Archaeology*, 1971, v. 24, № 4.

¹⁶ Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 401—402; Козырева Н. В. Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии. — ВДИ, 1972, № 3; Gelb I. J. Ration System in Ancient Mesopotamia. — *JNES*, 1963, v. 24, № 3.

¹⁷ Acher R. Experimental Archaeology. — *Am. Anthrop.*, 1963, v. 63, p. 793—816; Hole F., Heizer R. F. An Introduction to Prehistoric Archaeology. New York, 1966, p. 214—216.

¹⁸ Семенов С. А. Экспериментальный метод изучения первобытной техники. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965; Коробкова Г. Ф. Экспериментальное изучение орудий труда и древних производств эпохи палеолита. — АО 1971 г., 1972, с. 171—173; Harlan J. R. A Wild Wheat Harvest in Turkey. — *Archaeology*, 1967, v. 20, № 3.

¹⁹ Hole F., Heizer R. F. *Op. cit.*, p. 220—225.

²⁰ Урланис Б. Ц. Демография. — *Экономическая энциклопедия*, М., 1972, т. I, с. 376.

быть использованы как показатели общего уровня развития и эффективности той или иной хозяйственной системы. Те же данные очень важны для количественных характеристик производительных сил, составной частью которых является сам человек, и как исходная база для расчета уровня потребления.

Имеется ряд методических приемов, используемых для определения численности древнего населения. Наиболее распространен метод, основанный на учете сохранившихся остатков поселений, связанный с определением заселенности каждого из них и с вычислением на этой основе общей плотности населения. В данном случае наиболее надежными можно считать результаты, базирующиеся на сплошном вскрытии одного или нескольких поселений с установлением плотности застройки, характера и размеров исходных жилых помещений (дома, рассчитанные на малую семью или на большесемейную общину, и т. п.) и на дальнейших расчетах снизу вверх от низовой ячейки к региону в целом. Этот способ наиболее предпочтителен, поскольку он позволяет в какой-то мере учитывать и специфические особенности памятников, т. е. тот конкретный историзм, который находит отражение в данных археологии. Нередко применяется и более косвенный подход, основанный на коэффициентах плотности заселения, заимствованных по аналогии у обществ сходного культурно-хозяйственного типа, освещенных материалами этнографии или древних письменных источников. Так, стоянки бушменов, по данным Р. Ли, дают плотность 6—7 человек на 100 м²,²¹ а ближневосточные города — 400 человек на гектар,²² поздние пакистанские города, проецируемые на города Хараппы, — 500 человек на гектар.²³ Плотность 400—500 человек на гектар считается общепризнанной нормой для городов мусульманского Ближнего Востока,²⁴ хотя, например, данные по Бухаре XIX в. дают значительно меньшую величину.²⁵ Исходя из таких общих посылок, К. Ренфрю предложил считать число жителей на один гектар в эгейском мире для неолита равным 100, ранней бронзы — 300, средней бронзы — 450 и поздней бронзы — 600.²⁶ К сожалению, отсутствие привязок к конкретной археологии делает подобные выкладки, ориентирующиеся к тому же на плотность населения ближневосточного города, т. е. объекта иной культурно-хозяйственной зоны, в значительной мере гипотетичными. Большой ин-

²¹ Lee R. B. Op. cit., p. 39.

²² Frankfort H. Town Planning in Ancient Mesopotamia. — Town Planning Review, 1950, v. 21, p. 103.

²³ Fairervis W. A. The Origin, Character, and Decline of an Early Civilization. — Am. Museum Novitates, 1967, № 2302, p. 31—33.

²⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 258—259.

²⁵ Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958, с. 67—74.

²⁶ Renfrew C. Patterns of Population Growth in the Prehistoric Aegean. — MSU, p. 294.

терес представляет предложенный тем же автором метод оценки освоенности территории путем выведения коэффициента числа поселений на 1000 км² общей территории, обжитой культурой. Вычисляемый на этой основе фактор роста, представляющий отношение коэффициента одной эпохи к коэффициенту другой, дает для эгейского мира, отличающегося, правда, высокой степенью изученности, картину весьма яркую и выразительную.²⁷ Выясняется, что критерий роста достаточно высок для Крита, этой метрополии крито-микенской цивилизации, и в четыре раза менее значителен для Северной Македонии, развитие которой как бы замерло в рамках раннеземледельческой экономики, долгое время еще не достигавшей уровня цивилизации. Как показатели относительного развития эти коэффициенты представляют несомненный интерес.

Наконец, широко распространен способ определения количества населения исходя из производственных возможностей экологической ниши в условиях той хозяйственной системы, которую практикует освоившее ее общество. Разумеется, такие подсчеты, важные сами по себе, дают крайние пределы предполагаемой численности, и в этих пределах возможны значительные колебания. Для охотничьих племен определение количества населения осуществляется путем вычисления количества биомассы на единицу площади с установлением естественного прироста, который мог быть использован человеком без существенного нарушения экологического равновесия. Такие оценки позволяют говорить о заселении районов и областей. Имеются попытки рассчитать и население отдельных поселков, учитывая количество домов и остатки продуктов питания.²⁸

Предложенные методы позволили наметить некоторые оценки численности населения в различные исторические периоды. Так, по Ч. Риду и Р. Брейдвуду плотность населения для эпохи охотников и собирателей равна 4—7 человек на 100 км².²⁹ При этом нижний предел, по их мнению, представлен австралийцами и бушменами — около 1 человека на 100 км², а верхний — более специализированными и высокоразвитыми охотниками доколумбовой Америки — до 5 человек и более на 100 км². Рассчитывая плотность населения раннеземледельческой эпохи, эти авторы исходят из современных данных, характерных для долины р. Чем-чемал, где расположено неолитическое Джармо, и получают 1000 человек на 100 км². В результате сплошного изучения энеолитических оседлоземледельческих поселений в Геоксюрском оазисе (Южный Туркменистан), площадь которого 400 км², числен-

²⁷ Ibid., p. 385—386.

²⁸ Heizer R. F. Op. cit., p. 97—99.

²⁹ Braidwood R. J., Reed Ch. A. The Achievement and Early Consequences of Food-Production. — Gold Spring Handor Simposia on Quantitative Biol., New York, 1957, v. XXII, p. 24—25.

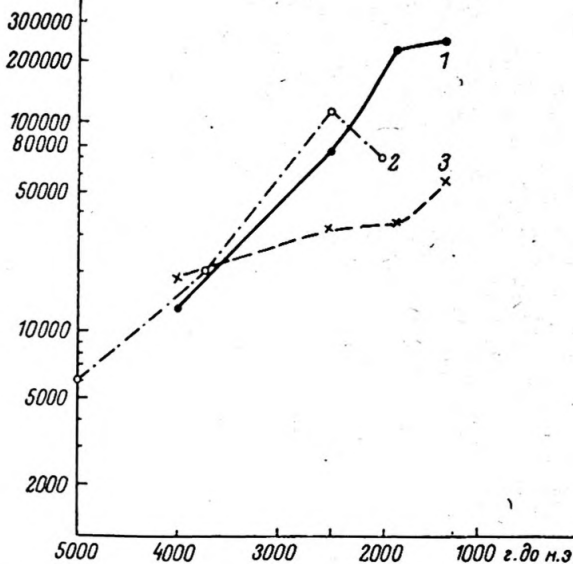

Рис. 11. Динамика народонаселения в раннеземледельческих обществах эгейского мира и Молдавии.

1 — Крит; 2 — Молдавия; 3 — Северная Македония.

ность его населения определена в 4000—5000 человек, что подтверждает коэффициент Ч. Рида и Р. Брейдвуда.³⁰

Значительное увеличение населения после перехода к производящей экономике прослеживается во многих районах. Так, в небольшой области Центрального Перу численность населения для эпохи рыболовов и охотников приблизительно в 5000 г. до н. э. равняется 50—100 человек, около 2500 г. до н. э. (время введения первых культивируемых растений) — 100—175 человек, около 1900 г. до н. э. (время широкого распространения маиса) — 1500—2000 человек.³¹ Характерен и рост населения в обществах формирующейся цивилизации. Например, население Крита около 4000 г. до н. э. составляет 14 000 человек, а около 2000 г. до н. э. — 200 000 (рис. 11). В то же время Северная Македония с ее медленно развивающейся раннеземледельческой экономикой для тех же дат дает соответственно 18 000 и 34 000 человек.³²

В некоторых случаях палеодемографические оценки могут быть проверены на материалах, не вошедших в тот источниковедческий базис, на основе которого они были осуществлены. Такая

³⁰ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 141—142.

³¹ Patterson T. C. Central Peru: its Population and Economy. — *Archaeol.*, 1971, v. 24, № 4, p. 319.

³² Renfrew C. *Op. cit.*, p. 395.

работа, в частности, была проделана для палеолита Молдавии.³³ Достаточно подробная археологическая карта Молдавии³⁴ позволила наметить для ашельского времени по крайней мере шесть районов, в которых отмечено по одному базовому стойбищу и по несколько временных стоянок (об этих типах поселений см. ниже, с. 131), соответствующих скорее всего шести охотничьим группам древности. Допуская, как это делает С. Н. Бибиков, для территории сходной изученности — Украинской ССР, что нам известна лишь половина древних памятников,³⁵ получаем 10—12 базовых стойбищ, в основном пещерных, или 10—12 охотничьих групп. Средняя численность локальной группы у охотничьих народов — почти постоянная величина, равная в среднем 25 членам группы, что прослеживается во многих случаях (см. ниже, с. 135). Исходя из этих оценок, для ашельского времени в Молдавии на территории в 20 000 км² можно предполагать наличие 250—300 жителей, т. е. около 1.2—1.5 человек на 100 км². В эпоху верхнего палеолита на той же территории располагалось по крайней мере 14 базовых стойбищ или 14 локальных охотничьих групп. С учетом поправки С. Н. Бибикова это дает численность населения, равную почти 750 человек, или около 3.7 человек на 100 км². Эти оценки могут быть в известной степени проверены расчетами по биомассе Днестровско-Прутского междуречья, представлявшего в эпоху палеолита холодные степи с островками и лентами древесной растительности. Приводившиеся выше, при рассмотрении различных охотничьих систем, данные о приросте биомассы в тундровых степях свидетельствуют (см. с. 31), что минимальная площадь охотничьей территории локальной группы в 25 человек должна была составлять 350—400 км². Таким образом, можно заключить, что территория в 20 000 км² могла обеспечить максимум 50 локальных групп, или 1250 человек. Учитывая явное выпадение ряда участков из числа охотничьих угодий, следует предполагать, что оценка верхнепалеолитического населения в 750 человек представляет собой едва ли не максимальную цифру заполнения данной экологической ниши. Возможно, в этом крылась одна из причин резкого переустройства всей хозяйственной системы общества, намечающегося для эпохи мезолита.

Одним из объектов палеоэкономических оценок может быть южнотуркменистанское поселение Джейтун, относящееся к VI тыс. до н. э. Полностью раскопанное на уровне второго строительного горизонта, с массовыми находками орудий труда, определенных методом функционального анализа,³⁶ это поселение представляет

³³ Массон В. М., Кетрару Н. А. Изучение хозяйства и народонаселения Днестровско-Прутского междуречья в эпоху палеолита. — ИАН МССР, сер. общ. наук, 1975, № 6.

³⁴ Кетрару Н. А. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавии. В. I. Кишинев, 1973.

³⁵ Бибиков С. Н. Некоторые аспекты... с. 20.

³⁶ Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, 1969, № 158.

собой благодарный объект палеоэкономических реконструкций.³⁷ Исходя из предложенной выше схемы (рис. 10), наметим общий процесс соответствующих построений. Масштабы главного блока — общества — могут быть определены на основании палеодемографических расчетов. Джейтун состоял из 30 небольших домов, в каждом из которых, судя по размерам, жила одна малая семья, что дает численность населения 150—180 человек (см. ниже, с. 119). Объем получаемых благ для этого коллектива в сфере пищевых потребностей может быть вычислен на основании норм, распространенных в Шумере в III тыс. до н. э., когда мужчинам в месяц выдавалось в среднем 36 кг, а женщинам 18 кг зерна. Иногда выдачи женщинам колебались от 12 до 24 кг, но для мужчин никогда не опускались ниже 18 кг в месяц.³⁸ Эти показатели, характерные для прирригационного земледелия аридной зоны, оказываются весьма устойчивыми. В шумерских источниках упоминаются годовые нормы работников: 440 кг ячменя, 3 л масла, 2 кг шерсти на одежду для мужчины и 220 кг ячменя, 3 л масла и 1.5 кг шерсти для женщины.³⁹ Анализ материала показывает, что эти нормы сохраняются и в древнеавилонский период.⁴⁰

Учитывая наличие в составе джейтунского населения женщин и детей, можно принять однодневную потребность всего поселка в зерне в среднем за 100 кг, что составляло в год около 36.5 т. Кроме того, необходимо было оставлять зерно для посевного фонда и на корм скоту. Исходя из этого, примем общую потребность джейтунцев равной 44 т.

В определенной степени может быть произведен и учет необходимого животного протеина. С. Н. Бибииков пришел к выводу, что трипольские земледельцы потребляли на человека в месяц 4 кг мяса, или около 130 г в день.⁴¹ При учете наличия растительной пищи этот рацион бесспорно достаточен. Как мы видели (см. выше, с. 99), в диете бушменов мясу отводилось 230 г в день. В ахеменидском Персеполе мясной паек зависимым работникам достигал 300—400 г в день.⁴² Представляется, что при принятой для Джейтуна норме 500 г ячменя на человека в день 150 г мяса для дневной порции вполне приемлемо. Отсюда вытекает дневная потребность поселка в мясе, равная 27 кг, и годовая, равная 9 т.

³⁷ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 101—107.

³⁸ Тюменев А. Н. Указ. соч., с. 401.

³⁹ Козырева Н. В. Указ. соч., с. 93. — Устойчивость подобных норм для стран Ближнего и Среднего Востока весьма показательна. В средневековой Средней Азии на одного работника выдавалось в день 600 г зерна и 1/3 динара, на одного служителя вакфа — от 1 до 1.5 кг зерна и от 0.4 до 1.2 динара (Казакон Б. А. Мавераннахр на рубеже XV—XVI веков. Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 20).

⁴⁰ Козырева Н. В. Указ. соч., с. 96—98.

⁴¹ Бибииков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс..., с. 55.

⁴² Дандамаев М. А. Чужеземные рабы в хозяйствах ахеменидских царей и их вельмож. М., 1960, с. 4.

Посмотрим теперь, каковы должны были бы быть усилия в блоке производства продуктов питания для обеспечения минимальных потребностей джейтунского общества. Судя по целому ряду данных, в том числе по составу орудий труда, на первом месте стояло земледелие.⁴³

Основной зерновой культурой джейтунцев, как и всех ближневосточных земледельцев, был ячмень. Посевы зерновых на богарных (неполивных) землях в зоне степей дают урожай 8—10 ц/га, а при двукратном посеве — до сам-15.⁴⁴ Джейтунское земледелие как самостоятельная система в макросистеме экономики, по имеющимся данным, может быть реконструировано как поливное в его ранней, лиманной форме.⁴⁵ Поэтому урожай сам-15, т. е. 20—22 ц/га, не представляется слишком высоким. В таком случае для получения 44 т зерна необходимо 20 га полей. В современном Ираке в отсталых мелких ирригационных хозяйствах обработка 6 га требует 250 чел.-дней. Если исходить из этих норм, то для обработки площади в 20 га необходимо около 830 чел.-дней. Учитывая разницу в орудиях труда, увеличим эту цифру по крайней мере втрое, что даст около 2500 чел.-дней. Значит, джейтунское земледелие требовало участия от каждой семьи двух работников в течение двух месяцев. Проверка подобных оценок может быть произведена с помощью учета данных экспериментальной археологии. Например, серпом джейтунского типа можно произвести жатву на площади 240 м² за 8 часов,⁴⁶ что требует минимум 830—850 чел.-дней для площади 20 га. Иными словами, весь урожай при расчете на двух работников от каждой семьи мог быть убран джейтунцами за две недели.

Минимально необходимое джейтунцам количество мяса требовало ежегодно забоя 450 овец или коз, что соответствовало стаду в 2000 голов. Рассмотрение джейтунского скотоводства как системы позволяет заключить, что оно имело отгонный характер (см. выше, с. 41). В таком случае из расчета 3 пастуха на стадо коз в 500 голов скотоводческий сектор джейтунской экономики требовал бы около 3300 чел.-дней в году. Однако, учитывая наличие охоты, также доставлявшей мясные продукты, эту цифру надо сократить по крайней мере на одну треть. К сожалению, производительность труда в сфере охоты менее поддается подобным расчетам.

⁴³ Коробкова Г. Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ. — УСА, 1972, в. 1, с. 17.

⁴⁴ Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947, с. 357.

⁴⁵ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 80—81; Лисицын Г. Н. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнего Востока. — КСИА, 1970, в. 122, с. 115.

⁴⁶ Коробкова Г. Ф. 1) Трудный хлеб первых горожан. — Памятники Туркменистана, 1974, № 2; 2) Экспериментально-трассологическое изучение производств трипольского общества. — АО 1974 г., 1975, с. 439.

Определенным образом могут быть оценены усилия джейтунских общин в области глинобитного строительства. Суммарная кубатура всех стен жилых домов составляла 720 м³ при высоте дома в 2.5 м. Такая сравнительно небольшая высота объясняется назначительной толщиной стен — обычно не более 30 см. По шумерским нормам (кладка 1.5 м³ в день), строительство всех жилых домов Джейтуна требовало 480 чел.-дней. Учитывая время, необходимое для изготовления и транспортировки глиняных блоков, из которых возводились дома, эту цифру, видимо, необходимо увеличить втрое (норма переноски кирпича на расстояние в 360 м составляла в Шумере около 1 м³ в день). Не следует забывать, что, помимо жилых домов, на Джейтуне было немало подсобных строений, составляющих около половины кубатуры этих домов.

Приведенные ориентировочные расчеты позволяют составить представление о минимальных трудовых затратах, необходимых для поддержания существования общины джейтунского типа. В целом в день поселок из 30 семей, учитывая помощь подростков, располагал потенциально 90 трудоднями. В год это составляло около 33 000 трудодней. Согласно предложенным оценкам, такой производственный потенциал мог быть распределен следующим образом:

Земледелие	2500	трудодней
Скотоводство	2200	»
Строительство	2300	»

Разумеется, следует иметь в виду и женский труд по дому, и приготовление пищи, и уход за детьми, и изготовление одежды, и «неолитические бюллетени». Но при всем этом совершенно ясно, что перед нами эффективная экономическая система, обеспечивавшая регулярный источник средств существования и заложившая прочные возможности разделения необходимого и прибавочного труда, вызываемого растущими потребностями общества.

Джейтунские материалы позволяют судить и о соотношении в экономике сектора, связанного с получением и производством пищи, и сектора, ориентированного на удовлетворение других потребностей, становящихся все более разнообразными.

Из сохранившихся в Джейтуне орудий труда 60% связано с деятельностью в сфере пищевых ресурсов и 40% с удовлетворением прочих потребностей. Рост непищевого сектора, удовлетворяющего возрастающие запросы общества, и был характернейшей чертой дальнейшего развития. Теперь уже жизненный минимум включал такие объекты (например, теплые глинобитные дома), которые казались бы мустьерскому охотнику вершиной совершенно необязательной роскоши. Начавшееся усложнение составных элементов-подсистем и их новое соотношение ведет к установлению в экономической системе иного образа регуляции, важнейшим из проявлений которого можно считать появление общинного ремесла.

Для последующих этапов развития пока нет возможности предложить целостную картину палеоэкономической системы, но даже оценка отдельных явлений весьма показательна и интересна. Например, хорошо известна большая роль в сложении раннеклассовых обществ ирригационного земледелия. В ряде мест были открыты весьма древние оросительные системы. В Южной Туркмении они относятся к энеолиту.⁴⁷ В Хорезме обнаружены каналы, орошавшие поля племен с культурой типа степной бронзы.⁴⁸ Вместе с тем сама по себе оросительная система, без учета масштабов и трудовых затрат на ее создание, еще мало что говорит о состоянии оставившего ее общества. Сооружение первых небольших ирригационных систем было вполне в пределах возможностей первобытных общин. Так, основной канал геоксюрской системы имеет примерно 2,5 м² в сечении и 3 км в длину. Иными словами, при его проведении было вынуто 7500 м³ грунта. Шумерские нормативы предусматривают при копке капалов объем работы 6 м³ в день при глубине до 1 локтя (0,5 м) и до 3 м³ при глубине в 2—3 локтя, что, видимо, связано с необходимостью относить землю в корзинах с места работы. Даже при минимальных нормах проведение геоксюрского канала требовало 2500 чел.-дней, или работы 150 человек в течение двух месяцев. Для такого крупного центра, как Геоксюр, с населением 1500—2000 человек выделение соответствующего числа землекопов едва ли представляло значительные трудности. Кстати, близкие результаты были получены при исследовании древней оросительной сети на юго-западе США. По расчетам Р. Вудбери 25 человек за месяц роют канал длиной в 2—3 мили с сечением 1×2 м.⁴⁹

При применении системы палеоэкономических оценок к формирующимся раннеклассовым обществам отчетливо выявляется их высокий экономический потенциал, огромные производственные возможности вне сферы непосредственного обеспечения жизненного уровня. В этом отношении особенно показательны памятники монументальной архитектуры, представленные чаще всего культовыми комплексами, а также цитаделями, дворцами и погребальными сооружениями. Так, в Южной Туркмении в слоях начала II тыс. до н. э. на поселении Алтын-Депе был открыт комплекс монументальных сооружений, весьма характерный для уровня развития, достигнутого этой раннегородской цивилизацией.⁵⁰ Здесь на постройку одного лишь раннего сооруже-

⁴⁷ Лисицына Г. Н. 1) Древнейшие оросительные каналы на территории Туркмении. — Гидротехника и мелиорация, 1964, № 9; 2) Основные этапы истории...

⁴⁸ Итина М. А. Древнехорезмийские земледельцы. — В кн.: Ист. археол., этногр. Средней Азии. М., 1968, с. 75—86.

⁴⁹ Woodbury R. B. Prehistoric Agriculture at the Point Pines, Arizona. — Mem. of Soc. for Am. Archaeol., 1961, v. 17.

⁵⁰ Массон В. М. 1) Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане. — СА, 1968, № 2; 2) Четвертый сезон раскопок на Алтын-Депе. — АО 1968 г., 1969.

ния типа месопотамских зиккуратов ушло около 500 000 штук сырцового кирпича. По шумерским трудовым нормам, только работа по переноске и кладке такого количества сырцового кирпича, не говоря уже об его производстве, потребовала бы 2500 чел.-дней. При этом следует иметь в виду, что во второй период зиккурат Алтын-Депе увеличен примерно вдвое, а рядом были возведены другие строения, также монументального облика. Между тем строительство названного сооружения, в отличие от копки канала, не являлось задачей насущной экономической необходимости.

Еще более значительны трудовые затраты при постройке цитадели Яз-Депе, памятника IX—VII вв. до н. э., характеризующего как бы второй цикл интенсивного становления раннеклассового общества в Средней Азии. Платформа яз-депинской цитадели, сплошь сложенная из сырцового кирпича, при площади 10 000 м² и высоте 8 м образовывала массив в 800 000 м³. По тем же шумерским нормам (1.5 м³ кладки на человека в день), на возведение этой огромной платформы должно было быть затрачено около 53 000 трудовых дней.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в условиях функционирования экономической системы, связанной с земледелием принципиально отличного типа, но также высоко производительным. Американские исследователи обстоятельно рассмотрели условия создания ольмекского культового центра Ла-Вента, датированного VIII—V вв. до н. э. и расположенного на небольшом острове.⁵¹ По нормам подсечно-огневого земледелия, требующим на семью участка в 4 и 7.5 га в качестве резервного фонда при смене полей, на острове могли проживать лишь 30 семей. Вместе с тем возведение культового центра требовало около 18 000 чел.-дней, что явно превышало возможности этого небольшого коллектива. Следовательно, при возведении Ла-Вента был привлечен труд окрестных общин, которые вместе вполне могли осуществить строительство за стодневный период дождей, выпадавший из цикла сельскохозяйственных работ.

Подобные структурные изменения в древних экономических системах, о которых мы часто лишь косвенно узнаем по появлению трудоемких архитектурных сооружений, вели к обусловленному изменению отношений, регулирующих систему. Это очень ярко проявилось в динамике социальных отношений, для характеристики которых также успешно могут быть использованы данные археологии.

⁵¹ Drucker P., Heizer R. F. A Study of the milpa System La Venta Island and its Archaeological Implications. — Southwest. J. of Anthrop., 1960, v. 16, № 1, p. 36—45.

**ПЛАНИРОВКА ЖИЛИЩ И ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ**

Изучение остатков древних жилых строений как источника по истории общественных отношений племен и народностей, оставивших эти жилища, широко распространено в археологии. Жилища тесно связаны с различными сторонами общественного строя и поэтому содержат соответствующую информацию, столь ценную для исследователей, имеющих дело исключительно или главным образом с археологическими материалами. Этнографические данные не оставляют в этом сомнений, еще Л. Г. Морган уделял большое внимание связи типов жилищ с историей общества.¹ Вместе с тем механизм этой связи далеко не прост, и это обстоятельство представляет особое значение для археологии, имеющей дело, как правило, лишь с частями строений, преимущественно с их полами, фундаментами и основаниями стен.

Само жилище можно рассматривать как определенный бытовой и социологический заказ, реализуемый через домостроительную технику и направленный на вычленение из природной среды общественной единицы с обеспечением в условиях данной среды и данных технических возможностей максимума удобств при осуществлении ее основных функций — жизнедеятельности, производственных процессов и т. п. При этом такой важнейший фактор, как строительная техника, определяется как экономическим потенциалом общества, так и природной средой, создающей определенные условия для размещения жилища и доставляющей исходный строительный материал. Однако главным фактором в жилище всегда остается социальная доминанта в полном соответствии с его основной функцией. Социальный заказ с учетом экологического фактора реализуется через архитектурное решение, которое принимается в соответствии с возможностями экономического потенциала, поскольку воплощается это решение через строительную технику (рис. 12). И в архитектурном решении, и в строительной технике может сказываться также культурный традиционализм, восходящий к чертам этнической специфики, тем более что жилище как материальное воплощение общественных

¹ Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.

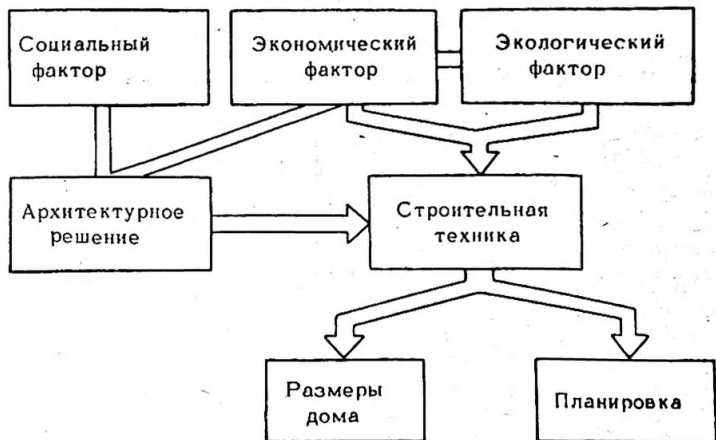

Рис. 12. Отражение природных и социальных факторов в домостроительстве.

отношений несет черты известной стабильности и консерватизма. На характере жилища сказываются и условия хозяйственного цикла, определявшие требования, предъявляемые к местам обитания. Так, калифорнийские индейцы меняли жительство несколько раз в год, двигаясь по кормовой территории. При этом летние жилища, призванные предохранять от жары, сооружались в виде навеса либо шалаша, рассчитанного каждый на супружескую пару с детьми. Зимние же стойбища состояли из полуземлянок, вкопанных в грунт на глубину до 1 м и рассчитанных уже на общину из нескольких брачных пар, каждая из которых имела свое место на лежанке.² Этнографические данные указывают и на определенную связь плана жилища с исходным строительным материалом (см. табл. 2).³

Все это подтверждает, что остатки жилищ, открываемые археологами, следует изучать не как изолированное явление, а как часть общей реконструируемой картины, одновременно с анализом экономического базиса, хозяйственных циклов и этнической традиции. При таком комплексном подходе изучение жилищ может дать сведения о величине общественных организмов, для проживания которых оно было рассчитано, об уровне благосостояния и в известной мере о характере хозяйственной организации. Во всех этих случаях, хотя и в разной степени, необходим учет и анализ не только остатков самого жилища, но и обнаруженного в нем бытового и производственного инвентаря. Естественной источниковедческой базой всех этих построек является деталь-

² Народы Америки. Т. I. М., 1959, с. 275—276.

³ Whiting J. W. M., Ayres B. Inferences from the Spape of Dwellings. — In: Settlement Archaeology. Palo Alto, 1968, p. 121.

Строительные материалы	Овальные жилища	Прямоугольные жилища
Глина, сырец	9	20
Кора	7	3
Трава	24	22
Земля	6	2
Камень	2	8
Дерево	1	37

ное изучение техники домостроительства и на этой основе реконструкция типов жилищ, для чего в настоящее время применяются самые различные методы, включая физическое моделирование.⁴

Одним из важнейших элементов интерпретации строительных остатков является приблизительное определение количества обитателей в жилище, обнаруженном археологами. Разработки в этом направлении достаточно многочисленны и разнообразны. В американской литературе большой популярностью в последнее время пользуются разработки Р. Наролла, суммировавшего этнографические материалы по 18 обществам.⁵ Определяя площадь жилища как площадь, находящуюся под перекрытием, Наролл построил логарифмический график корреляции числа жителей и площади отдельных строений, получив показатель 1:10 на обитателя от общего количества квадратных метров, или 10 м² на человека. Этот показатель положил в основу своих расчетов и К. Фланнери, анализируя динамику развития жилых строений на Ближнем Востоке.⁶ В результате он приходит к заключению, что круглые в плане дома натуфийского мезолита площадью 4—15 м² являются местом обитания отдельных персон, мужчин или женщин, и что лишь неолитические прямоугольные строения рассчитаны на малую семью. При этом уже самому Фланнери не удается избежать внутренних противоречий, когда он, например, объявляет, что у ранних земледельцев ближневосточной зоны нет домов площадью менее 15 м² и что соответственно нет жилищ, рассчитанных на одно лицо. Однако на раннеэнеолитическом поселении Дашлыджи-Депе в Южном Туркменистане площадь большинства домов лежит в пределах 6—12 м², и эти же размеры характерны и для однокомнатных домов развитого энеолита.⁷

⁴ Зиньковский К. В. Новые данные к реконструкции трипольских жилищ. — СА, 1973, № 1.

⁵ Naroll R. Floor Area and Settlement Population. — AA, 1962, v. 27, № 4, p. 588.

⁶ Flannery K. V. The Origins of the Village as a Settlement Type in Mesoamerica and Near East. — MSU, p. 29—45.

⁷ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 325.

Опираясь на коэффициент Наролла, многие палеолитические жилища приледниковой Европы также следовало бы трактовать как места обитания одиноких мужчин или женщин. Думается, что причины подобного положения лежат в излишне обобщенном подходе Наролла, пренебрегшего таким важным обстоятельством, как принадлежность того или иного общества к различным культурно-хозяйственным зонам, где даже климатические условия предъявляют жилищному строительству различные нормы и санитарные требования. Если Фланнери для аналогии натуфийским строениям привлекает хорошо известные этнографам круглые дома африканских охотников, то не следует забывать, что в том же Камеруне тропический климат обусловил совершенно иную кубатуру жилого пространства, необходимого для одного человека. Детальное изучение этого вопроса на материалах Калифорнии, где культура охотников и собирателей существовала в климатических условиях, более близких Передней Азии, показало, что минимальная норма «площади пола» в семье на человека 1.8 м^2 , а более высокие нормы — 1.5 и 6.3 м^2 — относительно редки, так же как и верхний предел — 9 м^2 .⁸ Естественно, в зимних жилищах приледниковой Европы или в неолите Северной Евразии с их суровыми климатическими условиями более распространены минимальные нормы.⁹ Б. Судский не без оснований отмечает, что большие размеры домов земледельческого неолита Центральной Европы во многом объясняются тем, что в данной географической зоне, в отличие от Балкан и Ближнего Востока, многие виды деятельности осуществлялись в доме, а не на открытом воздухе.¹⁰

Первостепенное значение имеет использование собственно археологических данных для определения размеров коллектива, занимавшего то или иное жилище. Для решения этой задачи представляет интерес понятие «наименьшее жилое пространство», предложенное Г. П. Григорьевым для верхнепалеолитических памятников Восточной Европы.¹¹ Оно включает минимальную площадь жилого строения как такового или вычлениаемую в качестве самостоятельной в пределах крупного сооружения. Такой объективно устанавливаемый нижний предел может быть прослежен и для других культур, например для домов неолитических земледельцев, и имеет важное значение при определении размеров общественных единиц, эксплуатировавших данные сооружения. Не касаясь анализа находок вещевых материалов, из числа

⁸ Cook S. F., Heizer P. F. Relationships among Houses, Settlement Areas and Population in Aboriginal California. — In: Settlement Archaeology. Palo Alto, 1968, p. 90—91, 97, 114—115.

⁹ Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 30—31.

¹⁰ Soudsky B. Etude de la maison néolithique. — Slovenska archaeol., 1969, v. XVIII, № 1, p. 78.

¹¹ Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы, с. 12.

которых особенно важны сосуды, их количество и объем помещавшихся в них продуктов, отметим большую роль распределения очагов и печей, как отопительных, так и кухонных. Значение очага как хозяйственного, организационного и социального центра жилища проявляется уже на древнейших стоянках палеолитического человека.¹²

Археологические открытия последних лет коренным образом меняют сложившиеся традиционные представления о возрасте искусственных жилищ, возводимых первобытным человеком. Остатки деятельности по благоустройству природной среды в целях проживания отмечены начиная с олдувейских наслоений давностью в 2 млн лет. Эти остатки достаточно разнообразны, и их интерпретация, а тем более реконструкция самих жилищ далеко не всегда является простым делом. Встречаются и каменные выкладки по периметру предполагаемого жилища, и галечные вымостки пола, и покрытие пола шкурами животных. Вместе с тем наличие очагов в этих древнейших жилищах позволяет с полной уверенностью возводить именно к ним истоки домостроительных традиций. Так, раннеашельские хижины Терра-Аматы имели 7—15 м в длину и 4—6 м в ширину, и хотя Г. Люмлей рассматривает их как места кратковременного обитания в весенний период, наличие очагов не оставляет сомнений в том, что перед нами именно древнейшие жилища.¹³ Особой формой их благоустройства была организация жилого пространства пещер и других скальных убежищ, значение которых возросло с наступлением ледникового периода, поскольку они обеспечивали определенный температурный минимум. Блестящим примером такого благоустройства является грот Лазаре, тщательно изученный французскими археологами, установившими там наличие своего рода каркасной хижины, возведенной под сводами пещеры.¹⁴ Сравнительно большая полезная площадь (55 м²) позволяет согласиться с Г. Люмлеем, предполагающим, что пещера служила убежищем по крайней мере 9—12 членам охотничьей группы. Скорее всего это была та локальная группа, которая, как свидетельствуют данные этнографии, являлась основной организационной единицей уже в наиболее архаических обществах охотников и собирателей и которая в данном случае приложила значительные усилия к подготовке своего убежища на зимний сезон. Несомненно, что детальное изучение этих первых искусственно организованных мест обитания и установление принципиальных различий ранней домостроительной техники со строительной деятельностью, известной уже на

¹² Александрова М. В. Древнейшие нижнепалеолитические жилища и поселения. — В кн.: Реконструкция общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974.

¹³ Lumley H. de. Les fouilles de Terra Amata à Nice. — Bull. du Musée d'anthrop. préhist. du Monaco, 1966, № 3.

¹⁴ Lumley H. de. Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret. Paris, 1969.

уровне животного мира,¹⁵ будет иметь решающее значение для правильного понимания уровня развития древнейшего человеческого общества, которое долгое время рассматривалось на страницах научных изданий в излишне архаизированном и примитивизированном виде.

Явление стабильности, отчетливо выступающее в древнейших сооружениях, приобретает все черты определенной и устойчивой строительной традиции в замечательных жилищах приледниковой Европы и частично Азии, с которых, собственно, и началось изучение жилых строений палеолитического человека.¹⁶ Благодаря многочисленным, тщательно проведенным раскопкам техника домостроительства для этой зоны времени мустье и особенно верхнего палеолита может быть охарактеризована достаточно уверенно и всесторонне.¹⁷ Мустьерские и верхнепалеолитические жилища приледниковой зоны, возводившиеся на открытых пространствах, представляли собой каркасные хижины с полом, иногда углубленным так, что получалась полуземлянка. Хижины меньших размеров, овальные в плане, имели коническое перекрытие, основу которого составляли шесты, покрывавшиеся полотнищем из шитых шкур. Большое внимание уделялось основанию жилища, нередко укреплявшемуся каменными плитами. Особенно выразительны жилища восточноевропейских охотников за мамонтами, у которых цоколь представлял собой вкопанные по кругу черепа этих могучих животных. На цоколь опирался каркас, для сооружения которого наряду с жердями использовались и бивни мамонта. Шкуры, покрывавшие этот каркас, в основании придавливались кольцом из мамонтовых черепов, выше набрасывались более мелкие кости, в том числе бивни мамонтов и рога северных оленей, а ближе к основанию насыпалась также и земля. Вся конструкция была направлена на максимальное утепление жилища, защищавшего человека от сурового климата той эпохи. Мы имеем здесь своего рода устойчивую строительную традицию, представленную и в Восточной Европе, и на Ангаре. Можно считать, что в ту же эпоху был открыт принцип увеличения размеров жилища путем повторения основного планировочного элемента, представленного отдельной овальной хижинкой. Видимо, именно таковы

¹⁵ Воронцов Н. Н. Биологические предпосылки эволюции человека. — Природа, 1973, № 2, с. 80.

¹⁶ Борисковский П. И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе. — СА, 1958, № 1.

¹⁷ Герасимов М. М. Круглое жилище стоянки Мальта. — КСИА, 1961, в. 82; Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969; Шовкопляс И. Г. Добраничевская стоянка на Киевщине. — МИА, 1972, № 185; Черныш А. П. Остатки жилища мустьерского времени на Днестре. — СЭ, 1960, № 1; Окладников А. П. Буреть — новая палеолитическая «стоянка» на Ангаре. — СА, 1940, т. V; Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 182—187.

удлиненные многоочажные дома, имевшие скорее всего двускатную крышу с коньковой балкой.¹⁸

Четко выявленные раскопками многочисленных исследователей жилища приледниковой зоны дают достаточно надежные основания для суждения о величине обитавших в них коллективов. Именно необходимость противостоять суровому климату привела к созданию строений, давших надежные археологические остатки, чего, к сожалению, мы почти не встречаем в мире палеолитических племен, обитавших в более благоприятных природных условиях. Жилая площадь малых хижин диаметром от 4 до 7 м в среднем достигала 20—25 м².¹⁹ Учитывая средние биологические размеры малой семьи, такая хижина может рассматриваться, как это и делается большинством исследователей, в качестве жилищ одной малой семьи, имеющей в этом зимнем доме свой собственный очаг.²⁰ Крупные многоочажные жилища в таком случае следует рассматривать как многосемейные дома. Однако не обязательно их рассматривать как место обитания большесемейной общины. Скорее, наоборот, они объединяли все семьи данной локальной группы лишь в зимних условиях с сохранением посемейного распределения пищи.²¹ Здесь наличие отдельных очагов представляет первостепенный интерес и может служить одним из свидетельств организации коллектива, оставившего то или иное жилище. Палеоэкономические расчеты С. Н. Бибикова, отмечающего наличие на верхнепалеолитических памятниках равного количества «летних очагов» и производственных мест, указывают на значительную хозяйственную роль этих семей как основной ячейки общества.²² Малая семья и состоящая из нескольких таких семей локальная группа или община — таковы основные единицы общества верхнепалеолитических охотников, по крайней мере об этом свидетельствуют остатки жилищ и поселений. Как справедливо отмечает Н. А. Бутинов, семья и община — основные ячейки первобытнообщинного строя и их распространение, во всяком случае у народов, известных этнографии, носит универсальный характер.²³ Вместе с тем эти материалы не подтверждают мнения К. Фланнери о начальном этапе жилой архитектуры как о какой-то досемейной стадии, когда каждый дом предназначался лишь для одного обитателя.²⁴ Наоборот, остатки верхнепалеолитических строений лишней раз подчерки-

¹⁸ Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения. — В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 69.

¹⁹ Бибиков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита. — СА, 1969, № 4, с. 9.

²⁰ Григорьев Г. П. Указ. соч., с. 12; Бибиков С. Н. Указ. соч.; Шовкопляс И. Г. Указ. соч., с. 187—188.

²¹ Григорьев Г. П. Указ. соч., с. 13—16.

²² Бибиков С. Н. Указ. соч., с. 11—13.

²³ Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 131.

²⁴ Flannery K. V. Op. cit., p. 30—38.

вают коллективизм первобытного общества, который единственно мог быть залогом его существования и развития. Не приходится говорить и о каких-либо различиях в уровне благосостояния — повсюду от восточноевропейских равнин до берегов Ангары верхнепалеолитические жилища — это убогие шалаши, в которых скудно теснятся взрослые и дети.

Жилища мезолитического времени лучше всего известны по раскопкам памятников натуфийской культуры на Ближнем Востоке, где высоко специализированное хозяйство охотников, рыболовов и собирателей, возможно уже овладевающих начатками земледелия и скотоводства, предопределило высокую степень оседлости. Каменные основания этих жилищ, бывших как наземными, так и полуземлянками, хорошо известны по раскопкам Эйнана и раннего Мюрейбита.²⁵ Их округлый план отчетливо указывает на связь с традицией хижин с каркасной основой, и не случайно этот же план мы находим затем и в древнейших сырцовых домах раннеземледельческого Иерихона. Нам кажется, что площадь жилищ Эйнана — от 9 до 28 м² — не подтверждает мнения Фланнери, формально следовавшего коэффициенту Наролла и видевшего в них своеобразные убежища одиночек. Думается, что с большим основанием следует видеть в этих постройках те же дома малых семей, которые образовывали и поселения верхнепалеолитических общин. Но особенно важно зарождение совершенно определенной строительной традиции. Так, стены эйнанских полуземлянок покрыты изнутри своего рода штукатуркой из глины с песком и окрашены в красный цвет. Здесь человек уже стоит на пороге выдающегося открытия, каким стала для своего времени глинобитная или сырцовая архитектура.

В засушливых степях и полупустынях Ближнего Востока и примыкающих территорий древнее строительство должно было решать две главные задачи — поиски рептабельного в условиях малолесья строительного материала и предохранение обитателей домов от повышенных температур. Обе задачи были блестяще решены использованием для строительства глины сначала в виде аморфной кладки или нерегулярных блоков, а затем в виде формованного сырцового кирпича, открывшего большие возможности различных комбинаций вплоть до возведения сводчатых перекрытий. Этот исходный строительный элемент в равной мере оказался пригодным для сооружения и невзрачного домика бедняка, и величественных храмов и дворцов. В методическом отношении раскопки древних сырцовых строений дают более надежные основания для воссоздания их древнего облика, чем сложные и не всегда эффективные работы по расчистке остатков построек, возводившихся преимущественно из органических материалов. Как

²⁵ Perrot J. Le gisement natoufien de Mallaha (Eynan). — *L'anthropologie*, 1966, t. 70, № 5—6; Loon M. N. van, Skinner J. H. The Oriental Institute Excavation at Mureybit, Syria. — *JNES*, 1968, v. 27, № 4.

правило, прочные глинобитные строения появляются одновременно с оседлым земледелием, хотя первые шаги в освоении новой техники строительства были сделаны, как и многие другие предпосылки сложения нового типа экономики, еще «накануне земледелия».

Значительный цикл работ по изучению глинобитных строений раннеземледельческих племен и динамики их развития был осуществлен в 1955—1963 гг. в Южном Туркменистане, когда здесь последовательно раскапывались поселения неолита и разных этапов энеолита. Как сами материалы, так и их интерпретация неоднократно служили предметом специальных публикаций и исследований, полностью повторять которые нет оснований.²⁶ С 1964 г. внимание сотрудников, ранее занимавшихся неолитическими и энеолитическими памятниками, было переключено на эпоху бронзы, но в 1963—1968 гг. были получены новые важные данные по неолиту.²⁷ В целом в Южном Туркменистане намечается достаточно четкая картина эволюции древних жилых строений, которую есть основания поставить в связь с развитием общественных отношений.²⁸

Наиболее ранние жилые строения, относящиеся к неолитической джейтунской культуре, возведены еще не из прямоугольного кирпича, а из глиняных блоков, но с большой тщательностью и с высокой степенью стандартизации, распространяющейся как на планировку дома, так и на его отделку, включающую покрытие пола белой известковой обмазкой и окраску пола и стен в красный или черный цвет. По качеству выполнения эти дома как бы отражают установление благосостоятельности, наступившей после перехода к земледелию. Не менее примечательна и их планировка — все они без исключения однокомнатные (ныне обнаружены уже на шести памятниках). Каждый дом обязательно имеет массивный очаг и небольшой дворик, нередко с подсобными хозяйственными строениями. На полностью раскопанном поселении Джейтун наиболее распространены дома площадью от 15 до 30 м².²⁹ В принципе ту же картину мы наблюдаем на Песседжик-

²⁶ М а с с о н В. М. 1) Джейтун и Кара-Депе. — СА, 1957, № 1; 2) Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе. — СА, 1962, № 3; 3) Средняя Азия и Древний Восток, с. 303—327; М а с с о н В. М. The first Farmers in Turkmenia. — Antiquity, 1961, v. XXXV, № 139; Сарияниди В. И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. — КСИА, 1962, в. 91; Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964.

²⁷ Бердыев О. К. 1) Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966; 2) Изучение памятников эпохи неолита. — КД, 1968, в. I; 3) Новые раскопки на поселениях Песседжик-Депе и Чамаклы-Депе — КД, 1968, в. II; 4) Некоторые результаты изучения раннеземледельческих поселений. — КД, 1970, в. III.

²⁸ М а с с о н В. М. Prehistoric Settlement Patterns in Soviet Central Asia. — MSU, p. 263—275.

²⁹ М а с с о н В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1970, № 180, с. 103—104.

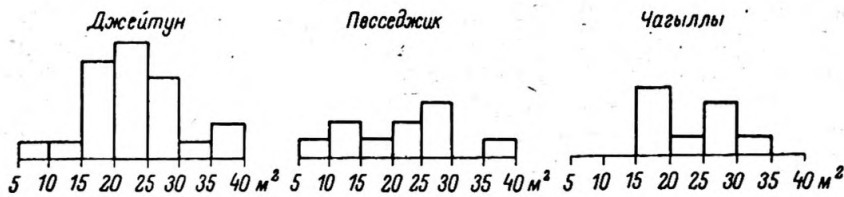

Рис. 13. Размеры домов в памятниках джейтуунской культуры.

Депе, которое по размерам не уступало Джейтууну, а по качеству объектов материальной культуры, включая святилище с росписью, было даже более «столичным». На небольшом периферийном памятнике Чагыллы-Депе площадь около половины домов 10—15 м², но для этого поселения вообще характерна сильная скученность строений, как бы стремящихся поместиться на весьма ограниченной территории. Размеры джейтуунских домов (рис. 13) с самостоятельными хозяйственными очагами не оставляют сомнений в том, что перед нами жилища малых семей, причем изучение распространения орудий труда указывает на высокую степень их хозяйственной самостоятельности. Вместе с тем в планировке Джейтууна отмечается как бы объединение вокруг общего хозяйственного двора от 2 до 4 домов таких малых семей, что, возможно, указывает на существование каких-то объединений в пределах раннеземледельческой общины, занимавшей весь поселок в целом. Хотя дома джейтуунской культуры и несколько варьируют по площади, нет оснований говорить о какой-либо дифференциации состоятельности. Перед нами достаточно налаженный домашний быт в благоустроенных помещениях, но быт в целом единый для всей массы общинников.

Традиции однокомнатного домостроительства достаточно четко прослеживаются в раннем и в развитом энеолите, во всяком случае для восточной группы поселений, где соответствующий материал представлен ялангачским комплексом. Анализируя эти данные, И. Н. Хлопин отмечает, что наряду с домами, имеющими очаги, встречаются дома также однокомнатные, но лишённые очагов, и полагает, что последние могли принадлежать молодым брачным парам, еще связанным до определенного момента с родительским домом.³⁰ Вместе с тем уже в этот период выступает тенденция как бы к слиянию отдельно стоящих домов путем пристроек в более значительный массив.

Всеобщее распространение многокомнатных массивов, заранее возводившихся как крупные строения, характерно для позднего энеолита, причем такие дома раскопаны как в западном районе (Кара-Депе), так и в восточном (Геоксюр, Чонг-Депе). Многоком-

³⁰ Хлопин И. Н. Указ. соч., с. 148—149.

натные дома-массивы разделялись узкими улочками или широкими глухими стенами. Их основным элементом был блок из жилой комнаты площадью 12—25 м² и примыкающего к ней глухого отсека, явно служившего в качестве подсобного, складского помещения. Сама жилая комната обычно имеет в полу небольшой отопительный очаг типа современных узбекских сандалов. Легко можно наблюдать, как в случае необходимости тот или иной дом увеличивался путем пристройки такого составного элемента. Размеры исходного блока позволяют видеть в нем место проживания той же малой семьи, которая в джейтунском неолите, да и несколько позже, занимала отдельный благоустроенный дом. Теперь положение этой семьи явно изменилось. Массивный многоквартирный дом имеет общий для всех обитателей хозяйственный двор, общую кухню и, во всяком случае в Геокюрском оазисе, общее святилище.³¹ Это дает основание заключить, что данный тип строений с момента его возникновения был рассчитан на коллектив, состоящий из нескольких малых семей, живущих под общей крышей и ведущих общее хозяйство. Таким коллективом следует признать большесемейную (или домовую) общину, которая теперь составляет основную ячейку общинного поселка в целом. Правомерность подобного заключения подтверждается появлением именно в пору позднего энеолита в Южном Туркменистане коллективных захоронений, где состав погребенных также свидетельствует об их принадлежности к коллективу большему, чем малая семья (см. ниже, с. 156). Хотя в настоящее время раскопано несколько многоквартирных домов, нет оснований для деления их по уровню состоятельности их владельцев. Ни отделка, ни планировка, ни характер находок не позволяют говорить о какой-либо дифференциации, нашедшей отражение в домостроительстве. Такие различия выступают уже в следующий исторический период — в эпоху бронзы.

Жилые комплексы эпохи развитой бронзы, датирующиеся в Южном Туркменистане концом III—началом II тыс. до н. э., в настоящее время представлены как раскопками на крупном центре городского облика Алтып-Депе,³² так и материалами более мелких, «сельских» поселений Шор-Депе и Тайчанак-Депе.³³ В известной мере могут быть привлечены и материалы Намазга-

³¹ Сарпаниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. — САИ, ВЗ-8, 1965, ч. IV, с. 13—14.

³² Массон В. М. 1) Раскопки на Алтып-Депе в 1969 г. Ашхабад, 1970; 2) Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтып-Депе. — АО 1971 г., 1972; Кнышев В. И. Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтып-Депе. — КСИА, 1971, в. 127; Масимов И. С. Раскопки святилища эпохи бронзы на Алтып-Депе. — СА, 1973, № 2.

³³ Щетенко А. Я. 1) Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-Депе. — КД, 1968, в. II; 2) Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. — КД, 1970, в. III.

Депе, хотя они должным образом не опубликованы и далеко не полно документированы.

При раскопках Намазга-Депе и при начале работ на Алтын-Депе были обнаружены обычные для раннеземледельческих поселений многокомнатные строения, что создало впечатление полного повторения особенностей застройки, характерных еще для поселений поры энеолита. Однако детальные исследования Алтын-Депе вскрыли картину и более сложную, и более выразительную. При расчистке строений, соединенных между собой проходами, оказалось, что многокомнатные кварталы на некоторых участках городища расчленены на отдельные «квартиры», имеющие каждая как жилые, так и хозяйственные помещения, и двор, где располагалась печь для выпечки хлеба (раскоп 5). Внешне такой квартал напоминал многокомнатный дом-массив поры энеолита, но хозяйство населявшие его семейные коллективы, судя по планировке, вели обособленно — имели и свои собственные закрома, и печи для хлеба (тандыры). Такие комплексы пристраивались один к другому, и их разные оси создавали впечатление хаотичности. Были обнаружены также строения, где эта хаотичность оказалась преодолена четкой прямоугольной планировкой обособленно стоящего дома, размеры и качество отделки которого позволили условно назвать его «домом вождя» (раскоп 9). Обширный двор этого дома также имел тандыр. Наконец, оказалось, что на Алтын-Депе существовал и третий тип застройки — многокомнатные дома-массивы с общим двориком и с таким характерным составным элементом, как жилая комната с отопительным очагом и примыкающим к ней подсобным строением. В хозяйственном дворике располагалась и общая для всего массива кухня (раскоп 10, «квартал ремесленников»). Наличие в каждом из трех типов строений особой кухни и тандыра позволяет рассматривать их как самостоятельные хозяйственные единицы. По аналогии с домами-массивами позднего энеолита в больших домах «квартала ремесленников» следует видеть жилище большесемейных общин, а в выделенных «квартирах» раскопа 5 и в отдельном доме раскопа 9 — места обитания отдельных индивидуальных семей, общественная и экономическая самостоятельность которых подчеркивалась самим фактом собственного домовладения. Показательна разница полезной площади, занимаемой строениями трех описанных типов (табл. 3).

Здесь уже наглядно выступает дифференциация, отражающая, надо полагать, неравное общественное положение обитателей тех или иных строений. Эта дифференциация сказывается и в планировке домов и, особенно наглядно, в их размерах. Хотя качество отделки «дома вождя» и более высокое, но это все та же саманная штукатурка. Различия в отделке помещений с помощью средств архитектурного декора еще не использовались обитателями Алтын-Депе, во всяком случае в пределах раскопанных частей памятника. Зато мы с ними повсеместно сталкиваемся при

Тип дома	Число семей	Площадь, м ²				
		жилых комнат	хозяйственных строений	двора	общая	на семью
Дом-массив в раскопе 10	4	40	55	14	109	27
Дом в раскопе 5	1	33	30	30	93	93
«Дом вождя» в раскопе 9	1	47	30	68	145	145

раскопках поселений и городов развитых раннеклассовых обществ, где они служат ярким критерием при социальной атрибуции строительных остатков. Интересно отметить, что картина дифференциации, наметившаяся на материале жилых строений Алтын-Депе, находит подтверждение в других материалах, происходящих с этого памятника (см. ниже, с. 146).

Раскопки мелких поселений эпохи бронзы пока дали нам лишь общую картину многокомнатных массивов, по которым трудно сказать — это жилище большесемейной общины или место обитания индивидуальной семьи.

Жилые строения раннеземледельческих племен в других природных зонах показывают разные пути выражения основной социальной функции жилища в условиях различной строительной техники. Так, ранние земледельцы Балкан и вообще Восточной Европы нередко еще продолжают пользоваться землянками, доставшимися им в наследство от охотничьего быта доземледельческой эпохи,³⁴ но постепенно традиция устройства удобных наземных домов, более соответствующих новому общественному состоянию, утверждается почти повсеместно. При этом в условиях Восточной Европы, где лес как строительный материал был сравнительно легко доступен, а количество осадков вынуждало древних домостроителей заботиться о перекрытиях, соответствующим образом устроенных, появляется и новый тип строений.³⁵ Это были постройки на столбовом каркасе с двускатной крышей, со стенами, сделанными из глины с соломой, часто с плетеной основой.³⁶

³⁴ Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М., 1969, с. 32; Tringham R. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe. London, 1971, p. 96.

³⁵ Piggot S. Ancient Europe. Edinburgh, 1965, p. 44; Tringham R. Op. cit., p. 72.

³⁶ Childe V. G. Neolithic House-Types in Temperate Europe. — PPS, 1949, v. 15, p. 77—79.

Интересно отметить, что на Балканах древнейшие жилища указанного типа представлены сравнительно небольшими сооружениями — отдельными однокомнатными домами, повторяя в этом отношении особенности среднеазиатского Джейтуна, на что справедливо обратил внимание С. Пиггот.³⁷ Правда, по имеющимся материалам трудно судить, намечалась ли группировка этих жилищ малых семей в какие-то объединения в пределах поселка, подобно тому как это имело место на самом Джейтуне. Интересно, что на яншаоском поселении Баньпо, датированном радиоуглеродным методом концом V—первой трети IV тыс. до н. э., каркасные дома также были однокомнатными и весь поселок состоял на раннем этапе из 22, а на позднем из 24 таких домов.³⁸

Между тем в бассейне Дуная у племен культуры линейно-ленточной керамики получают распространение длинные дома, также основанные на столбовой конструкции, но представляющие собой как бы обычный дом с коньковой крышей, многократно увеличенный в длину. Тщательные раскопки чехословацких археологов в Билани и на других памятниках дают достаточно яркое представление о строениях этого типа.³⁹ Их ширина, лимитированная возможностями перекрытия, обычно около 6 м, тогда как длина нередко 45 м. Интересно отметить, что исследователи, ставившие вопрос о социальной интерпретации этих строений, неизменно обращались к опыту советских археологов, изучавших знаменитые длинные дома Триполья и определявших их как многосемейные и многоочажные жилища,⁴⁰ скорее всего места обитания большесемейной общины.⁴¹ Устанавливая число жителей большого дома площадью 243 м², В. Судский исходит из уже упоминавшегося принципа минимального жилого пространства, определяемого в Билани наличием малых домов площадью от 36 до 48 м² и длиной от 7 до 11 м. Полагая, что такой дом занимала малая семья, В. Судский заключает, что в большом доме жили 4 семьи. Эти огромные дома, как кажется, ясно свидетельствуют о большой роли в раннеземледельческих обществах бассейна Дуная большесемейных объединений, хотя и не следует делать вывод, что в культурах, где такие дома отсутствуют, не было и этих общественных единиц. Например, на Кавказе, где однокомнатные дома, первоначально круглоплановые, а затем и прямоугольные, представляют скорее всего своего рода этническую тра-

³⁷ Piggot S. Op. cit., p. 306—307.

³⁸ Shih H. P. et al. Hsi-an Pan-po. Peking, 1963, p. 306—308; Chang K. The Archaeology of Ancient China. New Haven—London, 1971, p. 95—97.

³⁹ Soudsky B. Op. cit.; Soudsky B., Pavlu I. The Linear Pottery Culture Settlement Patterns of Central Europe. — MSU.

⁴⁰ Пассек Т. С. Трипольские поселения. — МИА, 1949, № 10, с. 149—150.

⁴¹ Бибииков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — СА, 1965, № 1, с. 49—50, 59—60.

дицию, тенденция к планировочному выделению групп таких домов малых семей нередко вокруг дворика отмечается и в неолите,⁴² и в эпоху металла.⁴³

Интереснейшим образцом раннеземледельческой архитектуры являются знаменитые дома-селения индейцев пуэбло, неоднократно описывавшиеся этнографами и пристально изучающиеся археологами. При этом особенно большой интерес представляет детальный анализ всех видов археологических материалов, обнаруженных при раскопках, с целью определения назначения отдельных помещений.⁴⁴ Так, Дж. Хилл, классифицируя помещения по семи признакам, выделяет три их категории: большие комнаты, малые комнаты и комнаты специального назначения. Детальный анализ распространения по помещениям этих трех категорий различных типов керамики, орудий и костных остатков позволяет определить достаточно четко их назначение, как правило полифункциональное, хотя большие комнаты в основном определяются как жилые, а малые — как хранилища. Автором убедительно показаны большие познавательные возможности археологических материалов, но, к сожалению, он не попытался произвести группировку помещений внутри всего комплекса, что способствовало бы выделению мест обитания домовых общин, о которых мы хорошо знаем по этнографическим материалам. В этом отношении едва ли можно разделить скептицизм У. Лонгакра, порожденный полифункциональностью исследованных им помещений.⁴⁵ Как бы то ни было, именно исследование древних жилищ является важнейшим способом изучения общественных структур древнего населения, оставившего нам их оплывшие и поверженные рупны.

⁴² Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971, с. 110 (на груз. яз.)

⁴³ Глонти Л. И. Поселение куро-аракской культуры. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1970, с. 10.

⁴⁴ Hill J. N. Broken K. Pueblo: Patterns of Form and Function. — In: *New Perspectives in Archaeol.* Chicago, 1968; Longacre W. A. *Some Aspects of Prehistoric Society in East-Central Arizona.* — Ibid.

⁴⁵ Longacre W. A. *Op. cit.*, p. 101.

ОТ ОХОТНИЧЬИХ СТОЯНОК К ДРЕВНИМ ГОРОДАМ

Древние поселения и свойственные им особенности, изменяющиеся во времени и пространстве, служат важнейшим источником для изучения истории общества. Основной составной планировочной и социальной единицей поселения является жилище, но история поселений не равнозначна истории жилищ. Специфику поселений определяют характер организации жилищ как частей единой системы и особые специфические черты, присущие этой системе как таковой (укрепления, святилища, места собраний, общие хранилища, производственные центры). В этом отношении поселения более разносторонне, чем жилища, отражают историю оставшихся их обществ.

Советская археологическая наука уже на первых этапах своего формирования поставила одной из главных задач широкое изучение древних поселений, раскопки их большими площадями. С этой установкой связан ряд значительных достижений отечественной археологии в 30-е гг., когда были открыты палеолитические стоянки¹ и началось планомерное изучение трипольских поселений.² В 50—60-е гг. усовершенствованная методика позволила перейти к широким, полным раскопкам позднепалеолитических памятников³ и поставить вопросы их функционирования как системы жилищ и других исходных элементов.⁴ Во второй половине 50-х—начале 60-х гг. развернулись регулярные раскопки памятников раннеземледельческих племен на юго-западе Средней Азии, позволившие наметить эволюцию древних поселений на протяжении значительного отрезка времени.⁵ Вместе с тем

¹ Замятин С. Н. Раскопки у с. Гагарино. — ИГАИМК, 1935, в. 18; Борисковский П. И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе. — СА, 1958, № 1.

² Кричевский Е. Ю. Трипольские площадки. — СА, 1940, т. VII; Пассек Т. С. 1) Трипольское поселение у Владимировки. — ВДИ, 1941, № 1; 2) Периодизация трипольских поселений. — МИА, 1949, № 10.

³ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965.

⁴ Бибиков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования в палеолите. — СА, 1969, № 4, с. 9—17.

⁵ Массон В. М. 1) Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. — ТЮТАКЭ, 1960, т. X; 2) Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964; Сараниди В. И. Некоторые вопросы древней архи-

интерес к хозяйственно-жилому комплексу, как наиболее яркому и по объему работ наиболее доступному элементу, нередко за-слонял вопросы изучения поселения в целом, как комплекса раз-личных элементов и структур.

В послевоенные годы значительное внимание вопросам изуче-ния поселений стали уделять американские археологи.⁶ В 60-х гг. в связи со стремлением укрепить теоретические основы археоло-гической науки вопросы исследования поселений становятся на Западе своего рода модой. Так, в США был поставлен вопрос о выделении «поселенческой археологии» как своего рода подраз-дела археологии (работы Уилли, Чанга, Тригера и др.).⁷ В де-кабре 1970 г. в Лондоне была проведена специальная конферен-ция по изучению поселений и урбанизации, в которой в основном приняли участия ученые Англии и США. На ней было рассмот-рено много интересных и важных проблем: детально разрабаты-вался аспект экономического фона, изучались динамика роста населения, вопросы социальной атрибуции домов и поселений. Стремление исследовать не только материальные остатки, но и скрытые за ними общественные отношения, применение новых методов, и прежде всего математической статистики, все это пред-ставляет собой прогрессивное явление (см. выше, с. 6). Однако предвзятая и нарочитая абстрактность некоторых схем как бы вращается в параллельных плоскостях с огромным реальным ма-териалом, накопленным археологической практикой. Недаром Г. Р. Уилли, автор одного из первых исследований о древних по-селениях,⁸ отмечал логико-теоретический характер многих по-строений Б. Тригера и в качестве одной из первейших задач «по-селенческой археологии» называл необходимость анализа реаль-ного археологического материала (артефактов) как источника по социальным отношениям, разделению труда и т. д. внутри тех же поселений.⁹ Более удачным образцом соединения теорети-ческих разработок и археологической реальности нам представ-ляются работы К. Фланнери.¹⁰ В целом стремление к раскрытию социальной и экономической сущности явлений древней истории, изучаемой по материалам археологии, проявившееся, в частности, в «поселенческой археологии», безусловно прогрессивно и свя-зано с материалистическими тенденциями в современной архео-логии США и Западной Европы.

тектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. — КСИА, 1962, в. 91.

⁶ Prehistoric Settlement Patterns in the New World. — VFPA, 1956. № 23.

⁷ Settlement Archaeology. Palo Alto, 1968; Trigger B. C. Settlement Archaeology — its Goals and Promise. — AA, 1967, v. 23, № 2.

⁸ Willey G. R. Prehistoric Settlement Patterns in the Viru Valley, Peru. — BAE, 1953, N 155.

⁹ Willey G. R. Settlement Archaeology. An Appraisal. — In: Settlement Archaeology. Palo Alto, 1968, p. 223—224.

¹⁰ Flannery K. V. The Origins of the Village as a Settlement Type in Mesoamerica and the Near East. — MSU, p. 23—53.

Весьма важен вопрос об определении понятия «поселение» на археологических материалах. Сторонники «поселенческой археологии» исходят из общесторической системы, рассматривая поселение как археологический эквивалент социологического понятия «община». Соответственно поселение рассматривается как территория, где члены общины живут, обеспечивают свое существование и осуществляют в течение определенного отрезка времени свои социальные функции. Именно таково определение К. Чанга,¹¹ которое в упрощенном варианте повторяет Р. Трингхэм.¹² Сами по себе справедливые, такие определения, однако, не содержат вещественно ощутимых критериев, необходимых для археологии, в частности, на уровне полевого исследования материалов. Причины данного явления нужно искать в том, что археологи, как справедливо отмечает И. Рауз, в отличие от географов и этнографов имеют дело не с самими поселениями, а с их остатками.¹³ А. Н. Рогачев определяет остатки поселения как «группу одновременных жилищ, часто однотипных, с тождественными культурными остатками, залегающими в одном и том же геологическом слое, и имеющих определенную систему планировки».¹⁴ Кстати, и С. Пиггот использует термин «поселение» для характеристики расположения и общего плана домов.¹⁵

В общеупотребительном смысле в советской археологии понятие «поселение» противопоставляется понятию «стоянка» как временному, обычно сезонному местопребыванию человеческого коллектива. Видимо, такое противопоставление следует сохранить, подчеркнув, что поселению свойственны черты оседлости или долговременного обитания. Поселение не обязательно является соединением нескольких домов, хотя в подавляющем большинстве случаев это именно так. И археологии, и этнографии известны примеры поселений, состоящих из одного большого дома, вмещающего всех членов общины. Таковы дома кельтеминарского неолита в Хорезме,¹⁶ «малоки» охотников и земледельцев бассейна Амазонки, «длинные дома» некоторых папуасских селений.¹⁷

В свете таких соображений поселением в системе понятий археологии следует считать комплекс археологических объектов, расположенных на территории, служившей местом обитания че-

¹¹ Chang K. C. Toward a Science of Prehistoric Society. — In: Settlement Archaeology, p. 3.

¹² Tringham R. Territorial Demarcation of Prehistoric Settlements. — MSU, p. 464.

¹³ Rouse I. Settlement Patterns in Archaeology. — MSU, p. 98.

¹⁴ Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе. М., 1964, с. 9.

¹⁵ Piggott S. Ancient Europe. Edinburgh, 1965, p. 151.

¹⁶ Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, с. 33, сл.

¹⁷ Народы Америки. Т. II. М., 1959, с. 322; Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968, с. 38.

ловческого коллектива в течение более длительного времени, чем один сезон, что находит отражение в мощности и характере культурных напластований в пределах одного стратиграфического слоя и в наличии остатков тех или иных строений. Критерии мощности культурных напластований и их специфика, показательная именно для поселений, будут варьировать для различных культурно-хозяйственных зон и в значительной мере зависят от строительной техники, бывшей в употреблении и дававшей остатки разной степени сохранности.

Следует оговориться, что неправильно относить все места обитания охотничьих коллективов к числу стоянок, поскольку определенные специализированные формы охоты в сочетании с другими хозяйственными укладами создавали все условия для появления оседлых поселений. Интересную разработку остеологических материалов для определения времени обживания поселений предложил С. Бокони, основываясь на возрасте молодых особей и сезоне их появления на свет, хорошо известных зоологам. Соответствующие расчеты позволяют установить, что, например, Тепе-Асиаб в Иране было обитаемо между февралем и апрелем, а также частично между августом и апрелем, тогда как Тепе-Сораб в том же районе служило постоянным поселением.¹⁸ Наличие на загросском Тепе-Гуране костей журавля, гуся и цапли — птиц сезонных миграций — позволяет говорить об обитании этого поселения по крайней мере в зимний период.¹⁹ Взаимное сочетание этих критериев с другими данными бесспорно позволит достаточно точно определять степень оседлости и время обитания.

Изучая поселения, известные по археологическим данным, исследователи, как правило, привлекают материалы этнографии. При строгой системе анализа это необходимо делать для установления принадлежности раскопанных памятников этнографических объектов к одному *общему типу* поселений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким общим типом является, в частности, поселение в виде большого дома, упоминавшегося выше и известного по различным видам источников.

Поселение в целом представляет собой систему сочетания различных компонентов, из которых, учитывая информационные возможности археологических материалов, нам представляется важным выделить следующие: планировка, размеры, «публичные здания», производственные центры и укрепления (рис. 14). Факторы, воздействующие на эти компоненты, могут быть подразделены на природные (экологический фактор) и общественные (экономический, социальный и политический факторы, этническая традиция). В общей форме эти соображения уже высказывались

¹⁸ B ö k ö n i S. Zoological Evidence for Seasonal or Permanent Occupation of Prehistoric Settlements. — MSU, p. 121—126.

¹⁹ M o r t e n s e n P. Seasonal Camps and Early Villages in the Zagros. — MSU, p. 295.

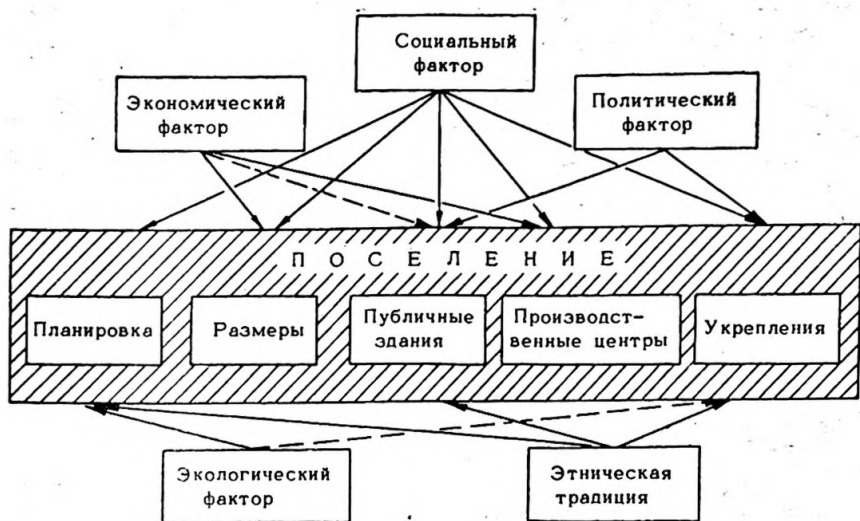

Рис. 14. Факторы, влияющие на формирование поселений.

нами.²⁰ Остановимся теперь на их несколько более развернутой характеристике. Роль экономического фактора сомнений не вызывает. Он воздействует на компоненты поселения либо непосредственно, либо через систему хозяйства, специфика которого во многом определяется экологией. Непосредственно экологический фактор влияет на планировку поселения, обусловленную наличием соответствующего свободного пространства. В Меланезии существование наряду с деревнями расселения отдельными домами объясняется, в частности, лесистым характером местности.²¹ С развитием общества, особенно его производственной мощи, роль экологического фактора изменяется, влияя уже на эстетический характер архитектурных решений. Крупные трипольские поселения расположены на больших плоских равнинах и строились концентрическими кругами,²² тогда как поселения, занимающие, видимо, в целях обороны вершины холмов, лимитированные ограниченной территорией, дают хаотичное расположение домов с зачатками линейно-уличной планировки.²³ Роль экологического фактора сказывается и на характере фортификации. Система экономики связана с размерами поселений через плотность населения в усло-

²⁰ Массон В. М. Первобытные поселения Средней Азии. — УСА, 1972, в. 1; Masson V. M. Prehistoric Settlement Patterns in Soviet Central Asia. — MSU, p. 263.

²¹ Народы Австралии и Океании. М., 1956, с. 415.

²² Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений, с. 132.

²³ Шаглый Н. М. О планировке поздне трипольских поселений Восточной Волны. — КСИАНУ, 1960, в. 9. — Это тип ярко представлен поздне трипольским поселением Брынзены в Северной Молдавии, раскапываемым В. И. Маркевичем.

виях натурального хозяйства. У земледельцев Новой Гвинеи недостаток земли для огородов кладет предел расширению деревни, обычно имеющей 300—350 жителей.²⁴ Низкая плотность населения ограничивает в условиях слабо развитой торговли максимальные пределы поселков. Весьма показательна роль социального фактора, воздействующего на все основные компоненты поселения. Ясно видно, что поселение — это чисто общественное явление, с помощью которого человек утверждается в природной среде и в значительной мере изолирует себя в создаваемом им микромире.

Изучение поселения как целостного организма — важная задача археологии, хотя и требует значительных усилий, направленных на сплошные раскопки соответствующих памятников. Однако все труды полностью окупаются ценностью массовых наблюдений — это показывает опыт раскопок поселений неолитических земледельцев в Средней Азии²⁵ и Чехословакии.²⁶

Следующий уровень исследования — изучение системы поселений²⁷ или, по К. Чангу, макроструктуры²⁸ — еще более трудоемко. Как правило, он осуществляется не на основе сплошных раскопок, а на базе тщательно проработанной археологической карты с применением типологической классификации памятников.²⁹

Остановимся кратко на динамике поселений. Если сами жилища, кратко рассмотренные в предшествующей главе, содержат данные о микроструктурах общественного организма, то поселения как явления следующего иерархического ранга доставляют нам информацию и о более значительных общественных ячейках, и о самом обществе в целом. Происходящие в этом плане изменения могут быть прослежены по трем основным параметрам — по динамике размеров поселений, по изменениям внутренней структуры поселков как простых систем и по переменам в характере организации этих поселков в оазисы или в другие замкнутые группы макросистемы. При этом в динамике развития самих поселений может быть отмечен процесс прогрессирующей систематизации, когда происходит усиление ранее существовавших отношений между отдельными частями и постепенное добавление новых частей. Само развитие древних поселений, ярко представленное археологическими материалами, в свою очередь отражает реальные существенные изменения, происходящие в древних обществах. Древнейшие этапы этой длительной эволюции отлича-

²⁴ Бутников Н. А. Указ. соч., с. 35, 76.

²⁵ Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180.

²⁶ Soudsky B. Bylany. Prague, 1966.

²⁷ Trigger B. C. Determinants of Settlement Patterns. — In: Settlement Archaeology, p. 55.

²⁸ Chang K. C. Op. cit., p. 7.

²⁹ Willey G. R. Prehistoric Settlement Patterns...; Adams R. McC. Land Behind Baghdad. Chicago, 1965.

ются малой сложностью и архаизмом, проявляющимися, в частности, в совпадении таких компонентов, как жилище и поселение.

Считается, что «фактор дома» (home base) является одной из фундаментальных черт, отличающих человека от животного мира, и что такой фактор уже представлен в древнейшей стоянке Олдувей, возраст которой около 2 000 000 лет.³⁰ Имеются сведения о паличи в Олдувее даже кольцевой каменной выкладки (основание хижины). Сезонные ашельские стойбища на юге Франции представляли собой как открытые стоянки, так и относительно благоустроенные хижины в пещерах.³¹ В данном случае жилище и поселение совпадают — численность локальных групп ашельских охотников не превышала 12—25 человек, помещавшихся под одним кровом. Ни о планировке, ни об укреплениях, ни о публичных сооружениях здесь нет и речи. Отсутствуют в пещере и следы производственной деятельности, но обитатели открытых стоянок на морском берегу собирали желваки кремня и изготавливали из них орудия.

Судя по всему, ашельские и мустьерские памятники были связаны с различными формами жизнедеятельности человеческих коллективов. В. П. Любин предлагает среди них выделять мастерские, стоянки-мастерские, временные охотничьи лагеря, пункты кратковременного пребывания охотников с последующей еще более дробной рубрикацией.³² К. Фланнери и Ф. Хоул, опираясь на данные об охотничьих племенах Канады, намечают три типа памятников палеолитических охотников: сезонные основные лагеря (обычно крупные пещеры, где найдено неопределимых обломков костей до 500 на 1 м³ раскопанного грунта), стойбища для разделки мяса (небольшие скальные гроты со 100 обломками костей на 1 м³) и промежуточные стоянки (гроты или навесы, где находили временный приют члены охотничьих экспедиций, подправлявшие свои орудия, а иногда и терявшие их).³³ В базовых лагерях, как правило, отмечены следы очагов, весьма разнообразен набор орудий. В целом подобная классификация выглядит достаточно убедительной.

В Средней Азии к числу основных сезонных лагерей принадлежит Тешик-Таш — обширная пещера с пятью культурными слоями, разделенными стерильными прослойками.³⁴ Вероятно, такой же характер имеют две пещеры в долине р. Чаткал — Ходжикент 2 и Обирахмат. Десятиметровая толща отложений Оби-

³⁰ Isaac G. L. *Studies of Early Culture in East Africa* World. — *Archaeology*, 1969, v. 22, № 1, p. 1—28.

³¹ Lumley H. de. 1) *Les fouilles de Terra Amata á Nice.* — *Bull. du Musée d'anthrop. préhist. du Monaco*, 1966, № 3; 2) *Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret.* Paris, 1969.

³² Любин В. П. *Нижний палеолит.* — В кн.: *Каменный век на территории СССР.* М., 1970, с. 35.

³³ Hole F., Flannery K. V. *The Prehistory of Southwestern Iran.* — *PPS*, 1967, v. 33, p. 162—163.

³⁴ Тешик-Таш. М., 1949.

рахмата подразделяется на 21 слой.³⁵ В этих пещерных поселениях отчетливо выступают экологическая и экономическая доминанты. Человек припимает сравнительно небольшое участие в организации своих мест обитания, максимально используя естественные укрытия. Вместе с тем выбор таких природных убежищ диктуется также социальным фактором — необходимостью вместить всех членов данной локальной группы. Возможно, гrotы в районе Ташкента соответствуют сезонным передвижениям одной такой группы. Стерильные прослойки между культурными слоями Тешик-Таша также указывают на определенные циклы в хозяйственной деятельности бродячих охотников. Вместе с тем пещерным базовым лагерям, видимо, являвшимся центрами охотничьей территории локальной группы, свойственны черты относительной оседлости. В этом отношении их с полным правом можно именовать своеобразными протопоселениями.

О том, что это — явление, носящее повсеместный характер, свидетельствуют раскопки палеолитических стоянок с долговременными жилищами в приледниковой зоне Европы. Сейчас уже открыты такие жилища мустьерского времени,³⁶ но лучше всего изучены верхнепалеолитические памятники.³⁷ Еще на сравнительно ограниченном материале П. П. Ефименко сделал вывод о наличии начиная с эпохи мустье «более или менее долговременно существовавших поселений».³⁸ Новые данные ярко характеризуют эти древнейшие поселения Старого и Нового Света. Долговременность их обитания вычисляется различными способами. Так, на строительство жилища в Межеричах были использованы кости 95 мамонтов. Они, так же как и другие остеологические материалы, позволили И. Г. Пидопличко рассчитать по нормам потребления мяса длительность существования данного поселения — 20 лет.³⁹ Аналогичным образом С. Н. Бибииков вычисляет мясной баланс Мезина за 22—23 года,⁴⁰ хотя по нормам, предлагаемым И. Г. Пидопличко, эта цифра должна быть несколько понижена. Углубленные в землю жилища явно представляли собой места зимнего обитания, тогда как рядом с ними располагались кострища, видимо, отмечавшие месторасположение легких летних жилищ.⁴¹ По мощности накопления лёсса рядом с верхнепалео-

³⁵ Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры гrotа Обирахмат. Ташкент, 1972, с. 7—18.

³⁶ Черныш А. П. Остатки жилища мустьерского времени на Днепре — СЭ, 1960, № 1.

³⁷ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969; Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972; Рогачев А. Н. Палеолитические жилища...

³⁸ Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953, с. 239.

³⁹ Пидопличко И. Г. Указ. соч., с. 154.

⁴⁰ Бибииков С. Н. Указ. соч., с. 15.

⁴¹ Там же, с. 9.

литическими жилищами Г. П. Григорьев также определяет долговременность их обитания, — возможно, несколько десятков лет.⁴²

В планировке верхнепалеолитических поселений не прослеживаются каких-либо строгих закономерностей. Правда, жилища Мезина как будто вытянуты в линию вдоль длинной стороны поселка. Сами поселения были, как правило, невелики, и С. Н. Бибиков не без основания считает, что число жилищ в них не превышало 10.⁴³ Действительно, в Мезине раскопано 5 жилищ,⁴⁴ в типологически близком Мезину Добраничеве — 4 хозяйственно-жилых комплекса,⁴⁵ в Павлове около Брно — 11 жилищ.⁴⁶ Видимо, существовали и поселения, состоявшие из одного жилища. Размеры поселков, надо полагать, лимитировались численностью проживающих в них общин, находившейся в прямой зависимости от величины биомассы данного региона. По этнографическим материалам известно, как легко членятся локальные группы, состоящие из малых семей, в зависимости от складывающейся охотничьей ситуации.⁴⁷ Невелики размеры верхнепалеолитических поселений и в абсолютных цифрах: площадь Мезина — около 1500 м², Добраничева — около 700 м² и лишь для Пржедмоста П. П. Ефименко называет площадь около 1 га,⁴⁸ хотя скорее всего она не была вся обжита одновременно. Производственные центры — площадки для изготовления орудий — на этих поселениях децентрализованы по числу объединенных в них малых семей.⁴⁹ Вместе с тем какие-либо признаки «публичных зданий» или укреплений, во всяком случае в исследованных памятниках, отсутствуют. Возможно, древнейшим прототипом укреплений были каменные кладки, ограждающие вход в пещеру, хотя наиболее ранние достоверные образцы таких сооружений восходят лишь к мезолиту.⁵⁰

Из всего вышесказанного ясно, что уже в период верхнего палеолита социальные и экономические факторы определяли основные структурные черты оседлых поселений охотников. Экологический фактор сказался главным образом на строительной технике, нацеленной на сохранение тепла в суровых климатиче-

⁴² Григорьев Г. П. Указ соч., с. 19.

⁴³ Бибиков С. Н. Указ соч., с. 9.

⁴⁴ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка.

⁴⁵ Шовкопляс И. Г. 1) Исследования Добраничевской стоянки. — АО 1970 г., 1971, с. 229—230; 2) Розкопки Добраничевської стоянки. — Археол. дослідження на Україні в 1969 р., Київ, 1972, в. IV, с. 16.

⁴⁶ Klíma V. Beiträge der neuer paläolithischen Station in Pavlov. — Památky archeol., Praha, 1955, v. 46.

⁴⁷ Маретин Ю. В. Кочевые кубы Восточной Суматры и их место на ступенях эволюции общества. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы, с. 99.

⁴⁸ Ефименко П. П. Указ соч., с. 355.

⁴⁹ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка, с. 276; Бибиков С. Н. Указ соч., с. 11.

⁵⁰ Garrod D., Bate D. The Stone Age of Mount Carmel, Oxford, 1937, p. 13.

ских условиях и оставившей достаточно внушительные сооружения, с успехом интерпретированные археологами. Возможно, определенную роль начинает играть и этническая традиция. В Аносовке II открыты два жилища — круглое из костей мамонта, аносовско-мезинского типа, и длинное, костенковско-авдеевского типа, что может быть трактовано как смена населения разной культурной принадлежности.⁵¹ Все поселение в целом еще П. П. Ефименко рассматривал как место обитания «сплоченной производственной организации первобытной общины».⁵² В настоящее время несомненна терминологическая несостоятельность определения этой общины как родовой, но заменяющий термин не вполне ясен («предродовая община» у Ю. В. Маретина⁵³). Наличие гнезд однотипных памятников, например 4 стоянок в Радомышле в Полесье, расположенных на соседних холмах,⁵⁴ не исключает постановки вопроса о наличии общественных структур, объединяющих несколько общин.

Общество периода верхнего палеолита, судя по остаткам поселений, состояло из небольших, но хозяйственно и социально сплоченных групп, объединяющих малые семьи в локальные охотничьи группы или охотничьи общины. Упрощенная внутренняя структура этих первых поселений, представляющая собой легко варьирующий набор основных элементов (жилищ малых семей), скорее всего соответствует и примитивной организации общества. Отсутствие убедительных данных на уровне макросистем может в равной мере свидетельствовать и о малом значении крупных общественных объединений, и о малом объеме имеющейся информации, требующей и больших масштабов работ, и специализированной методики.

Верхнепалеолитические поселения охотников приледниковой зоны являются одним из значительных достижений эпохи присваивающей экономики. В пору неолита лишь развитие рыболовства как основной отрасли или как составляющего уклада комплексной экономики стимулировало процессы, ведущие к созданию более крупных стационарных населенных центров. Бродячие охотники лесной зоны Евразии в пору мезолита и раннего неолита жили, видимо, в небольших стойбищах площадью 50—200 м², о структуре которых, по имеющимся материалам, судить трудно.⁵⁵ В доколумбовой Америке площадь стойбища в 30 м² обычно соответствовала семейной группе, а площадь в 200—300 м² — локальной группе, состоящей из нескольких семей п

⁵¹ Григорьев Г. П. Указ. соч., с. 18.

⁵² Ефименко П. П. Указ. соч., с. 371.

⁵³ Маретин Ю. В. Указ. соч., с. 104.

⁵⁴ Рогачев А. Н. Значение и роль социальной среды в развитии первобытного общества. — В кн.: Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М., 1969, с. 190.

⁵⁵ Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы, с. 29.

с числом взрослых 20—30 человек. У бушменов группы из 25—30 человек занимали лагерь площадью от 230 до 720 м², а в среднем 400 м².⁵⁶ Величина локальной группы у охотничьих народов — около 25 человек — является почти постоянной и прослежена во многих случаях.⁵⁷ В период развитого и позднего неолита размеры стоянок возрастают, достигая 500—1500 м², хотя сохраняются, особенно в тундре и лесотундре, мелкие стойбища. Памятники, состоящие из полуземлянок со следами долговременного обитания, есть все основания рассматривать как поселения охотников-рыболовов. Их расположение на расстоянии 10 км друг от друга,⁵⁸ вероятно, указывает на размеры охотничьих и рыболовных угодий, принадлежавших населявшим их общинам.

Весьма интересны огромные землянки площадью до 600 м², в которых сосредоточивались все жители поселка. Такие однодомные поселения социологически эквивалентны амазонским «малока». Они известны в Западной Сибири,⁵⁹ но наиболее хорошо, пожалуй, изучены в Средней Азии, где представлены кельтеминарскими домами.⁶⁰ Отметим, что при их социологической интерпретации вопрос о перекрытии, получивший различное толкование,⁶¹ не играет особенно большой роли: при всех вариантах реконструкции площадь пола остается неизменной. Площадь эта весьма велика — 320 м² в Джанбас 4 и 360—380 м² в Кават 7. В центре жилища располагался крупный постоянный очаг, по периферии — многочисленные временные, часто перемещавшиеся кострища и хозяйственные ямы. Расположение обогревательных очагов у входа, видимо, указывает на то, что эти жилища были рассчитаны и на холодное время года. В таких домах-поселениях четко выражен социальный элемент — объединение в одном доме с постоянным центральным очагом всей общины, размеры которой и определяли величину дома. Не исключено, что этот тип поселения, возникнув под влиянием экологических, экономических и социальных факторов, явился в конечном счете и этнической особенностью, характерной для определенного ареала. Недаром, помимо Хорезма, такие поселения встречаются в Западной Сибири, связь неолита которой с кельтеминаром отмечали многие исследователи, хотя и расходились в оценке степени этой связи.⁶²

⁵⁶ Isaac G. L. Traces of Pleistocene Hunters. An East African Example. — In: Man the Hunter. Chicago, 1963, p. 258.

⁵⁷ Birdsell J. B. Some Predictions for the Pleistocene Based on Equilibrium System among Recent Hunter-Gatherers. — Ibid., p. 235; Steward U. H. Causal Factors and Processes in the Evolution of Pre-Farming Societies. — Ibid., p. 331.

⁵⁸ Хлобыстин Л. П. Указ. соч., с. 29.

⁵⁹ Там же, с. 30; История Сибири. Т. I. Л., 1968, с. 97.

⁶⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 59—62; Виноградов А. В. Указ. соч., с. 31—35.

⁶¹ Грязнов М. П. О кельтеминарском доме. — МИА, 1955, № 130.

⁶² Формозов А. А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии. — СА, 1972, № 1, с. 27—31.

Крупные полуземлянки площадью до 200 м² характерны и для оседлых рыболовов и собирателей «даров моря» Дальнего Востока и Сахалина. Однако поселения здесь состояли не из одного, а из нескольких жилищ, в планировке которых не прослеживается какой-либо строгой закономерности, как это видно, например, по неолитическому поселению в устье р. Рудной.⁶³ В Японии, где сходный хозяйственный уклад достиг, пожалуй, наибольшей эффективности, оседлые поселения появляются еще в VII тыс. до н. э., но размеры их были невелики.⁶⁴ Хотя отсутствие на поселениях оседлых рыболовов укреплений, быть может, объясняется и недостаточной степенью их изученности, отсутствие «публичных зданий» как будто не вызывает сомнений.

Системы поселений этого уровня развития общества почти не изучались. Обычно при наличии групп памятников предполагается, что это либо разновременные, либо разносезонные стоянки. Вместе с тем комплексные работы Р. Мак-Нейша на памятниках X—IV тыс. до н. э. в Техуакане показали реальные возможности реконструкции сезонных циклов локальных групп, перемещавшихся по различным стойбищам — с открытых стоянок в пещеры и обратно.⁶⁵

Таким образом, хотя развитие строительной техники позволило обществам развитых охотников, рыболовов и собирателей сооружать достаточно внушительные жилища, сами структурные изменения по сравнению с постройками верхнепалеолитической эпохи не столь уж существенны, во всяком случае в тех материалах, которые отражают динамику древних поселений. Ограниченная производственная, точнее — собственно продовольственная, база в условиях слабого развития транспортных коммуникаций при любых формах специализации существенно ограничивала размеры поселков. По существу они не выходят за пределы, достигнутые в эпоху верхнего палеолита. Достаточно проста и внутренняя организация поселений, хотя наличие огромных домов-поселений скорее всего и свидетельствует об усилении внутриобщинных связей. Отношения на уровне макросистемы, в той мере, в какой они выявлены работами Р. Мак-Нейша, больше говорят о сезонных циклах одной общественной единицы, локализуемой в пределах поселения, чем о формировании устойчивых, крупных общественных организаций.

В ряде отношений более прогрессивными оказываются племена охотников и собирателей Ближнего Востока X—VIII тыс. до н. э., тоже практиковавшие при благоприятных природных условиях рыбную ловлю. Таковы прежде всего ставшие известными

⁶³ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 48.

⁶⁴ Watson W. Neolithic Settlement in East Asia. — MSU, p. 333.

⁶⁵ Environmental Subsistence. The Prehistory of the Tehuacan Valley. V. 2. Texas, 1967; Mc Neish R. S. The Evolution of Community Patterns in the Tehuacan Valley. — MSU, p. 67—78.

в последние годы племена натuffийской культуры. Их поселения, обычно небольшие по площади — от 500 до 2000 м², состоят из скоплений овальных в плане полуземлянок, от которых чаще всего сохраняется выложенное камнем основание.⁶⁶ На одном из этих поселений — Эйнане — имеются остатки крупного строения, площадь которого достигала 64 м², вдвое превосходя размеры самого крупного жилища. Не приходится сомневаться, что это остатки сооружения, несущего особые функции, объединяющие интересы всей общины, проживавшей в данном поселке. К. Фланнери по африканским аналогиям предлагает считать его домом для гостей.⁶⁷ То, что мы знаем о структуре оседлых поселков, заставляет скорее ожидать здесь нечто вроде места общих собраний или святилища. В Бейде рядом с жилыми строениями отмечено необычное сооружение, условно считаемое святилищем. Как бы то ни было, на поселениях появляется общий центр, символизирующий сплочение его обитателей в единый организм. Такое крупное «публичное здание» обнаружено и на поселении Мурейбит в Сирии, в слое, датированном концом IX тыс. до н. э. и представляющем культуру, совершенно отличную от натuffа.⁶⁸ Таким образом, перед нами не случайное единичное явление, а явление, характерное для Ближнего Востока той эпохи, когда создавались предпосылки для перехода к оседлой земледельческо-скотоводческой экономике.

Переход к земледелию и скотоводству был коренным экономическим скачком в истории общества, который, с нашей точки зрения, достаточно справедливо трактуется как неолитическая, или земледельческая, революция. Перемены, происшедшие почти во всех сферах общества, ярко сказались и на облике поселений. Утверждение земледелия в качестве одной из основ экономики явилось стимулом к установлению прочной оседлости, основанию поселков многолетнего, а порой практически непрерывного обитания как основного вида расселения. Теперь из числа факторов, влияющих на характер поселений, на первый план все отчетливее выступает социально-экономическая доминанта.

Уже этнографические материалы, характеризующие земледельческие поселки того уровня развития, который археологи обычно относят к раннеземледельческой эпохе, достаточно определенно фиксируют их специфические, наиболее часто повторяющиеся черты. Это появление укреплений и «публичных зданий», первоначально принадлежащих всей общине в целом,

⁶⁶ Perrot J. Le gisement Natufien de Mallaha (Eynan). — *L'anthropologie*, 1970, v. 70, p. 437—484; Stekelis M., Yizraely T. Excavations at Nahal Oren. — *IEJ*, 1963, v. 13, № 1, p. 1—12; Kirkbride D. 1) Beidha 1965: a Interim Report. — *Palestine Explorations Quarterly*, 1967, jan. — march, p. 5—13; 2) Beidha 1967: a Interim Report. — *Ibid.*, 1968, may—oct., p. 91—96.

⁶⁷ Flannery K. V. *Op. cit.*, p. 33.

⁶⁸ Loon M. van. The Oriental Institute Excavations at Mureybit, Syria. — *JNES*, 1968, v. 27, № 4.

а затем и домов вождей, часто интегрирующих эти общественные функции. Хотя укрепление поселений отмечается иногда и для обществ развитых охотников-рыболовов, наиболее характерно оно именно для оседлых земледельцев. Накопление богатств, сплошное освоение территорий, пригодных для практикуемых способов получения пищи, переводят потенциальную враждебность и отчужденность первобытных племен на уровень вооруженных столкновений, приобретающих порой регулярный характер. Хорошо известно, что именно такая политическая ситуация стимулировала развитие укреплений у прокезов. У маори незащищенные деревни — кайнга — более характерны для периода первоначального освоения Новой Зеландии — XIV—XV вв. Позднее их сменяют поселения, укрепленные рвом или оградой.⁶⁹ Не менее показательны и наличие общественных строений. У папуасов Новой Гвинеи это был «мужской дом» — иногда один на весь поселок, иногда расположенный в каждом квартале, на которые делился поселок. Обычно он занимал и доминирующее место в планировочном отношении.⁷⁰ Дома у маори группировались по одну сторону центральной площади, тогда как по другую стояли дом вождя и дом собраний.⁷¹ У оседлых земледельцев Меланезии роль клубных домов иногда играли большие строения, в которых хранились общинные лодки. Там же выделяются и высокие дома вождей, определявшие архитектурный облик поселка и нередко служившие местом общих собраний.⁷² Эта особенность обуславливалась тем обстоятельством, что земледельческая община все в большей мере осознавала себя как коллектив, осуществление основной хозяйственной функции которого было возможно лишь в результате общих усилий. Все более заметную роль играла и утверждающаяся социальная стратификация общества, имеющая отчетливую тенденцию перерастания в имущественную дифференциацию.

Из числа древнейших земледельческих поселений, изучавшихся археологами, сравнительно полно исследованы памятники джейтунской культуры VI тыс. до н. э. на юго-западе Средней Азии. Здесь, как и в других областях аридной зоны, земледелие зависело от искусственного орошения тех или иных форм, и поэтому комплекс оседлости приобрел особую устойчивость. Люди тысячелетиями жили на одном и том же месте, и руины оставленных ими домов, строившихся один над другим, нередко достигают высоты в несколько десятков метров. Эти признаки устойчивой оседлости проявились уже в джейтунских памятниках. К раннему этапу джейтунской культуры относится само поселение Джейтун, состоявшее из 30 жилых домов и примыкающих

⁶⁹ Народы Австралии и Океании, с. 94.

⁷⁰ Б у т и н о в Н. А. Указ. соч., с. 38—39.

⁷¹ Народы Австралии и Океании, с. 695.

⁷² Там же, с. 420.

к ним хозяйственных строений и дворов.⁷³ Расположение домов носит стихийно-хаотический характер, общая площадь и центральный дом-святилище не выделяются. На среднем этапе джейтунской культуры ядром поселения становится, как показывают раскопки Песседжик-Депе, святилище или дом собраний, идентичный по плану жилым домам, но вдвое превосходящий их по площади и с интерьером, украшенным полихромными фресками.⁷⁴ Однако несколько хаотичное расположение жилых домов сохраняется. Этот принцип планировки сохранен и позднейшими поселениями, где наиболее крупный дом расположен в центре и, видимо, совмещал функции святилища и места общих собраний.⁷⁵

Размеры джейтунских поселков невелики — от 0.5 до 2 га, что, вероятно, отражает лишь постепенный рост населения по сравнению с доземледельческой эпохой. Четко выступает роль социального фактора — и в величине исходной планировочной единицы, рассчитанной на основную ячейку общества, малую семью, и в появлении центрального сооружения, символа общих дел и единства земледельческой общины. Вместе с тем специальные оборонительные сооружения здесь отсутствуют. Край поселения отмечен утолщенными стенами жилых и хозяйственных строений. Возможно, в условиях замкнутой этнической общности, которую представляли собой джейтунские племена, роль политического фактора, влияющего на развитие фортификации, была минимальной.

В Передней Азии, где уже материалы эпохи палеолита свидетельствуют о чересполосном сосуществовании разнокультурных групп населения, раннеземледельческие поселки почти с самого начала ограждены массивными обводными стенами. Так, стена Иерихона VIII—VII тыс. до н. э. сложена из бутового камня и имеет толщину более 1.5 м,⁷⁶ стена Хаджилара первой половины V тыс. до н. э. сложена из сырцового кирпича, имеет толщину 2 м и сохранилась на такую же высоту.⁷⁷ Ров и вал окружали месопотамский Телль эс-Савван VI тыс. до н. э. Эта особенность — укрепление поселения стеной, рвом или частоколом — характерна для многих раннеземледельческих культур. В Китае яншаоское поселение Бань-По окружено рвом глубиной и шириной 5—6 м.⁷⁸ Валы и рвы открыты и на трипольских поселениях. Нельзя исключить, что некоторые обводы у племен с развитым

⁷³ Массон В. М. Поселение Джейтун, с. 104—107.

⁷⁴ Бердыев О. К. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений. — КД, 1970, в. III.

⁷⁵ Бердыев О. К. Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.

⁷⁶ Kenyon K. Earliest Jericho. — *Antiquity*, 1959, v. 34, № 129.

⁷⁷ Mellart J. Excavations at Hacilar. — *AS*, 1960, v. X, p. 86.

⁷⁸ Chang K. The Archaeology of Ancient China. New Haven—London, 1971, p. 97.

скотоводством играли роль огады крааля,⁷⁹ но едва ли такое объяснение может быть всеобщим. Интересно отметить, что на раннеземледельческих поселениях Европы укрепления появляются не сразу, а лишь спустя полторы тысячи лет после первого земледельческого освоения материка.⁸⁰ Вероятно, здесь действовали те же факторы, что и в маорийской Новой Зеландии.

Постепенно характерной чертой поселений становится и наличие производственных центров. На Джейтуне, так же как на верхнепалеолитическом Мезине, домашние производства рассредоточены по малым семьям, чему соответствует и их территориальная децентрализация на площади поселка. Однако вскоре выделяются особые участки поселка, где либо сосредоточиваются общие хранилища, либо концентрируются отдельные виды производств. Общинные хранилища обнаружены на хассунском поселении Ярым-Тепе I.⁸¹ В халафском поселке Ярым-Тепе, в северо-восточной его части, располагалась компактно группа печей,⁸² свидетельствуя о концентрации производства. Особый участок занимали гончарные печи и на яншаоском Бань-По. В обоих названных поселках имеется и крупное общественное здание-святилище⁸³ или место общих собраний.⁸⁴ Есть такое здание и на поселении неолитических земледельцев в Моравии — Билани, где его также выделяют размеры, намного большие, чем самые крупные жилые дома.⁸⁵ Не исключено влияние на раннеземледельческие поселения и этнического фактора. Так, для всех джейтунских поселков характерна хаотическая планировка, образованная небольшими домами, тогда как в стадиально и хронологически близких памятниках Анатолии застройка осуществлена массивными многокомнатными блоками.

В ходе дальнейшей эволюции происходит количественный рост почти всех основных составных компонентов раннеземледельческих поселков. Вариабельность их размеров, планировки, различные сочетания составляющих элементов естественным образом ставят вопрос о классификации или типологии самих поселений. Весьма дробная система была предложена американскими исследователями, опирающимися на материалы Перу.⁸⁶ Помимо чисто количественных критериев, они стараются учитывать наличие или отсутствие в окрестностях поселка отдельных строений (соответственно хоризм и ахоризм). В целом класси-

⁷⁹ Tringham R. Op. cit., p. 468.

⁸⁰ Ibid., p. 466.

⁸¹ Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. — СА, 1971, № 2, с. 151.

⁸² Там же, с. 165.

⁸³ Там же, с. 165—166.

⁸⁴ The Neolithic Village at Pan Po, Sian. Peking, 1963, p. 307.

⁸⁵ Soudsy B., Paulu I. The Linear Pottery Culture Settlement Patterns of Central Europe. — MSU, p. 313.

⁸⁶ Rowe H. Urban Settlements in Ancient Peru. — Nawpa Pacha, 1963, v. I, № 3; Lanning E. P. Peru before the Incas. New Jersey, 1967, p. 32—37.

фикация эта выглядит следующим образом: 1) сезонный лагерь — временная стоянка, менее 100 человек; 2) отдельный крестьянский дом; 3) усадьба — постоянное поселение, ахорическое, неспециализированное, менее 100 человек; 4) деревня — постоянное поселение, менее 1000 человек; 5) городок (town), от 1000 до 5000 человек; 6) город (city), более 5000 человек; 7) разбросанное поселение — некомпактное, децентрализованное, более 1000 человек; 8) отдельная пирамида или храм; 9) церемониальный центр.

Возможно, удобная для учета перуанских памятников, эта классификация, конечно, не может претендовать на всеохватывающий характер. Так, например, в Средней Азии да и на всем Ближнем Востоке обычное разрушение объектов вне центрального холма (тегги) заставит считать все эти поселения архаичными, что едва ли было бы справедливым. Однако сам по себе количественный критерий — по числу жителей — заслуживает внимания. По существу уже Г. Чайлд предложил считать городами поселения с количеством жителей более 5000 человек. Целый ряд методических приемов позволяет рассчитать население древних поселков, особенно если они раскопаны в значительной степени или, что разумее, предпочтительнее, целиком. С этой точки зрения показатель в 1000 человек для разделения рядовых поселений и крупных центров представляется достаточно удобным. Среди древнейших оседлоземледельческих поселений таким крупным центром бесспорно был Чатал-Гуюк площадью 12 га. Численность его населения при различных способах подсчета колеблется в пределах от 1500 до 5500 человек.⁸⁷ Не приходится сомневаться в главенствующем, своего рода столичном положении Чатал-Гуюка на Конийской равнине — он занимал высшее положение в иерархии земледельческих деревень. Хотя сам Д. Мелларт упорно пытается видеть в раскапывавшемся им Чатал-Гуюке черты урбанизации,⁸⁸ скорее всего дело заключается в высоком плодородии этого региона, допускавшем большую плотность населения. Изучение соответствующих данных на современных материалах⁸⁹ подтверждает это мнение. Этот ранний феномен был единичным и, видимо, нехарактерным для своей эпохи. Лишь с постепенным прогрессом земледелия, позволяющим повысить критическую точку плотности населения, крупные центры становятся типичным элементом в обществе оседлых земледельцев аридной зоны.

Типологическое подразделение оседлоземледельческих поселков на основе археологических критериев имеет широкое распростра-

⁸⁷ Childe H. G. The Urban Revolution. — Town Planning Review, 1950, v. 21.

⁸⁸ Mellaart J. 1) Catal Hüyük A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967; 2) Anatolian Neolithic Settlement Patterns. — MSU, p. 283—284.

⁸⁹ Allan V. Ecology, Techniques and Settlement Patterns. — MSU, p. 214—215.

нение в практике археологических исследований. Р. Адамс выразил мнение, что иерархия размеров поселков может быть связана с установлением их специализированных хозяйственных, религиозных или административных функций.⁹⁰ Во всяком случае такая типология в пределах конкретных культурных общностей является и наиболее перспективной в методическом плане, и достаточно обоснованной методологически, поскольку такой подход позволяет реализовать стремление к конкретному историзму.

На юго-западе Средней Азии в IV тыс. до н. э. небольшие поселения явно продолжают основные традиции джейтунского неолита. Они состоят из небольших однокомнатных домов хаотической застройки с крупным центральным домом — предположительным местом общих собраний. Правда, постепенно отмечается тенденция к объединению отдельных строений в многокомнатные массивы. Для поселков восточной группы особенно характерны небольшие размеры, наличие крупного общего дома-святилища в центре и обводной стены полуметровой толщины, выложенной из сырцового кирпича.⁹¹ Вместе с тем в это время складываются и значительные центры: Геоксюр площадью 12 га, Кара-Депе площадью 15 га и Намазга-Депе, где, судя по шурфам, уже в раннем энеолите обжитая площадь была не меньше. Плотность застройки вскрытых участков Кара-Депе свидетельствует, что в нем жило более 100 человек, а многокомнатные дома указывают на большесемейную общину как на основную структурную ячейку. Новым организующим элементом является наличие на поселении значительного незастроенного участка — своеобразной площади, на которую выходили узкие улицы, разделявшие многокомнатные дома-массивы.⁹² Имеются здесь и святилище, аналогичное по исходному плану святилищам мелких поселений,⁹³ и примыкающие к нему общественные хранилища. Открытым, правда, остается вопрос о производственных центрах. На Геоксюре печи для обжига керамики не образуют гнезд сосредоточения,⁹⁴ но на Алтын-Депе, которое к концу IV—началу II тыс. до н. э. также становится крупным поселением, гончарный центр уже традиционно располагается на северо-восточной окраине.⁹⁵ Система поселений этого времени отчетливо прослеживается по материалам Геоксюрского оазиса, где полностью сохранились все памятники пяти тысячелетней давности. Крупный центр — Геоксюр сосуществовал с шестью другими мелкими поселками, которые скорее всего занимали

⁹⁰ Adams R. McC., Nissen I. *The Uruk Countryside*. Chicago—London, 1972, p. 18.

⁹¹ Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, с. 73—85.

⁹² Массон В. М. Кара-Депе у Артыка. — ТЮТАКЭ, 1960, т. X, с. 348.

⁹³ Хлопин И. Н. Теменос Кара-Депе. — СА, 1971, № 3.

⁹⁴ Сарияниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. — САИ, 1965, БЗ—8, ч. IV, с. 11.

⁹⁵ Массон В. М. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-Депе. — АО 1970 г., 1971, с. 429.

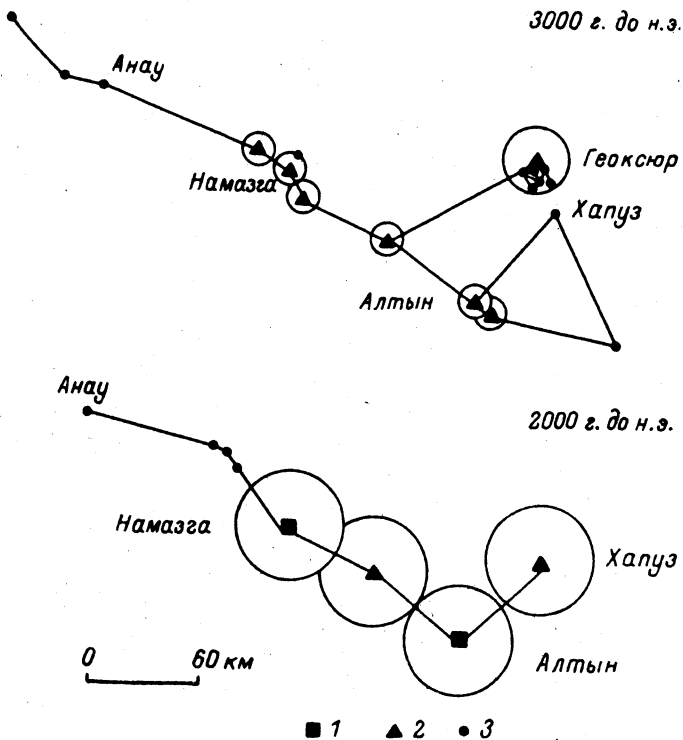

Рис. 15. Раннеземледельческие поселения Южной Туркмении около 3000 и 2000 гг. до н. э.

1 — городские; 2 — крупные; 3 — мелкие.

по отношению к нему подчиненное положение (рис. 15). Такая оазисная форма расселения с крупным центром и с соподчиненными поселками была высшей структурной единицей в раннеземледельческих обществах. Если рассматривать крупное поселение как сумму большесемейных общин, своего рода прототип городской общины, то группа поселений с трехчленной или двухчленной иерархией должна соответствовать более крупному общественному объединению, возможно, племенному.

Закономерным звеном в цепи происходящих изменений явилось возникновение поселений качественно нового типа, именуемых городами. Р. Адамс справедливо отмечал, что в признаках города, предлагавшихся Г. Чайлдом, смешаны явления первичные и второстепенные.⁹⁶ Ряд исследователей предлагал использовать в качестве признаков городской цивилизации следующую триаду: поселения с более 5000 жителями, письменность и монументальные

⁹⁶ Adams R. McC. The Evolution of Urban Society. Chicago, 1966, p. 11.

культурные центры.⁹⁷ Близкая триада может быть использована и для определения собственно городов: население более 5000 человек, монументальная архитектура, светская или религиозная, центры ремесленных производств. Разумеется, это чисто внешние признаки, удобные при археологическом изучении соответствующих памятников. Вместе с тем эти признаки отражают структурные изменения, происходящие в связи с развитием новых функций поселений, определяющих их переход на новую качественную ступень. За этими внешними, частично производными критериями скрываются такие коренные перемены, как отделение ремесла от земледелия в форме появления не отдельных профессионалов, а целых сословий и мастерских, развитие торговли, сменившей первобытный обмен, и социальная дифференциация общества, проявляющаяся в обособлении светской и жреческой верхушки. Если рассматривать составляющие компоненты поселения, то в городах по сравнению с рядовыми поселками увеличиваются общие размеры и размеры производственных центров (количественные изменения). «Публичные здания» теперь представлены монументальной архитектурой, а укрепления мощной фортификацией (качественные изменения). Впрочем, последний компонент, как и прежде, в значительной мере определялся политической ситуацией.

Изменения, происходящие в южнотуркменистанском регионе, отмечаются уже на уровне макросистемы — в иерархии поселений, которая теперь становится трехчленной. Наряду с традиционными небольшими поселками раннеземледельческих общин площадью 1—1.5 га и появившимися в пору энеолита крупными поселениями площадью 10—15 га теперь возникают своего рода суперцентры, оглощающие жителей близлежащих населенных пунктов. Для айона Урука начала III тыс. до н. э. Р. Адамс также усматривает трехчленную группировку древних поселений: селения — 0.1—6 га, городки — 6—25 га и городские центры — более 50 га.⁹⁸ Типология, предложенная для поселений Диалы того же времени, более сложна. Здесь исследователи выделяют усадьбы размером менее 0.1 га, селения — от 1 до 3 га, большие селения от 3 до 5 га, городки от 6 до 15 га и большие города площадью более 15 га.⁹⁹ Для южнотуркменистанского региона как конкретно-исторического явления более правильной представляется пока трехчленная группировка поселений. Носителем структурных изменений в поселении как в системе в данном случае является представитель вершины иерархической пирамиды — городской

⁹⁷ City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East. Chicago, 1960, p. 397—403; Daniel G. The First Civilizations. London, 1968, p. 25.

⁹⁸ Adams R. McC., Nissen H. J. The Uruk Countryside, p. 18.

⁹⁹ Johnson C. A. A Test of Utility of Central Place Theory in Archaeology. — MSU, p. 772.

центр, в Южном Туркменистане лучше всего известный по раскопкам Алтын-Депе.¹⁰⁰ Размеры оплывших руин этого поселения, достигающие 46 га, при любых формах расчета дают число жителей, превышающее предложенную выше цифру. Имеется на Алтын-Депе и монументальная архитектура — культовый комплекс около 55 м по фронту, где центральное место занимал четырехступенчатый зиккурат 20-метровой высоты. Выделение ремесел закреплено здесь территориальным обособлением: керамисты с двухъярусными горнами занимают в основном квартал площадью около 2 га. Систематические раскопки поселения позволили поставить вопрос о социальной стратификации его населения.¹⁰¹ Для этой цели могут быть использованы данные о планировочной структуре жилых строений, характере погребального инвентаря в коллективных гробницах и составе употребляемых в пищу животных. На основании этих видов источников выделяются по крайней мере три группы населения Алтын-Депе (рис. 16). Первая группа заселяла крупные обособленные дома с четкой внутренней планировкой и с обширными хозяйственными дворами («дом вождя» на раскопе 9 и «дом жреца» на раскопе 7). В пищу здесь шли почти исключительно домашние животные, в основном бараны. Около этих домов располагаются погребальные камеры с наиболее обильным и разнообразным инвентарем (наборные пояса из бус у женщин, печати, статуэтки). Вероятно, первая группа — светская и духовная аристократия («дом жреца» расположен за фасадом культового центра). Представители второй группы обитали в домах, имеющих хозяйственный двор и кухню, но значительно меньших размеров. Дома эти не образуют отдельных замкнутых блоков, как дома первой группы, а являются частью кварталов, ограниченных узкими улочками. Количество шедших в пищу диких животных незначительно, а среди домашних предпочтение отдавалось козе. Коллективные гробницы по составу инвентаря мало уступают мавзолеям первой группы. Второй слой населения Алтын-Депе, видимо, составляли зажиточные горожане, владельцы стад (и земельных паделов?). Обращает на себя внимание незначительная разница в погребальном инвентаре захоронений первой и второй групп населения, что может указывать на неразвитость имущественной дифференциации, еще не достигшей уровня классового антагонизма. Третья группа занимала многокомнатные дома-массивы «холма ремесленников», состоявшие из нескольких жилых ячеек малых семей с общим хозяйственным двором и кухней. По своей планировке эти дома прямо продолжают традицию домов большесемейных общин позднего энеолита, раскапывав-

¹⁰⁰ Массон В. М. 1) Протогородская культура юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3; 2) Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г. Ашхабад, 1970.

¹⁰¹ Массон В. М. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-Депе. — АО 1971 г., 1972. См. также настоящ. изд., с. 121.

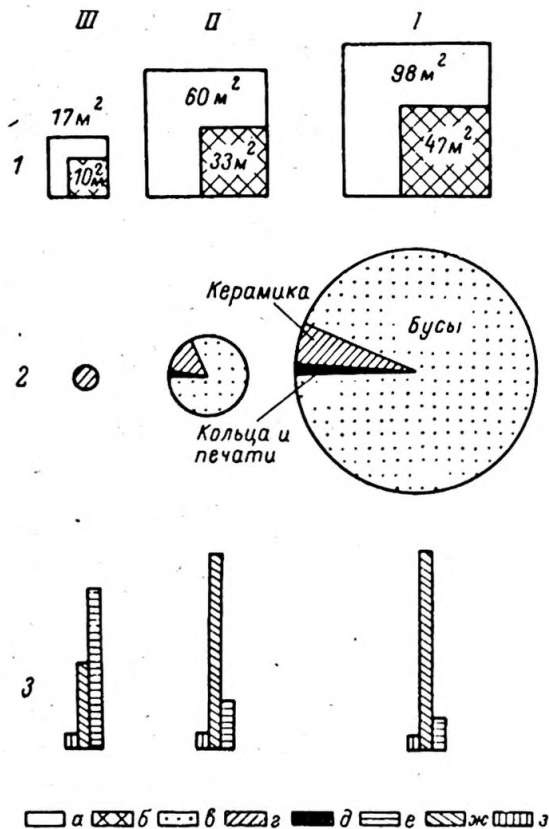

Рис. 16. Выделение социальных групп населения Алтын-Депе (I—III) по площади жилых домов (1), погребальному инвентарю (2) и составу мясной пищи (3).

a — общая площадь дома; *b* — жилая часть дома; *в* — бусы; *г* — сосуды; *д* — кольца и печати; *e* — дикие животные; *ж* — мелкий рогатый скот; *з* — крупный рогатый скот.

шихся на Геоксюре и Кара-Депе. Коллективные гробницы исключительно бедны — бусы, печати и статуэтки в них отсутствуют. Среди остеологических материалов более половины составляют кости диких животных — кулана, безоарового козла и джейрана. Возможно, ремесленники-гончары не обладали крупными стадами или не имели их вообще и вынуждены были восполнять свой мясной рацион охотой.

Таким образом, Алтын-Депе выступает не просто как сумма большесемейных общин, в результате соединения которых получился центр с многотысячным населением, а как поселение со

сложной внутренней структурой, с явлениями прогрессирующей систематизации, нашедшей выражение в появлении элементов, связанных с развитием функций экономического центра и идеологического лидерства. Эти внутренние, структурные изменения наряду с количественным ростом и изменениями в макроструктуре — типа организации групп поселений — отражают процесс формирования раннеклассового общества и городской цивилизации. Указанные черты наиболее ярко и отчетливо проявляются именно на крупном центре, становящемся символом новой эпохи, тогда как небольшие поселки земледельческих общин практически не меняют своей традиционной структуры.

Среднеазиатское Алтын-Депе представляет собой лишь один из примеров формирующегося города древневосточного типа. В настоящее время можно считать, что во второй половине III—II тыс. до н. э. между Месопотамией и Индией лежала обширная зона городских цивилизаций второго порядка, с целым рядом культурных провинций, со своими локальными центрами.¹⁰² Таким центром Сеистана было городище Шахри-Сохте площадью около 90 га — в нем открыты монументальная архитектура и квартал гончаров.¹⁰³ Правда, не следует забывать, что приведенные примеры заимствованы из областей, где орошаемое земледелие способствовало повышению плотности населения и соответственно сложению достаточно крупных центров. В этом отношении обращают на себя внимание небольшие размеры населенных центров Малой Азии и эгейского мира эпохи бронзы. Площадь Трои, Дориона, Терми, Полиохии составляет всего 1—2 га, хотя внушительная фортификация, развитая торговля, массивные здания светской архитектуры, казалось бы, заставляют относить их к числу городов. Недаром некоторые исследователи считают даже возможным говорить о двух типах городов эгейского мира — крупных центрах политической власти и экономического производства (Микены, Пилос) и небольших городках или поселениях городского типа с развитым ремеслом.¹⁰⁴ Следует полагать, что сравнительно низкая плотность населения в условиях неорошаемого земледелия средиземноморского типа обусловила ограниченную величину и городских центров. Функции этих поселений как производственных, идеологических, культурных и организационных центров определяли их специфическое положение в общественной системе именно как городов. Развитая

¹⁰² Массон В. М. Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией. — В кн.: Тез. докл. на заседаниях, посв. итогам полевых исслед. 1969 г. М., 1970, с. 63—66.

¹⁰³ Tozi M. 1) Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the First Campaign. — East and West, 1968, v. 18, № 1—2; 2) Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign. — Ibid., 1969, v. 19, № 3—4; Тоци М. Сеистан в бронзовом веке — раскопки в Шахри-Сохте. — СА, 1971, № 3.

¹⁰⁴ Блаватская Т. Ахейская Греция. М., 1966, с. 117.

торговля с накоплением богатств, сопутствующие ей грабежи и традиционное для этого региона пиратство были теми факторами, которые стимулировали и интенсивное развитие фортификации.¹⁰⁵ Сформировавшиеся города представляли собой качественно новое явление и в истории общества, и в системе поселений, как бы подводящее итоговую черту под многотысячелетним развитием первобытнообщинной формации.

¹⁰⁵ D o u m a s Ch. Early Bronze Age Settlement Patterns in the Cyclades. — MSU, p. 228—229; R e n f r e w C. Patterns of Population Growth in the Prehistoric Aegean. — MSU, p. 390, 391.

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ
И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ**

Погребения и могильники являются важнейшим, а для ряда культур и регионов основным археологическим источником, используемым при изучении древней истории. Поэтому особенно важно правильное методологическое определение интерпретационных возможностей этого источника и разработка четких методических приемов обработки соответствующей информации. Для установления процедуры исследования необходимо представить в общем виде прохождение информационного потока от исторического явления, подлежащего реконструкции, до археологических объектов, с которыми обычно имеют дело сами археологи. Два важнейших фактора — этнические особенности и общественные отношения — воздействуют на формирование идеологических представлений (рис. 17). В свою очередь через идеологию происходит формирование традиций погребальных ритуалов, от которых в археологической практике сохраняются такие вещественные явления, как способ погребения, могильное устройство, погребальный инвентарь, а также остатки тризн и жертвоприношений.

При социологических реконструкциях необходимо прежде всего детальное восстановление погребального обряда. В СССР блестящим образцом подобного изучения с использованием всех возможностей археологии являются работы М. П. Грязнова.¹ На основе такого восстановления можно наметить и характерные черты погребального обряда у тех племен и народностей, чьи памятники стали предметом исследования. Весьма сложным и ответственным этапом в процедуре исследования является реконструкция идеологических представлений в той мере, в какой это необходимо для правильного понимания погребальных обрядов. Как свидетельствуют данные этнографии, у первобытных народов смерть часто рассматривается не как конец жизни, а как одно из явлений на жизненном пути, и в таком случае погребальные обряды, сопутствуя переходу человека из одного состояния в другое, по принципиальной значимости близки обрядам, сопровож-

¹ Грязнов М. П. 1) История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА, 1956, № 48; 2) Памятка по раскопкам грунтовых могильников. Л., 1961.

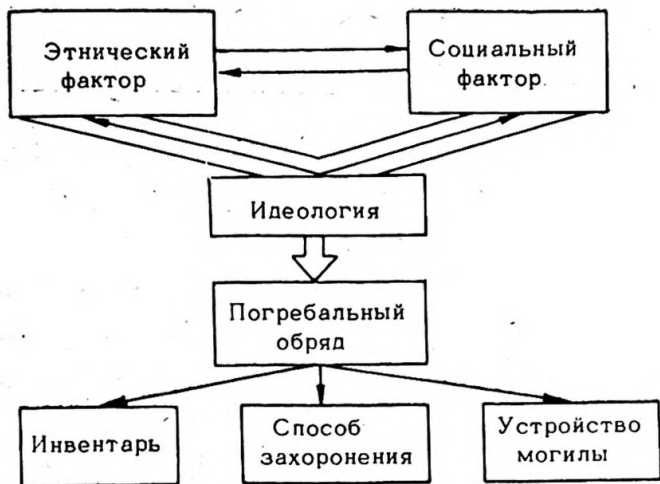

Рис. 17. Схема отражения различных факторов в погребальном обряде.

дающим рождение, инициации или женитьбу.² Весьма важен для этого этапа исследования состав погребального инвентаря. Как известно, наиболее широко распространены представления о необходимости в загробном мире тех же предметов и вещей, которые служили усопшему на земле. Так, у австралийцев в могилу помещались орудия труда и оружие, находившиеся в личной собственности.³ В Патагонии вместе с умершим хоронили его оружие, украшения, животных, чтобы все это служило ему в «стране лаженства». Этот обычай, в частности, затруднял накопление имущества.⁴ Интересно, что Страбон писал о жителях Кавказа: «Вместе с покойником погребают и все его имущество, и поэтому живут в бедности, лишённые отцовского достояния».⁵ При этом часто имеется в виду, что покойнику будут служить не вещи, а «души предметов», их призрачные образы, тогда как сами объекты могут гнить в земле или сгорать в пламени погребального костра, если характер погребального обряда предусматривал по-смертную кремацию.⁶ С другой стороны, обнаружены случаи и жертвоприношения еды или питья как части погребальной тризны либо как проявление заботы об усопшем, его задабривании и умиротворении. Естественно, что то или иное решение вопроса на основе состава инвентаря будет иметь существенное значение для последующих построений.

² Wedgwood C. H. Death and Social Status in Melanesia. — J. of the Royal Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland, 1927, v. LVIII, p. 378; Hertz R. Death and the Right Hand. Glencoe, 1960, p. 86.

³ Народы Австралии и Океании. М., 1956, с. 184.

⁴ Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 286.

⁵ Страбон, XI, 4, 8.

⁶ Тейлор Э. Указ. соч., с. 291, 294.

Через посредство такого корректирующего этапа, как идеологические представления, этнографический и социальный факторы отражаются в погребальном ритуале. Наличие соответствующей информации подтверждается как данными этнографии, так и сведениями письменных источников. В Меланезии связь погребальных обрядов с социальным положением усопшего достаточно определена.⁷ Так, вождь нередко погребался в каноэ с проделанными в днище отверстиями («душа каноэ!»), тогда как рядовые члены хоронились в могилах, обложенных досками. Различия часто устанавливаются по масштабам погребальных церемоний, в частности по высоте погребального костра. Весьма интересна обрядовая дифференциация, при которой рядовые общинники, обернутые в циновки, погребались за рифами, а вожди и богатые люди хоронились в земле с последующей эксгумацией черепов. В Меланезии мумификация считалась почетным способом и применялась обычно к вождям и выдающимся людям. У древних майя такую же роль играла кремация.⁸ Отмечены и различия в локализации могил, когда знатных людей погребали в специальных оградах. Нередко даже загробные миры знати и простых смертных представлялись в различном виде. В Полинезии, например, существовала вера в то, что души рядовых людей идут в подводное царство, а души вождей на небо.⁹

В развитых обществах, где социальная дифференциация закрепляется кастовой кодификацией, взаимоотношение между общественным положением усопшего и погребальным ритуалом приобретает характер жесткой связи. Так, в «Гуанцзы» указывается, что «после смерти есть установления их внутреннего и внешнего гроба, савана и головной накидки, могильной ямы и надмогильного холма».¹⁰ В Китае ханьского времени размеры насыпей нормировались законодательством с четкими цифровыми критериями. Члены императорской фамилии могли иметь курган высотой более 12,8 м, высшая знать (чхоу) — высотой до 12,8 м, обычные сановники — высотой до 4,8 м.¹¹

Интересную работу по обобщению данных о погребальных обрядах в 40 первобытных обществах проделал Л. Бинфорд.¹² Он приводит таблицу соотношения погребального обряда и общественных факторов (табл. 4), из анализа которой становится совершенно

⁷ Wedgwood C. H. Op. cit., p. 383—387.

⁸ Народы Австралии и Океании, с. 476; Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 1955, с. 163.

⁹ Народы Австралии и Океании, с. 625; Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964, с. 195—196.

¹⁰ Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 199.

¹¹ Терехов Н. Н. Погребальные конструкции эпохи Хань. — СА, 1969, № 3, с. 44.

¹² Binford L. S. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential. — Mem. of the Soc. for Am. Archaeol., 1971, № 25, p. 22.

Погребальный обряд	Условия смерти	Место смерти	Возраст	Пол	Социальное положение	Социальные связи
Подготовка тела	—	—	—	—	2	—
Обработка тела	2	1	—	—	2	2
Расположение тела	2	1	3	—	2	1
Форма могилы	1	—	1	—	3	1
Ориентация могилы	—	—	—	3	—	9
Месторасположение могилы	3	—	7	—	8	15
Характер инвентаря	—	—	—	16	5	—
Количество инвентаря	—	—	—	—	9	—

Примечание. Цифры — количество случаев, когда отмечена зависимость погребального обряда от воздействующих на него факторов.

ясно, что именно социальное положение являлось переменной, наиболее результативно воздействующей на различные элементы погребального обряда. В целом следует признать, что в эпоху первобытного общества и в раннеклассовых образованиях явная связь погребального обряда и социальной структуры, а это открывает широкие возможности социологических реконструкций, основанных на данных, извлекаемых из древних могильников.

Вместе с тем на характер обряда влияют такие факторы, как условия и место смерти. Возможно, именно этим следует объяснять наличие в этнически однородном и социально слабо дифференцированном афанасьевском обществе одновременно и кремации, и ингумации.¹³ Б. Б. Пиотровский отмечал, что разнообразие способов захоронения, наблюдаемое в закавказских могильниках поздней бронзы, частично может быть связано с характером смерти погребенного, а не только с племенными особенностями.¹⁴ Однако и в этом случае социально значимые черты погребального обряда, как правило, сохраняли свое значение. На Фиджи при устойчивой традиции человеческих жертвоприношений даже в случае гибели вождя в море его жены подлежали умерщвлению.¹⁵ Учитывая многозначность рассматриваемого вида археологических источников, социальную интерпретацию погребальных обрядов необходимо осуществлять в пределах конкретных комплексов и культур, чтобы быть уверенным в наличии

¹³ Об афанасьевском погребальном обряде см.: Грязнов М. П., Вадцкая Э. Б. Афанасьевская культура. — В кн.: История Сибири. Т. I. Л., 1968, с. 159—161; Иванова Л. А. Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры Среднего Енисея. Автореф. канд. дис. Л., 1970.

¹⁴ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1947, с. 87.

¹⁵ Тейлор Э. Указ. соч., с. 281.

этнически замкнутой группы и общества определенно уровня благосостояния.

При первом ознакомлении с материалами по древним погребениям и могильникам, накопленными археологией, исследователя подавляет их обилие, разнообразие и поливариантность возможных интерпретаций. Он как бы погружается в море хаоса и неопределенности. Однако одной из главных задач исторических наук, в том числе и археологии, является установление общего в многообразии конкретного. При этом весьма важен не только единообразный подход, но и однозначные критерии количественных и качественных оценок; например, сопоставление погребальных сооружений и погребального инвентаря различных захоронений и некрополей можно производить в трудовых затратах, представляющих вполне объективные единицы. При установлении общих закономерностей важны массовые характерные явления, а не единичные находки, могущие носить случайный характер.

При изучении древних погребений и могильников могут быть получены данные как об организации общества, так и о его социальной стратификации. Рассмотрим кратко эти два направления. Анализируемый вид археологических источников содержит информацию об исторических общностях людей, таких, как семья, род, племя, большесемейная община, и в известной мере о патрилокальности или матрилокальности брака. Основными методическими приемами для извлечения соответствующей информации является исследование кладбищ в целом, коллективных гробниц и парных захоронений. При этом особенно существенна четкая разработка вопросов микрохронологии с целью установления функционирования данных единиц в течение ограниченного отрезка времени.

Появление кладбища как особой территории, предназначавшейся для неоднократных захоронений усопших, имеет, судя по всему, весьма древнюю традицию. С. Бинфорд отмечает, что для эпохи мустье известно 37 мустьерских погребений в 13 «местах захоронений» и 39 — в местах обитания.¹⁶ Как правило, эти «места захоронений» не удалены от территории самой стоянки. В палестинской пещере Мугарет эс-Схул на террасе перед входом было обнаружено 10 погребений.¹⁷ Материалы Пржедмоста, где в яме размером 4×2,5 м обнаружено 20 скелетов, в том числе 8 взрослых, указывают на упрочение традиции некрополей в период верхнего палеолита. Преднамеренно скорченное положение некоторых костяков едва ли подтверждает мнение о гибели жителей стоябища в результате эпидемии. Мезолити-

¹⁶ Binford S. R. A Structural Comparison of Disposal of the Dead in the Musterian and the Upper Paleolithic. — *Southwest. J. of Anthropol.*, 1968, v. 24, № 2, p. 124.

¹⁷ Garrod D., Bate D. *The Stone Age of Mount Carmel*. Oxford, 1937, p. 222—223.

ческие кладбища хорошо известны по материалам Эйяна,¹⁸ Эль-Вада¹⁹ и Шанидара,²⁰ где они территориально привязаны к поселениям, и по украинским материалам, где налицо отчетливая дислокальность.²¹ В датируемой азилом пещере Офнет в двух овальных углублениях найдены черепа — в одном случае 27 человек, в другом — 6. Среди погребенных 20 — дети и подростки, 9 — женщины и 4 — мужчины, причем последние лишены украшений, что, возможно, является отражением поло-возрастной дифференциации. Представляется, что существование палеолитических некрополей бесспорно указывает на наличие объединений, осознающих свое идеологическое единство и распространяющих его и на погребальные обряды. Судя по материалам Пржедмоста, к сожалению плохо документированным, это были охотничьи общины, чьи стоянки обычно изучаются археологами. Раскопки одной такой ашельской стоянки позволили определить количество членов охотничьей общины — 12—25 человек.²² Видимо, это и была та локальная группа, которая являлась основной организационной единицей в архаических обществах с доземледельческой экономикой.

Среди могильников неолитических охотников наряду с небольшими некрополями, более характерными для подвижного быта, известны также достаточно обширные кладбища, насчитывающие от 120 до 180 могил.²³ Палеодемографические расчеты показывают, что такие некрополи принадлежали коллективам, включавшим 40—50 взрослых членов.²⁴ Это были скорее общинные, чем племенные, могильники. Вероятно, аналогичные племенные кладбища следует искать среди могильников ранних кочевников, насчитывающих порой многие сотни курганов.

Материалы раскопок показывают, что весьма почтенную древность имеет и традиция коллективных погребений, причем под последними понимается могила или гробница, содержащая останки более чем двух взрослых людей. Практически уже верхнепалеолитический Пржедмост с захоронением в каменном кольце 20 усопших (кости от 6 из них, правда, не образуют полных ске-

¹⁸ Perrot J. Excavations at Eynan (Ain Mallaha). — IEJ, 1960, v. 10, № 1.

¹⁹ Garrod D., Bate D. Op. cit., p. 29—41.

²⁰ Solecki R. S. Prehistory in Shanider Valley. — Science, 1963, v. 139, № 3551, p. 182.

²¹ Даниленко В. М. Волошский эпипалеолитический могильник. — СЭ, 1955, № 3; Столяр А. Д. Могильник мезолитического времени у с. Васильевка на Днепре. — СА, 1957, № 2; Телогин Д. Я. Васильевский третий некрополь в Наддніпряжжі. — Археологія, Київ, 1961, т. XIII.

²² Lumley H. de Une cabane acheuléenne dans le grotte du Lazaret. Paris, 1969.

²³ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. — МИА, 1956, № 47; Столяр А. Д. Маршупольский могильник как исторический источник. — СА, 1955, т. XXIII.

²⁴ Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 36.

летов²⁵) демонстрирует древнейшие истоки подобной традиции. В натуфийском Эйнане X—IX тыс. до н. э. погребения в круглых каменных цистах обычно содержат останки 3 человек. Такая группировка может говорить о наличии малой семьи, если не более значительного объединения, стремившегося утвердить узы, связывающие членов объединения, и в погребальных установлениях. Недаром на натуфийском же кладбище у пещеры Эль-Вад наблюдается группировка погребенных по 3—7 захоронений. Однако коллективные погребения в эту эпоху эпизодичны и, как правило, сосуществуют с одиночными могилами, являющимися и наиболее типичными, и шире распространенными. Более устойчивым обряд коллективных захоронений становится в период существования раннеземледельческих культур, когда он широко представлен в Перу, в эгейском мире, на Ближнем Востоке, в Закавказье и в Средней Азии. Групповые захоронения известны в скотоводческо-земледельческих комплексах Афанасьева и у охотников и рыболовов днепро-донецкой культуры.²⁶ Число погребенных может колебаться от 3 до 36, как в закавказском Степанакерте,²⁷ и до 38, как на среднеазиатском Алтын-Депе.²⁸ В огромных усыпальницах древнего Перу погребалось от 30 до 50 человек.²⁹

Однако не может быть универсального решения в трактовке всех этих разнообразных памятников. Для опыта социологической реконструкции лучше всего подходят энеолитические памятники такого замкнутого историко-культурного региона, как Южный Туркменистан, где для антропологического материала сделаны поло-возрастные определения.³⁰ Здесь на поселении Геоксю раскопано 30 сырцовых гробниц, в которых обнаружены останки около 200 погребенных. В основном гробницы содержали останки 3—10 человек, хотя в двух находилось и свыше 10 скелетов. Уже такой количественный состав позволяет предполагать, что эти памятники были усыпальницами коллектива более значительного, чем малая семья. Учитывая этнографические материалы и данные письменных источников об общественной структуре поселений древнего Шумера, можно думать, что это мавзолеи большесемейных общин. Действительно, в трех погребальных камерах найдены скелеты очень пожилых людей, которых можно считать пра-родителями. В трех случаях, по данным одонтологии, антрополо-

²⁵ Clark G., Piggott S. Prehistoric Societies. London, 1965, p. 77.

²⁶ Телегин Д. Я. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место. — СА, 1966, № 1.

²⁷ Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 83.

²⁸ Массон В. М. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-Депе. — АО 1970 г., 1971, с. 430.

²⁹ Masson J. A. The Ancient Civilization of Peru. London, 1957, p. 61; Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972, с. 157.

³⁰ Сараниди В. И. 1) Геоксюрский некрополь. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965; 2) Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен. — УСА, 1972, в. 1.

гамы установлено наличие в одной камере кровных родственников. Данные погребального обряда коррелируют с материалами по жилым строениям Геокюра, где выделяются дома больше-семейных общин (см. выше, с. 120). Такое параллельное изучение вопроса по двум независимым источникам является надежной основой для определения степени достоверности социологических реконструкций. Не исключено, что геокюрские погребальные памятники содержат информацию и о более крупных общественных единицах, чем большесемейные общины. Так, сами погребальные камеры расположены группами: в одном случае из 4 толосов, в другом из 7.

Показательна и следующая черта геокюрских погребальных обрядов: наряду с коллективными гробницами здесь широко представлены одиночные могилы. Видимо, в этом сказалась консервативность и инертность идеологических представлений, в которых нашли лишь частичное воплощение изменения, происшедшие в обществе, где на первое место все более выдвигалась большесемейная община.

Это же обстоятельство необходимо учитывать при рассмотрении проблемы парных погребений, обстоятельно разработанной в советской археологии.³¹ Стремление похоронить в одной могиле двух людей бесспорно указывает на какую-то форму их близости. При разнополом захоронении наиболее логично заключение, что это члены парной или малой семьи, хотя такая общая формулировка и допускает различные толкования, проверить которые на археологическом материале — дело ко-
ррктного анализа.

Традиция парных погребений — как будто достаточно древняя. Некоторые исследователи полагают, что захоронение мужчины и женщины в мустьерском гроте Ла Ферраси с двумя детскими погребениями в ногах представляет собой семейную гробницу.³² При такой трактовке это служило бы еще одним указанием на древность парной семьи, о чем сейчас говорят многие исследователи,³³ но, строго говоря, в Ла Ферраси мы имеем не парное погребение, а две рядом расположенные могилы. Эпизодически парные захоронения встречаются и в верхнем палеолите (Барма Гранде, Сунгирь), и в мезолите (Мурзак-Коба), но как массовое и характерное явление они более показательны для эпохи ме-

³¹ Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах с окрашенными и скорченными костяками. — ПИДО, 1934, № 7—8; Итина М. А. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов. — СЭ, 1954, № 3; Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутах I в Западном Казахстане. — МИА, 1962, № 120, с. 90—119; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, 1950, № 18, с. 379—384.

³² Binford S. R. Op. cit., p. 144.

³³ Бибииков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования в палеолите. — СА, 1964, № 4.

талла. Единичные в оседлоземледельческих комплексах (Эриду,³⁴ некоторые гробницы Геоксюра, Амиранис-гора³⁵) парные захоронения привлекли особое внимание исследователей своей типичностью для скотоводческо-земледельческих культур степной зоны. Так, в Средней Азии они представлены и в древнейшем комплексе этого типа в Заман-Бабе,³⁶ и в разнокультурных памятниках второй половины II тыс. до н. э.³⁷ Наиболее фундаментальный разбор проблемы парных захоронений этого культурного круга дан В. С. Сорокиным на материалах западноандроновского могильника Тасты-Бутак, и новые материалы пока не внесли в нее сколько-нибудь существенных изменений.³⁸ М. И. Артамонов и А. П. Окладников полагали, что в парных разнополюх захоронениях мы имеем дело с насильственным умерщвлением жен или жен-наложниц, характерным для периода становления патриархальных отношений. Новые наблюдения, в том числе и сделанные на Тасты-Бутаке, показали, что захоронения в парных погребениях неодновременны и что при этом нередко первой погребалась женщина, вторым — мужчина. Вероятно, наиболее осторожным будет заключение о том, что распространение обычая парных погребений свидетельствует о большой роли малой, или индивидуальной, семьи, становящейся наиболее значимой ячейкой общества. Однако, так же как и в случае с большесемейными гробницами, парные захоронения не стали единственной и повсеместно господствующей формой обряда: количество одиночных могил в том же Тасты-Бутаке или Кокча 3 намного превышает число парных погребений. В. С. Сорокин высказал предположение, что это результат многоженства,³⁹ но скорее всего — ведущая тенденция эпохи не могла преодолеть инерции идеологических традиций. Обычай парных захоронений как повторяющееся явление в среде скотоводческо-земледельческих культур степей конца III—II тыс. до н. э. свидетельствовал о возрастающей роли малой семьи, утверждающей свою экономическую и идеологическую самостоятельность. Однако это отнюдь не вело к полной смене погребальных обрядов, консервативную устойчивость которых мы хорошо знаем и по нашему обществу. Насильственное умерщвление женщин, иногда так же представленное в парных погребениях, вообще не могло носить всеобщего характера, составляя своего рода привилегию знати.⁴⁰ По этнографическим

³⁴ Lloyd S., Safar F. Eridu. — Sumer, 1948, v. IV, № 2, p. 117.

³⁵ Чубинишвили Т. Н. Амиранис-гора. Тбилиси, 1963, с. 96—98.

³⁶ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, с. 184.

³⁷ Итипа М. А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча 3. — МХЭ, 1961, в. 5; Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА, 1968, № 145, с. 53.

³⁸ Сорокин В. С. Указ. соч., с. 90—119.

³⁹ Там же, с. 119.

⁴⁰ Там же, с. 117.

данным известно, что необходимость платы сородичам вдовы при ритуальном убийстве последней вводила в действие систему обрядов, заменяющих реальное погребение. В одних случаях вдова некоторое время должна была почевать на могиле мужа, в других — ее должны были нести на кладбище, имитируя совместное захоронение, после чего она благополучно возвращалась в дом умершего мужа.⁴¹

Всеми исследователями, рассматривавшими проблему о парных захоронениях, так или иначе затрагивался вопрос о патриархальных или матриархальных отношениях в обществе, оставившем эти интереснейшие памятники. К сожалению, советские археологи некоторое время уделяли излишне большое внимание попыткам решить данный вопрос, хотя в большинстве случаев исследуемые объекты не содержали соответствующей информации. В. С. Сорокин придавал большое значение расположению в парных погребениях тасты-бутацкого могильника мужчин на левом боку, а женщин — на правом. Он допускал, что, судя по этой особенности, Тасты-Бутак — кладбище рода с патриархальной системой брака, когда жен брали со стороны, из другого рода. В этнографических материалах, систематизированных Л. Бинфордом, не отмечено ни одного случая зависимости расположения тела усопшего от его половой принадлежности, хотя есть три случая зависимости ориентации от пола погребенного. В лесном неолите отмечены захоронения мужчин и женщин по антитезе, головами в разные стороны.⁴² Но это едва ли отражает что-либо большее, чем поло-возрастное разделение труда, так же как и различия в погребальном инвентаре женских и мужских могил, в равной мере ярко представленное по данным как археологии, так и этнографии (в таблице Л. Бинфорда отмечено 16 случаев зависимости состава инвентаря от пола погребенных). В принципе, вероятно, лишь строго логический анализ полностью раскопанных могильников с детально определенным поло-возрастным составом погребенных может способствовать решению на археологических материалах вопросов патрилокального или матрилокального брака, но соответствующая методика пока еще должным образом не отработана.

Несколько лучше обстоит дело с социальной дифференциацией общества, отражение которой повсеместно наблюдается археологами, изучающими древние погребения и могильники. Однако следует иметь в виду, что в обществах строгой социальной стратификации социальный ранг определялся происхождением, а не имущественным положением. Так, в чжоуском Китае насчитывалось 6 социальных слоев или рангов, внешние прерогативы которых — от характера одежды и цвета жилищ до погребальных сооружений — были строго регламентированы. При этом ремес-

⁴¹ И т и н а М. А. К вопросу... , с. 65.

⁴² Х л о б ы с т и н Л. П. Указ. соч., с. 39.

лённики и торговцы, имея наследственную профессию, по положению приравнивались к самому низшему рангу — простолюдинов. И когда происходил рост состоятельной прослойки купцов и ремесленников, им, несмотря на все богатства, запрещалось одеваться более парадно, чем это допускал их ранг.⁴³ В Индии обедневший член высшей касты нередко входил в огромные долги, а случалось — и в долговое рабство лишь бы совершить свадьбу или похороны в строгом соответствии с требованиями своей касты. Поэтому следует заключить, что погребальные обряды отражают именно социальное, а не имущественное положение усопших, хотя сама оценка дифференциации нередко дается по материальным критериям бедности и богатства. В методическом отношении соответствующий анализ на археологическом материале ведется по способу захоронения, составу инвентаря и типу погребального сооружения.

Прежде чем перейти к краткому обзору соответствующих материалов, необходимо сделать еще одно предварительное замечание. Дело заключается в том, что широко распространенное представление об аморфности и монотонности социальной структуры первобытного общества не отражает сложности, реально наблюдаемой в действительности. Например, даже в таком архаическом обществе ранних земледельцев, как папуасское, различаются вожди, знахари, общинники и «слуги», по происхождению, видимо, связанные с военнопленными. При этом интересен состав племени могеа: 100 вождей, около 3000 рядовых общинников и 250 «слуг».⁴⁴ На этапе интенсивного разложения первобытного строя в Меланезии устанавливается целая система иерархии вождей (мелкие главари родовых групп, военные предводители с личными слугами, крупные вожди-ростовщики).⁴⁵ Разумеется, сложная социальная структура первобытного общества отнюдь не означает еще наличия классовых отношений с их непримиримыми противоречиями. Однако эту сложность и многозначность обязательно следует иметь в виду при интерпретации археологических материалов.

Неудивительно, что различные формы общественной дифференциации, находящей отражение в погребальных обрядах, замечены уже в археологических материалах, характеризующих весьма архаические стадии развития. В древнейших погребениях каменного века, датируемых мустьерской эпохой, мы наблюдаем зарождение традиции помещать рядом с усопшим погребальный инвентарь, которая потом будет иметь столь большое значение для археологов, изучающих могильники. По сводке С. Бинфорд, это в основном либо части туш животных, либо каменные орудия.

⁴³ Крюков М. В. Указ. соч., с. 203, 226—229.

⁴⁴ Кабо В. Р. Становление классового общества у народов Океании. — НАА, 1966, № 2, с. 60.

⁴⁵ Там же, с. 61; Народы Австралии и Океании, с. 450.

В первом случае предпочтение отдавалось рогам, клыкам, бивням или челюстям с зубами.⁴⁶ Судя по такому составу, это не пища, а ритуальные подношения. В палестинской пещере Мугарет эс-Схул из 10 захоронений лишь в одной могиле, где был погребен пожилой человек, была найдена челюсть кабана.⁴⁷ Правда, редкость погребального инвентаря вообще является характерной особенностью мустьерских погребений Ближнего Востока, так что было бы преждевременно делать на основании этой находки какие-либо социологические заключения.

У охотников верхнего палеолита погребальный инвентарь, во всяком случае в приледниковой зоне, становится более разнообразным, наряду с орудиями труда нередко встречаются весьма многочисленные и своеобразные личные украшения: из раковин, зубов оленя или бивней мамонта. Известны случаи, когда пожилые люди погребались в одежде, богато украшенной нашитыми бляшками, на изготовление которых было затрачено немало времени и труда.⁴⁸ Находки многочисленных украшений и у детей показывают, что эта своего рода «дифференциация состоятельности» распространялась на группы, включавшие лиц разных поколений. Возможно, это была дифференциация не внутри охотничьих коллективов, а между различными общинами, оказавшимися в силу различных факторов более или менее обеспеченными и удачливыми. Во всяком случае показательно, что как взрослые, так и детские захоронения в районе стоянки Сунгирь отличаются обильным погребальным инвентарем.⁴⁹ Интересно, что захоронения детей содержат не только украшения, но и орудия труда и оружие, что, вероятно, указывает на их включение, во всяком случае потенциально, в группу лиц, участвующих в производстве с весьма раннего возраста. Достоверных случаев дифференциации по способам захоронения или по устройству могил в пределах замкнутых культурных групп на материалах верхнего палеолита пока не отмечено. По-видимому, одним из ранних примеров различий в размерах погребальных сооружений является могила в мезолитическом Эйнане, перекрытая большой каменной плитой и на этом основании иногда трактуемая как «погребение вождя».⁵⁰ В патуфийском эль-Ваде лишь у части погребенных имелись украшения из кости и раковин. Данные этнографии показывают, что у охотников и собирателей Австралии намечается дифференциация способов захоронения в зависимости от общественного по-

⁴⁶ Binford S. R. Op. cit., p. 143.

⁴⁷ Clark G., Piggott S. Op. cit., p. 62.

⁴⁸ Бадер О. Н. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь. — СА, 1967, № 3, с. 156. — По подсчетам С. А. Семенова на изготовление одних костяных бус из этого погребения было затрачено 2625 часов.

⁴⁹ Бадер О. Н. Вторая палеолитическая могила на Сунгире. — АО 1969 г., 1970, с. 41—43.

⁵⁰ Mellaart J. Earliest Civilizations of the Near East. London, 1965, p. 26.

Положение умерших	Отсутствие инвентаря	Виды инвентаря				Обкладка из камней
		украшения из кости и зубов			костяная скульптура	
		менее 100	от 100 до 200	более 200		
На боку						
На спине						
Вертикально						

Рис. 18. Выделение групп погребений по материалам могильника неолитических охотников и рыбаков. Олений остров на Онежском озере, IV тыс. до н. э.

1 — 2—10% в пределах группы; 2 — 11—30%; 3 — более 30%.

ложения погребяемого лица (мумификация вождей и выдающихся воинов).⁵¹

Черты таких социальных различий отчетливо проступают в обществах развитых охотников и рыбаков, как об этом свидетельствуют материалы лесного неолита севера Евразии. Здесь по инвентарю четко различаются погребения мужчин и женщин в соответствии с разделением труда по полу. Вместе с тем погребения, содержащие обильный инвентарь, обычно густо посыпаны охрой (различия в способе погребения) и занимают центральное положение в могильнике (социальная локализация).⁵² Так, в уже упоминавшемся Оленеостровском могильнике по способу захоронения выделяются три группы (рис. 18): погребения на спине (107 могил), погребения на боку (13) и вертикальные захоронения (4 могилы). Бесспорно особое положение захоронений третьей группы. Именно здесь наиболее многочисленны костяные бусы и подвески и такие уникальные предметы, как жезлы, увенчанные головой лося. Захоронения этой группы, как правило, имеют и каменную обкладку могилы. Скорее всего перед нами могилы представителей верхушки общества — вождей или шаманов-жрецов,⁵³ что, кстати, может объяснить и их малочисленность. Первая, наиболее многочисленная, группа погребений принадлежит, очевидно, основной массе членов охотничьей общины. Более сложен вопрос об интерпретации второй группы, где около половины могил лишены инвентаря, а способ труположения отличает их

⁵¹ Народы Австралии и Океании, с. 238.

⁵² Хлобыстин Л. П. Указ. соч., с. 37.

⁵³ Гурина Н. Н. Указ. соч., с. 202; Хлобыстин Л. П. Указ. соч., с. 38.

от первой группы. Может быть, это захоронения представителей какой-либо категории лиц ограниченного правового статуса, наподобие «слут» в новогвинейском обществе?

Таким образом, на материале погребальных обрядов общества неолитических охотников и рыболовов уже отчетливо выступает социальная дифференциация, проявляющаяся в количестве сопровождающего инвентаря и в разнице способов захоронения. За рождается обычай человеческих жертвоприношений и строгой локализации на кладбище лиц значимого общественного положения. Однако трудовые затраты на сооружение самих могил во всех случаях, отмечаемых археологией, не имеют ощутимых различий. Дифференциация общества улавливается в несложной системе (вожди-жрецы и рядовые общинники) без дробной социальной стратификации.

Надо сказать, что погребальные обряды обществ ранних земледельцев не обнаруживают даже такой степени отражения социальной дифференциации.⁵⁴ Могильники Чатал-Гуюка и Телль эс-Саввана сохраняют черты различия по инвентарю, в частности по орудиям труда, между захоронениями мужчин и женщин и отличаются наличием орудий в детских могилах. Общий рост благосостояния раннеземледельческих общин отразился в количестве и составе самого погребального инвентаря. В Телль эс-Савване, например, почти в каждой могиле находится несколько каменных сосудов и выточенных из камня женских фигурок. Однако в целом эти некрополи выглядят монотонно-однообразными как по способам захоронения, так и по составу сопровождающего инвентаря. Следует заключить, что социальная дифференциация общества, в наличии которой едва ли приходится сомневаться, не нашла еще отражения в погребальных обрядах, на которые влиял консерватизм идеологических представлений. Однако в дальнейшем раннеземледельческие некрополи уже несут отчетливые черты сложности общественного устройства, что прежде всего находит отражение в количественных различиях погребального инвентаря, помещаемого в могилы.

В Южной Туркмении значительное число погребений было раскопано на раннеземледельческом поселении Кара-Депе, где верхние слои датируются концом IV—началом III тыс. до н. э.⁵⁵ Погребальный инвентарь здесь сравнительно немногочислен и включает главным образом украшения и один-два сосуда. Судя по находкам в могилах костей от мясистых частей туш животных, сосуды также входили в состав заупокойных даров — в них нахо-

⁵⁴ Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180, с. 156—158; Mellaart J. Catal-Hüyük. London, 1967, p. 204—209; El-Wailly F., Abu-es-Souf B. The Excavations at Tell es-Sawwan. — Sumer, 1965, v. XXI, № 1—2, p. 25—28.

⁵⁵ Массон В. М. 1) Кара-Депе у Артыка. — ТЮТАКЭ, 1960, т. X, с. 409—420; 2) Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Депе. — СА, 1962, № 3, с. 162—163.

диплась жидкая или органическая пища. Каких-либо признаков систематического сопровождения усопших орудиями, необходимыми для трудовой деятельности в потустороннем мире, не отмечено. Таким образом, вероятно, размеры тризны, подобно высоте погребального костра в Меланезии, были связаны с социальным статусом погребенного. В этом отношении все кара-депинские могилы четко распадаются на три группы: без глиняных сосудов, с 1—3 сосудами и с 8 сосудами, как правило, украшенными богатой и нарядной росписью. Разумеется, могила с 8 сосудами резко выделяется из числа остальных. Это ее обособленное положение подчеркивается находкой уникального объекта — женской статуэтки, нигде больше в кара-депинских погребениях не встреченной.

В упоминавшемся выше Телль эс-Савване помещение статуэток в могилу, судя по многократной повторяемости, было составной частью самого погребального обряда и едва ли несло какие-либо особые социальные функции. На Кара-Депе единичность и необычность подобного объекта определяет именно его особое значение. Второе известное в Южном Туркменистане одиночное захоронение с женскими статуэтками, относящееся, правда, уже к эпохе бронзы, также отличается богатым и разнообразным инвентарем и условно было названо погребением жрицы.⁵⁶ Можно заключить, что подобные различия в погребальном инвентаре, в основном носящие количественный характер, отражают наличие в обществе Кара-Депе по крайней мере двух социальных прослоек. Не вполне ясен вопрос с погребениями, лишенными сосудов, т. е. без признаков жертвоприношения еды определенного вида. В литературе широко представлена тенденция относить все могилы, лишенные инвентаря, к числу погребений рабов.⁵⁷ Такое определение требует не только осторожности, но и строго дифференцированного подхода. На Кара-Депе безинвентарные могилы по ориентации и положению костяков ничем не отличаются от погребений с сосудами, что говорит об их принадлежности к одной этнокультурной традиции. Если погребенные в них лица и занимали низшую ступень в социальной иерархии, то принадлежали они к той же племенной группе, что и остальное население Кара-Депе (это либо коренные жители, либо инкорпорированные чужаки). На материалах Кара-Депе каких-либо улавливаемых археологией различий в способах погребения или в устройстве могил не наблюдается.

На следующем этапе развития мы наблюдаем в составе погребального инвентаря не только существенные количественные различия, но и качественные, появляются и становятся си-

⁵⁶ Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 170.

⁵⁷ Например: Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 209—210.

стематическими различия и в способе захоронения, и в погребальных сооружениях. Этот процесс хорошо прослеживается на примере кавказских могильников эпохи металла, где достаточно определено могут быть выделены погребения знати.⁵⁸ Намечается даже эволюция погребений этой группы на протяжении трех хронологических периодов.⁵⁹

Первый период — вторая половина III тыс. до н. э. — представлен на Северном Кавказе курганами майкопского типа,⁶⁰ а в Закавказье — курганными погребениями куро-аракской культуры.⁶¹ Уже размеры курганных насыпей, основание которых более 100 м, отделяют курганы Майкопа, Нальчика, Уч-Тепе и Бедени от рядовых захоронений. Насыпь кургана Уч-Тепе 3 достигала 40 000 м³. Столь же разительны отличия и в составе погребального инвентаря — оружие, изделия из драгоценных металлов, в том числе сосуда высокой художественной ценности, резко отличаются от погребального инвентаря массовых захоронений. Правда, в погребениях с обычным труположением такие различия еще отсутствуют, но находки в Бедени повозок, а также как будто первых свидетельств человеческих жертвоприношений или во всяком случае насильственных захоронений указывают на изменения, намечающиеся и в этой сфере.

Соответствующие памятники второго периода, занимающего в основном первую половину II тыс. до н. э., хорошо представлены курганами Триалети, Зуртакети, Кировакана и некоторыми другими.⁶² Насыпи этих курганов тоже очень велики, а под ними нередко находились монументальные каменные постройки с залами площадью до 150 м². Несмотря на разграбление могил, качественное изменение погребального инвентаря, включающего изделия из благородных металлов и дорогие произведения искусства, достаточно очевидно. Происходят изменения и в погребальном обряде: в отличие от продолжавшейся в рядовых могилах практики труположения в этих выдающихся гробницах скорее всего практиковался обряд кремации. Это указывает на устойчивое утверждение в идеологических представлениях, отражением которых является погребальный обряд, системы социальной стратификации. Качественные различия по всем основным показате-

⁵⁸ Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». — СА, 1950, т. XII, с. 196—197; Пиотровский Б. Б. Указ. соч., с. 44—47, 58, 88—89.

⁵⁹ Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 102—112.

⁶⁰ ОАК за 1897 г., 1900, с. 10; Чеченов И. М. Гробница эпохи ранней бронзы в Нальчике. — СА, 1970, № 2.

⁶¹ Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. — МИА, 1965, № 125; Гобеджишвили Г. Ф. Беденские курганы. — В кн.: Тез. докл. сессионных и пленарных заседаний. Тбилиси, 1971, с. 44—49.

⁶² Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси, 1941, с. 63—100; Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969.

лям позволяют видеть в курганах этого типа погребения вождей-предводителей, общинной знати, все более обособляющейся от основной массы соплеменников и утверждающей это обособление в погребальном ритуале. Интересно, что среди курганов с обрядом кремации выделяются по размерам насыпи три группы памятников: большие (диаметр насыпи 80—100 м), малые (диаметр 12—40 м) и рядовые (диаметр 4—5 м). Вполне вероятно, что наличие таких групп отражает определенную ступень иерархических отношений в среде самой племенной знати, подобную иерархии вождей, наблюдаемой в Меланезии.

Наконец, курганы третьего периода ориентировочно относятся ко второй половине II тыс. до н. э. и представлены в основном замечательными курганами Лчашена.⁶³ По размерам они несколько уступают наиболее крупным памятникам триалетского типа, но для сооружения их погребальных камер использовались массивные каменные плиты весом до 2,5 т. Устойчивое сохранение традиции погребения с повозкой, порой даже с несколькими, и обильный погребальный инвентарь (хотя и не всегда с золотыми предметами), так же как и отдельные человеческие жертвоприношения, указывают на особый статус погребенных, занимавших в лчашенском некрополе территориально обособленное положение.

Из специфических черт погребального обряда, наблюдаемого в гробницах вождей, особенно существенно наличие повозок в закавказских курганах. Как известно, четырехколесные повозки, запряженные быками, были составной частью инвентаря в царских гробницах Ура, датируемых XXVI в. до н. э.⁶⁴ Свидетельством широкого распространения подобного обряда в Шумере и Эламе являются находки повозок в богатых гробницах XXVIII—XXVII вв. до н. э. в Кише⁶⁵ и скелетов двух быков с погонщиками в убедительно реконструированном Г. Чайлдом погребении в Сузах.⁶⁶ Имеются в Сузах погребения и с остатками деревянных частей повозки.⁶⁷ Г. Чайлд даже полагал, что наличие повозок, которые он трактовал как своего рода военные колесницы, должно было символизировать «воплощение государства как силы принуждения в лице земного династа и юридически обосновать определение таких гробниц как „царских“».⁶⁸

⁶³ Мнацаканян А. О. 1) Лчашенские курганы. — КСИА, 1961, в. 85;

2) Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. — СА, 1960, № 2.

⁶⁴ Woolley L. C. — In: Ur Excavations. The Royal Cemetery II. London—Philadelphia, 1943.

⁶⁵ Watelin L. C., Langdon S. Excavations at Kish. IV. Paris, 1934, p. 30 sq.

⁶⁶ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 224—225.

⁶⁷ Piggott S. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. — PPS, 1968, v. 34, p. 272.

⁶⁸ Чайлд Г. Указ. соч., с. 232.

Естественно предположить воздействие погребального обряда, сложившегося в Месопотамии, на соседние народы и племена. Следует подчеркнуть, что речь идет отнюдь не о механическом перенесении погребальных обрядов. Правильнее говорить о том, что когда в Закавказье на основе внутренних процессов происходит усиление социальной дифференциации общества, а возвышение вождей находит отражение в погребальных обычаях, то отдельные черты обряда, подчеркивающие это социальное противостояние, могли быть заимствованы из уже сложившегося ритуала царских похорон в более развитых обществах. Древневосточная традиция помещения повозок в могилы знати как бы объединилась в Закавказье с северной, скотоводческой традицией возведения кургана в качестве погребального сооружения. Наличие в погребениях повозок скорее всего следует рассматривать как указание на социальный ранг усопшего.

Интересно, что погребения с повозками в эпоху бронзы получили широкое распространение в скотоводческих культурах степной зоны европейской части СССР. Ряд обстоятельств указывает, что и здесь соответствующий обряд также имел определенное социальное значение. Так, например, известный курган «Трех братьев» (рис. 19) отличался, подобно курганам Трпалети и Зуртакети, огромными размерами — 7 м высоты и 62—70 м в основании. В центральном погребении кургана имелись большой надмогильный жертвенник, в котором, кстати, находилась глиняная модель повозки, и остатки трех двухколесных повозок. Можно полностью согласиться с И. В. Сипициным, который писал, что погребенное здесь лицо «занимало особое положение в обществе». ⁶⁹ Скорее всего это был племенной вождь приволжской группы катакомбных племен. Интересно, что в могильнике этого времени в районе Элисты в одном кургане обнаружены погребения с повозкой, ⁷⁰ возможно, эта могила была фамильной усыпальницей знатной семьи. В последнее время появились матерьялы, свидетельствующие о том, что погребения с повозками имелись уже в памятниках древнеямной культуры, во всяком случае на поздних этапах ее развития. Таковы курган Сторожевая Могила, курган № 6 на р. Молочной и некоторые другие памятники. ⁷¹ Весьма существенно, что в первых двух случаях погребения содержали только остатки повозок, а какой-либо иной инвентарь отсутствовал. Об огромном кургане «Трех братьев» И. В. Сипицин также пишет, что «могильный же инвентарь при всей пышности погребального ритуала отличается бедностью как по количеству,

⁶⁹ Сипицин И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. — СА, 1948, т. X, с. 156.

⁷⁰ Сипицин И. В., Эрдниев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966, с. 31—37.

⁷¹ Тереножкин А. И. 1) Курган Сторожева Могила. — Археология, Київ, 1951, т. V; 2) Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г. — КСИИМК, 1956, в. 63, с. 71.

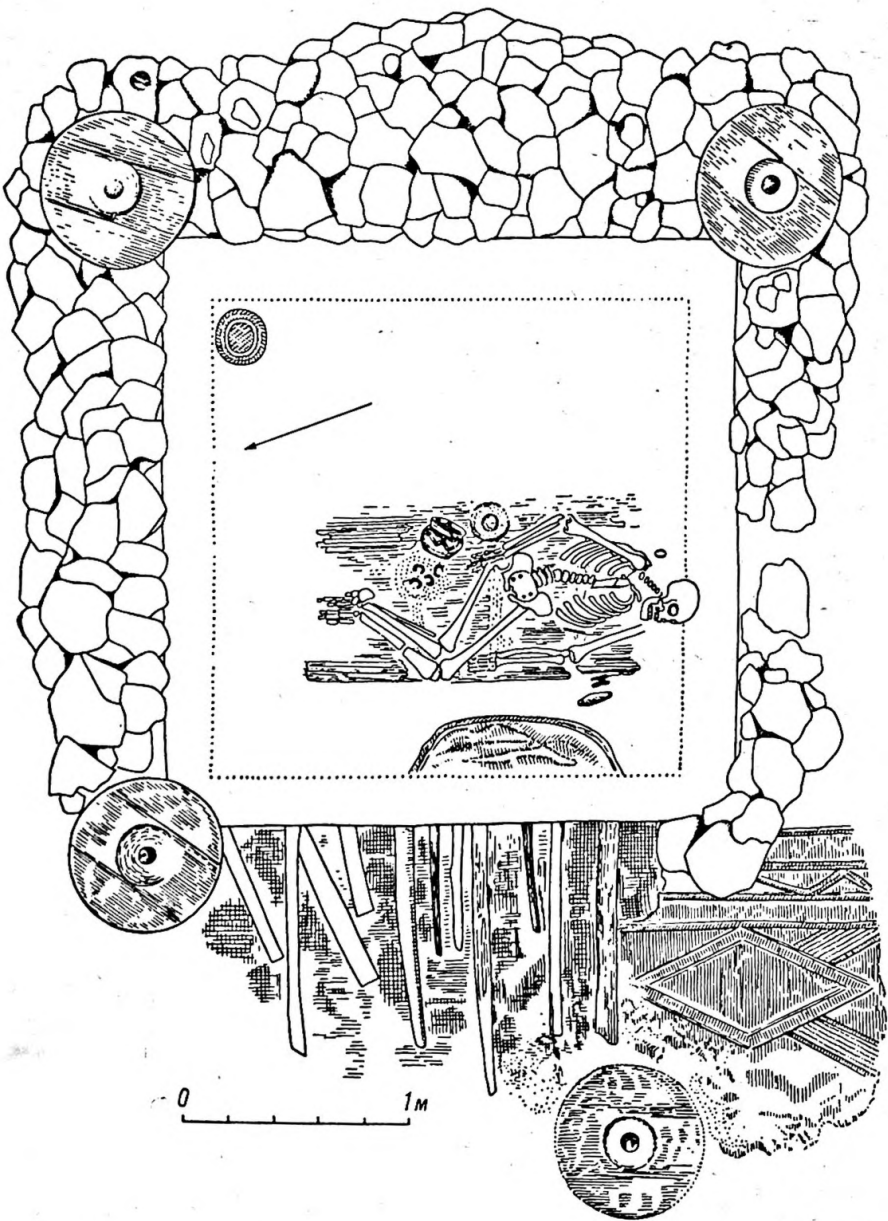

Рис. 19. План погребения с остатками повозки. Курган «Трех братьев». Поволжье, первая половина II тыс. до н. э.

так и по содержанию положенных предметов».⁷² Надо полагать, это объясняется слабым развитием имущественной дифференциации древнейших и катакомбных племен, намного уступающих по уровню благосостояния закавказским современникам. Правда, в условиях безлесной степи массивная деревянная повозка сама по себе представляла значительную материальную ценность. Но в целом обряд погребения с повозкой имел скорее всего социальное значение, свидетельствуя о выделении особой прослойки. Подобная картина наблюдалась в целом ряде некрополей Кавказа. В гробницах вождей, достаточно четко выделяющихся на материалах Кавказа, зарождается, как нам кажется, еще одна характерная черта погребальных обрядов, применяемых при захоронении лиц высшего социального ранга, — человеческие жертвоприношения. Этнографические материалы ярко характеризуют этот кровавый обычай, предусматривающий следование в потусторонний мир вслед за умершим вождем душ его ближайших сподвижников. Обряд этот глубоко укоренился, и, например, на Новых Гебридах прямо говорили, что если после смерти вождя никого не задушат, то все скажут — он не был вождем.⁷³ На Фиджи убивали жен вождя, его приближенных и низших слуг, которые рассматривались как «трава для выстилki могилы».⁷⁴ У военных царьков Африки подобные похороны нередко превращались в чудовищные бои. В таком обряде ярко отразилось социальное расслоение общества с наметавшимся противостоянием входящих в его состав социальных групп. Теперь за покойником уже следовали не только души незатейливых бус и камешных стрел, но и души людей обоего пола. Это позволяет говорить о распространении реальной или потенциальной власти погребенного на данных лиц еще в дозакробной жизни.

Вместе с тем, как писал М. И. Артамонов, можно отметить два вида убийств, связанных с захоронениями вождей, — убийство лиц, приближенных к особе усопшего, и случайных.⁷⁵ Нередко в жертву шли и посторонние люди, непароком оказавшиеся поблизости от кровавой тризны.⁷⁶ Иногда это были и военнопленные. Так, при кремации Патрокла было убито 12 троянцев.⁷⁷ В данном случае мы имеем дело с актом жертвоприношения, связанным с погребальной церемонией, со стремлением придать ей большую пышность и величественность. В Западной Африке в число жертв при похоронах царьков попадали главным образом осужденные преступники, сидевшие в тюрьмах.⁷⁸ Связь с соци-

⁷² Синицин И. В. Указ. соч., с. 145.

⁷³ Итйна М. А. К вопросу..., с. 68.

⁷⁴ Тейлор Э. Указ. соч., с. 281.

⁷⁵ Артамонов М. И. Общественный строй скифов. — Вестн. ЛГУ, 1947, № 9, с. 84.

⁷⁶ Тейлор Э. Указ. соч., с. 279.

⁷⁷ Илиада, XXIII, 175.

⁷⁸ Шаревская Б. И. Религия древнего Бенина. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма АН СССР, 1957, т. 1, с. 197—198.

альной структурой общества идет здесь уже по линии иной идеологической концепции. Масштабы жертвоприношений, так же как и сам факт их осуществления, указывают, подобно размерам погребального костра, на общественное положение лиц, в честь которых они совершались. Анализируя способ захоронения и сопровождающий инвентарь, можно заметить различия между человеческими жертвоприношениями двух вышеназванных типов.

В связи с этой особенностью погребального ритуала встает очень важный вопрос о разнице между погребениями знати и царскими могилами. Термин «царское погребение» нередко употребляется с излишней щедростью. Так, Д. Мелларт упорно именует царскими анатолийские захоронения в Дораке и Аладжа-Гуюке,⁷⁹ хотя в данном случае это заключение скорее волюнтаристично, чем строго научно. Такому положению в немалой степени способствует отсутствие строгого толкования соответствующих понятий в реконструктивном разделе археологии. Следует подчеркнуть, что речь должна идти именно об определении термина в системе археологической науки и исходя из ее конкретных материалов. С нашей точки зрения, царскими следует называть погребения лиц, занимавших высшее положение в социальной иерархии изучаемого общества, характеризующиеся наличием богатого инвентаря, массовых человеческих жертвоприношений и монументальностью сооружения.⁸⁰ Дальнейшей разработке подлежит определение количественных оценок этих критериев. Ориентировочные расчеты показывают, что трудовые затраты, необходимые для сооружения царских погребальных комплексов, по крайней мере в 50—100 раз превосходили трудовые затраты, нужные для выкапывания рядовых могил, выделяемых на основе массовой повторяемости. Весьма сложен вопрос о критериях богатства. До нахождения убедительных цифровых определений⁸¹ следует придавать особое значение не столько самому факту наличия в гробнице изделий из драгоценных металлов, сколько уникальности соответствующих изделий в массовом сопровождающем инвентаре данной культуры или археологического комплекса. Необходимо подчеркнуть важность сочетания всех трех признаков, предлагаемых для характеристики царских погребений, поскольку каждый из них, взятый в отдельности, может иметь свое место в гробницах иной категории, отражая либо социальную иерархию, либо хронологическое развитие. Так, достаточно пышная и трудоемкая майкопская гробница не имеет достоверных массовых человеческих жертвоприношений, а Дорак и Аладжа-Гуюк при всей эффективности погребального инвентаря отнюдь не отличаются монументальностью гробниц. Отсутствие человеческих жертвоприно-

⁷⁹ Mellaart J. *Anatolia circa 4000—2300 B. C.* Cambridge, 1962, p. 31.

⁸⁰ Массон В. М. Становление классового общества на Древнем Востоке. — ВИ, 1967, № 5, с. 86.

⁸¹ См., например: Курочкин Г. Н. «Богатство» усопших. — Памятники Туркменистана, 1970, № 1 (9).

шений вызывает сомнение в определении как царских микенских гробниц, во всяком случае круга «А».

В наиболее распространенном употреблении понятия «царь» и «царское погребение» являются историческими, а не археологическими категориями. Однако на уровне социологической реконструкции по данным археологии, когда соответствующие памятники отвечают предложенным выше критериям, их следует рассматривать как понятия социологической археологии. Наличие омонимов, как мы уже отмечали выше, не должно нас смущать при условии четкой разработки содержания понятия. Если для исследуемого региона отсутствуют сведения письменных источников, критерием достоверности реконструкции в данном случае будет повторяемость явлений в специфическом сочетании, особенно при наличии различных категорий памятников, например поселений и могильников. В других случаях свидетельства письменности убеждают нас в правильности предлагаемых заключений. Широко известны царские могилы Ура XXVI в. до н. э., представляющие собой сложные подземные архитектурные сооружения с великолепным набором уникальных предметов в составе инвентаря в человеческими жертвоприношениями от 5—6 до 70—80 человек (рис. 20). Здесь обнаружены печати с собственными именами погребенных и с титулом «луталь», который в отличие от титула «энси», в основном связанным со жреческими функциями, принадлежит правителю с большой полнотой власти, вероятно военной.⁸² Большие возможности для изучения социальной стратификации общества открывают материалы древнего Китая, включающие и письменные свидетельства, и раскопанные археологами могильники. В чжоуском могильнике Саньмынься (XII—IX вв. до н. э.) по характеру инвентаря четко выделяется шесть групп могил. В одной из могил первой группы, в которой, в частности, имелись 10 повозок и кости 20 лошадей, найден клевец с надписью: «Клевец Юань-ту, наследника (царства) Го». Этот титул принадлежит лицам второго социального ранга Китая, идущим сразу за верховными правителями — ванами.⁸³ Погребения ванов предшествующей эпохи хорошо известны по гробницам Аньяна, датируемым XIV—XII вв. до н. э.⁸⁴ При диаметральных этнокультурных различиях эти гробницы социологически представляют собой полный аналог царским могилам Ура. Здесь мы застаем и огромные погребальные камеры (площадь их 460 м², глубина до 13,5 м), на сооружение которых были затрачены огромные силы, и богатый уникальный инвентарь, и человеческие жертвоприношения (до 80 человек в одной могиле), и даже по-

⁸² Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, с. 122—126.

⁸³ Крюков М. В. Указ. соч., с. 202.

⁸⁴ Chang Kwang-chin. The Archaeology of Ancient China. New Haven, 1971, p. 218—219; Cheng Te-kun. Archaeology in China. II. Cambridge, 1960, p. 72—77.

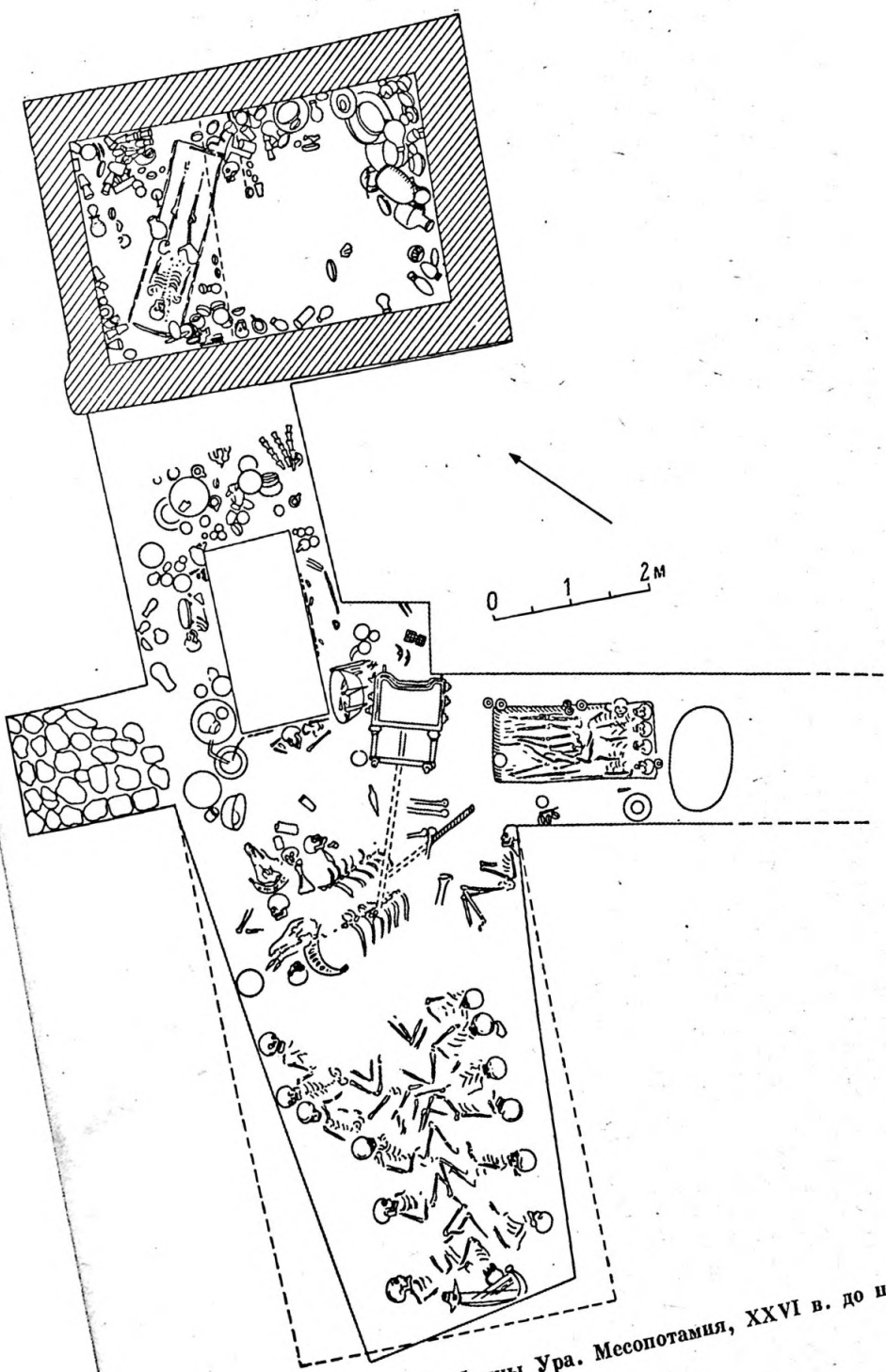

Рис. 20. План царской гробницы Ура. Месопотамия, XXVI в. до н. э.

возки, правда, запряженные не быками, а лошадьми (рис. 21). Поскольку центр одомашнивания лошади скорее всего находился в Восточной Европе,⁸⁵ может возникнуть вопрос — не оттуда ли заимствован и обычай погребения знатных лиц с колесницей, широко представленный, как мы видели, уже в ямной культуре. Однако, к сожалению, погребения такого типа пока не обнаружены на памятниках эпохи бронзы в Сибири, которая была естественным промежуточным пунктом в распространении лошади с запада на восток.

Исключительные, практически почти не использованные возможности изучения социальной структуры древних обществ открывают материалы эпохи так называемых ранних кочевников, или скифо-сакского круга. В сакских могильниках долины р. Или по размерам насыпи К. А. Акишев выделяет три социальные прослойки: погребенные в курганах диаметром 50—105 м, высотой 8—17 м; в курганах диаметром 30—45 м, высотой 5—6 м и в курганах диаметром 6—18 м, высотой 1—2 м. Первую социальную группу он условно именуется царями, вторую — племенной знатью, третью — рядовыми воинами.⁸⁶ К сожалению, полное ограбление курганов не позволяет проверить эту классификацию по другим показателям. Сходное трехчастное деление для памятников скифского времени на Алтае и в Туве предлагает А. Д. Грач, добавляя к размерам курганов данные о погребальном инвентаре.⁸⁷ К числу могильных памятников вождей племенных объединений, принадлежавших по этой иерархической схеме высшему рангу, он относит Пазырык и Башадар на Алтае и Улуг-Хорум в Туве. Правда, далее та же социальная группа именуется просто племенными вождями.⁸⁸

Выделение высшей группы в этой иерархической системе подчеркивается различиями не только в инвентаре, но и в способе захоронения — в Пазырыке тела усопших подвергались бальзамированию. Огромные затраты труда на постройку монументальных усыпальниц также не оставляют в этом сомнений. По подсчетам М. П. Грязнова на строительство Пазырыка I было затрачено около 2500—3000 чел.-дней (размер ямы 196 м³, каменной насыпи 1800 м³).⁸⁹ Однако количество человеческих жертвоприношений как в Пазырыке, так и в Башадаре весьма ограничено. Обычно там погребались мужчина и женщина, нередко даже в одной колоде. Существует предположение, что это наложница-музы-

⁸⁵ Воронцов Н. Н., Коробичина К. В., Надлер Ч. Ф., Хофман Р., Сапожников Г. Н., Горелов Ю. Г. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец. — Природа, 1972, № 3, с. 75.

⁸⁶ Акишев К. А. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.). — В кн.: Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 86.

⁸⁷ Грач А. Д. Алтай и Тува в скифское время. — В кн.: История Сибири. Т. I. Л., 1968, с. 228—230.

⁸⁸ Там же, с. 228—229.

⁸⁹ Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, с. 68.

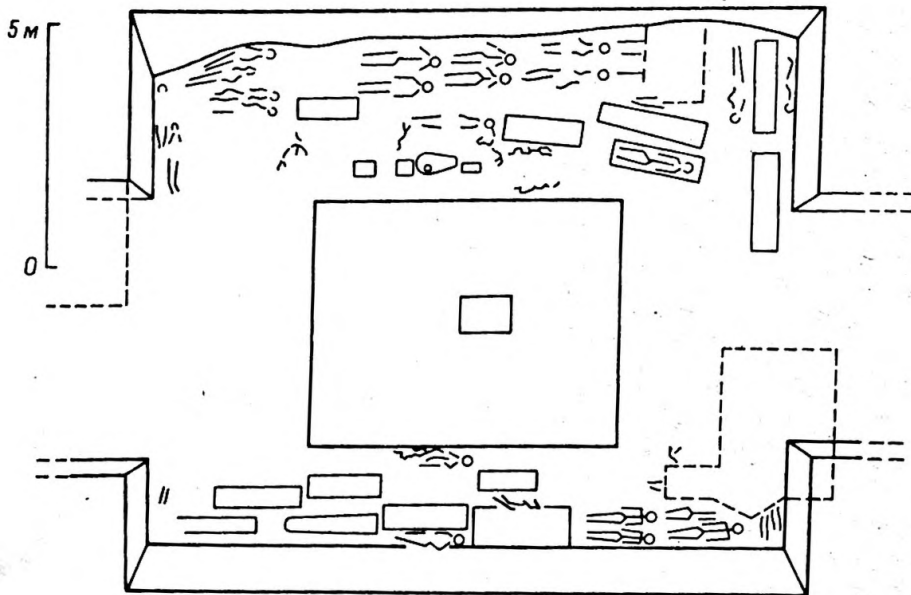
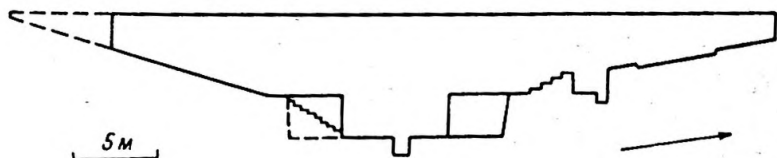
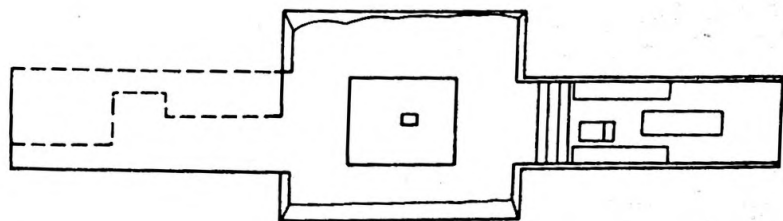

Рис. 21. Планы и разрезы гробницы иньского ваиа. Китай, XIV—XII вв. до н. э.

капша.⁹⁰ Как бы то ни было, мы не видим здесь черт, принципиально отличных от захоронений вождей в Майкопе и Триалети. Наоборот, погребенного в кургане Аржан в Туве, насколько можно судить по начавшимся раскопкам,⁹¹ следует отнести к тому рангу социальной иерархии, который был выше ранга племенных вождей. Сам курган представлял собой первоначально круглую каменную платформу диаметром 105 м, высотой 4—5 м, что, во всяком случае по одному из параметров, сближает его с «царскими» курганами в долине р. Или. В центральном срубе основное захоронение принадлежало как будто, подобно Пазырыку и Башадару, мужчине и женщине. Вместе с тем вдоль двух сторон сруба стояло 7 колод с мужчинами, одетыми в парадные одежды из шерстяных тканей и дорогих мехов с золотыми украшениями. Исследователи с полным правом — в пределах терминологии социологической археологии — отнесли эту гробницу по размеру к царским. Правда, по времени Аржан предшествует алтайским курганам, и можно было бы предположить, что в последних замечен процесс ограничения нерентабельных трат в погребальных церемониях (см. ниже, с. 176). Действительно, в раскопанной части Аржана, составляющей 15% всей площади, найдены остатки 84 коней, тогда как на Алтае их число обычно колеблется в пределах 2—14. Но на Алтае отсутствуют и заменители реальных коней — уздечки, что явно указывает на иные масштабы погребальных церемоний, предусматривавшихся рангом лиц. Таким образом, скорее всего можно говорить по крайней мере о четырехчленной системе социальной структуры общества ранних кочевников на Алтае и в Казахстане за счет более дробной иерархии в верхушке общества.

Аналогичная картина намечается и для раннекочевнического общества Восточной Европы. В последней сводке по этому вопросу, принадлежащей перу А. И. Тереножкина и В. А. Ильиной, определяются уже знакомые нам группы.⁹² Это могилы рядовых скифов — пеших воинов, могилы состоятельных скифов — конных воинов и могилы скифской знати, куда включаются все «золотые курганы» от Чертомлыка и Куль-Обы до Толстой Могилы у Орджоникидзе. Нерасчлененность группы скифской знати — один из существенных недостатков такой классификации. Современные исследователи проблемы общественного строя европейской Скифии зачастую ограничиваются рассмотрением свидетельств письменных источников, не подкрепляя их систематизированным анализом статистически обработанного огромного массового материала, который сейчас накоплен по скифским могильникам этого региона. Между тем, как показал Б. Н. Граков, идентичность по-

⁹⁰ Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, с. 242—243.

⁹¹ Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Аржан — царский курган раннескифского времени в Туве. — АО 1971 г., 1972, с. 243—245.

⁹² Археологія Української РСР. Т. II. Київ, 1971, с. 56—72.

гребального обряда в рядовых курганах и царских гробницах свидетельствует о наличии одного этнического массива,⁹³ что является важным предварительным условием реконструкции общественных отношений по данным могильников.

Геродот дает классическое описание погребального ритуала скифских царей: «...труп кладут в могилу на подставках, по обеим сторонам его втыкают колья, на них кладут доски и покрывают камышом, а в остальном пространстве могилы хоронят одну из наложниц, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, лошадей, по отборной штуке всякого рогатого скота и золотые фиалы (серебро и медь вовсе не употребляются), после всего этого они все вместе насыпают большой курган, стараясь сделать его как можно больше».⁹⁴ Через год после смерти царя, сообщает далее тот же автор, выбирают 50 слуг и 50 лошадей, убивают их и трупы, надетые на колья, придав им позы всадников, расставляют вокруг могилы. Фактически в этом описании содержатся все элементы, характеризующие царские гробницы раннеклассовых обществ: и большие трудовые затраты на их сооружение, и богатый инвентарь, и массовые человеческие жертвоприношения. Нам думается, нет никаких оснований растворять могилы скифских царей (термин βασιλευς у Геродота не вызывает сомнений) в общей массе «курганов скифской знати». К числу царских гробниц Скифии можно, например, без особых сомнений относить Чертомлык, где, по словам М. И. Артамонова, в числе насильственно погребенных представлены почти все лица, перечисленные Геродотом,⁹⁵ и раскопанную в 1971 г. Толстую Могилу, где, помимо основного погребения мужчины, жепщницы и ребенка, — видимо, членов царской семьи,⁹⁶ захоронено еще 8 человек, определяемых как конюхи, слуги и прислужницы.⁹⁷ Одиночные человеческие жертвоприношения могли иметь место и в могилах аристократии, стоявшей на следующей социальной ступеньке за царями, подобно тому как это было в иньском Китае. Обрядовой особенностью, объединявшей представителей высших социальных групп, являлось, надо полагать, и помещение в могилу колесниц в целом или в разобранном виде, находки которых известны и в европейской Скифии, и на Алтае. Не исключено, что в этом проявились отдаленные отголоски традиции, утвердившейся среди степных скотоводов еще в эпоху существования древнеямной культуры.

Сооружение царских гробниц в формирующихся или сложившихся раннеклассовых обществах было кульминационным пунк-

⁹³ Граков Б. Н. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. — Археол. сб., Л., 1964, № 6, с. 127.

⁹⁴ Геродот, IV, 71.

⁹⁵ Артамонов М. И. Общественный строй скифов, с. 83.

⁹⁶ Мозолевский Б. Н. Скифский царский курган Толстая Могила. — В кн.: Тез. докл. на пленуме, посв. итогам полевых исслед. в 1971 г. М., 1972, с. 7.

⁹⁷ Археологія Української РСР, с. 69—72.

том процесса нарастания пышности погребальных обрядов по мере развития в обществе острого социального неравенства. Только что возникшая царская власть утверждала и пропагандировала свое могущество через погребальные обряды с безоглядной расточительностью. Рано или поздно это возрастающее стремление обставлять захоронения царей все с большим великолепием должно было прийти в противоречие с более насущными интересами развивающегося общества. И такой кризис наступил. Царские погребения с их сложным ритуалом по сути дела были вершиной этой нерентабельной траты общественного достояния в виде материальных ценностей или такой важнейшей составной части производительных сил, как сам человек. Недаром Страбон с позиций строгого расчета и купеческого благоразумия осуждает жителей кавказской Албании за помещение в гробницы имуществва усопших, находя в этом причину их бедности (см. выше, с. 150). В развитых классовых обществах формы материального воплощения социального неравенства и противостояния все более приобретают земной характер. Постепенно исчезает обычай человеческих жертвоприношений, слуги и военнопленные используются более расчетливо и рационально. В Китае издается специальный указ, запрещающий убийство рабов при погребении знатных лиц. Эта тенденция порой выступает уже в обществах, где интенсивно идет хотя и не заверченный, но отчетливый процесс классовой дифференциации. Так, у алеутов в XVIII в. рабов во время похорон и поминок нередко не убивали, несмотря на наличие завещания усопшего. Как справедливо отмечает И. Вениаминов, это было прямым «следствием расчетов».⁹⁸ Заметные ограничения накладываются и на погребальный инвентарь. Общество пытается найти компромисс между традиционными установлениями и расчетливым практицизмом. Вступает в действие испытанная магическая формула — «часть вместо целого». В раннеклассовых погребениях вместо лошадей мы обнаруживаем лишь уздечки,⁹⁹ в погребениях скотоводов вместо быков — одни головы, тогда как сама туша находила, надо полагать, более достойное употребление. Дорогие вещи нередко подменяются простенькими имитациями.¹⁰⁰ Кончается неразумное детство раннеклассовых образований, наступает расчетливая зрелость. Сохраняется лишь традиция возведения престижных погребальных комплексов, доставившая нам многочисленные первоклассные памятники монументальной архитектуры.

⁹⁸ Цит. по: Ляпунова Р. Г. К вопросу об общественном строе алеутов середины XVIII в. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 226.

⁹⁹ Артамонов М. И. Общественный строй скифов, с. 78.

¹⁰⁰ Тейлор Э. Указ. соч., с. 298.

Охарактеризованные выше материалы позволяют наметить тенденции развития целого ряда составных элементов первобытно-общинной формации как макросистемы, объединяющей на высшем уровне экономические и общественные подсистемы. Разумеется, автор далек от мысли дать исчерпывающую картину развития человеческого общества. Комплексная реконструкция конкретно-исторического процесса развития различных обществ во всем локальном и историческом своеобразии — задача другого плана и другого построения исследования. В данном же случае речь может идти лишь о некоторых общих тенденциях-закономерностях, которые будут по-своему проявляться в различных конкретных обществах и оставленных ими археологических культурах. Поэтому мы остановимся лишь на трех группах вопросов: соотношения археологической и исторической периодизации; развитии социальных институтов в первобытную эпоху по материалам археологии; методике использования данных археологии при изучении процессов, ведущих к сложению раннеклассового общества.

В научной практике можно наблюдать случаи прямого совмещения археологической и исторической периодизации, причем издержками такого, часто неоправданного, совмещения нередко пользуются западные критики. Так, Г. Дениелом сделано немало острых замечаний по поводу «противоестественного брака» периодизации по стадиям дикости и варварства и по системе палеолит — мезолит — неолит — бронзовый — железный век.¹ Нам представляется, что нет реальных оснований для ниспровержения устойчивой традиции, термнологическое удобство которой подтверждено практикой. Более чем столетний опыт показывает, что схема каменный — бронзовый — железный век является удобной системой археологической классификации, отражающей хронологическое развитие. В ряде случаев выделяемые при такой классификации периоды совпадают с периодами исторического развития общества. Но такое совпадение наблюдается отнюдь не всегда, и поэтому при употреблении терминов «неолит» или «бронзовый век»

¹ Daniel G. The First Civilizations. London, 1968, p. 29—32.

в качестве элементов исторической периодизации необходимо особенно тщательно определять их содержание.

Вместе с тем первостепенное значение археологических материалов для изучения истории первобытного общества не вызывает сомнений. Как отмечал Н. А. Бутинов, археология, выявляя материал о состоянии производительных сил общества, «дает нам как бы каркас доклассовой истории, притом такой каркас охватывает существеннейшие стороны жизни, могущие служить критериями хозяйственно-культурного прогресса общества».² Как мы старались показать, археологический материал представляет определенную ценность и для суждения о социальной структуре древних обществ, оставивших соответствующие памятники.

Блестящим достижением исторической науки XIX в. было появление периодизации Энгельса—Моргана, основанной в первую очередь на прогрессе в производстве и воссоздающей яркую картину культурно-хозяйственной эволюции. Методологические принципы этой периодизации не только сохраняют свое значение в наше время, но и находят прямое признание в трудах исследователей, формально отмежевывающихся от марксистских позиций. Это касается прежде всего такого краеугольного положения всей периодизационной системы, как выделение двух различных эпох, названных соответственно дикостью и варварством. «Дикость, — писал Ф. Энгельс, — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности».³ Этой периодизацией, как известно, широко пользовался Г. Чайлд, и ее принципы, воспринятые при его посредничестве, были использованы Р. Брейдвудом, который также выделяет две основные эпохи — присвоения и производства пищи.⁴ Этот факт означает, что подлинно научное изучение первобытной истории возможно лишь на принципах исторического материализма, независимо от того, применяются эти принципы осознанно или к ним закономерным путем приводят исследователей объективный анализ реальных научных фактов.

Огромный новый археологический материал, практически не известный в эпоху Энгельса и Моргана, позволяет наметить в рамках этой общей периодизации этапы постепенного развития с более уточненными характеристиками, чем это было возможно на основе данных этнографии и частично лингвистики XIX в. Подобная попытка была предпринята Р. Брейдвудом, выделив-

² Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 112.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 33.

⁴ Braidwood R. J. The Near East and Foundations for Civilization. Oregon, 1952.

шим внутри двух основных эпох целый ряд этапов или субэр. Хорошо разработанная для времени формирования и первоначального развития земледельческо-скотоводческой экономики схема Брейдвуда для более ранних и для более поздних эпох страдает известным дидактизмом, не согласованным с анализом конкретных материалов. Так, целая серия разнообразных данных заставляet с осторожностью относиться к традиционному представлению о палеолитических охотниках как о непрерывно передвигающихся бродягах, и поэтому неоправдана брейдвудовская характеристика фазы ашельских охотников как «свободно кочующих», а мустьерских как обладающих элементами «ограниченного бродяжничества».⁵ Недостаточно внимания уделяется в схеме Брейдвуда процессу становления раннеклассового общества. Автором настоящих строк на материалах высокоразвитых культур Старого Света было предложено выделение трех периодов в эпохе от возникновения земледелия до возникновения классового общества.⁶ Эта периодизация была применена В. И. Гуляевым к материалам Мезоамерики⁷ и, как нам представляется, может быть использована и в настоящем изложении.

Эпоха становления человеческого общества, за последние годы удревнившего свою историю почти что вдвое, особенно трудна для исторических характеристик. Можно полагать, что она охватывала весь период олдувея — с 2 400 000 до 600 000 лет тому назад. В эту эпоху происходило формирование охоты как способа хозяйственной деятельности, становление изготовления орудий труда как особой отрасли производства, благоустройство стоянок как мест обитания. Нет особых сомнений в том, что перед нами материальное производство как основа функционирования принципиально нового явления на земле — человеческого общества. Огромные временные рамки этой эпохи свидетельствуют о крайне медленных темпах развития, что скорее всего было связано с простым воспроизводством как основой функционирования древнейшего общества. Расселение древнейших людей и освоение ими разных ландшафтных зон стимулировало выработку систем добычи пищи, дифференцированных в условиях конкретных экологических ниш. Олдувей — это начало и истоки длительной эпохи в истории человечества, связанной с присвоением пищевых продуктов, имеющихся в окружающей среде.

На протяжении этой эпохи, если исключить ее формативный период, можно выделить три больших периода культурно-хозяйственной эволюции, в той мере, в какой этот процесс нашел отражение в конкретных археологических материалах и фактах.

⁵ Braidwood R. J., Howe B. Southwestern Asia beyond the Lands of the Mediterranean Littoral. — VFPА, 1962, № 32 (Couses to Urban Life).

⁶ Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. — В кн.: VII Междунар. конгр. доист. и протост. Докл. и сообщ. археол. СССР. М., 1966.

⁷ Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972, с. 59.

Первый из них это время шелльских охотников, время существования охоты как специфического вида деятельности человеческого общества. Вооруженные деревянными рогатинами и избирательно добывающие крупных травоядных животных, охотники восполняли слабую техническую вооруженность коллективным характером охоты, первой формой кооперации. Эти виды производственной деятельности, судя по всему, способствовали развитию, хотя и в ограниченных пределах, расширенного воспроизводства, функционирующего одновременно и наряду с простым воспроизводством, причем эти две основные формы могли быть представленными и в разобленном виде — в двух соседящих коллективах. Второй период — время существования мустьерских охотников, уровень развития которых в свете новых открытий весьма высок, что подрывает традицию безоговорочной архаизации неандертальцев. Появление дистанционного оружия — копий и дротиков с кремневыми наконечниками — способствовало расцвету специализированной охоты, начинают применяться массовые облавы и загоны. Пещерные и открытые стойбища ярко характеризуют быт и деятельность этих охотничьих общин, осознающих свое идеологическое единство и распространяющих его на погребальные обряды, что нашло отражение в появлении кладбищ, территориально сопряженных с местами обитания. Последние разработки вопросов интеллектуальной деятельности мустьерского человека⁸ все более свидетельствуют в пользу того, что «этот культурный неандерталец» был подлинным творцом фундамента человеческой культуры.

Следует оговориться, что если выше только охота называется источником продуктов питания, то это обусловлено лишь характером имеющихся данных, почти не сохранивших свидетельств использования растительной пищи, в употреблении которой едва ли приходится сомневаться. Специфические природные условия различных зон и ряд других факторов, видимо, уже социального порядка проявляются в усложнении конкретной картины исторического развития, в ее специфике и своеобразии, а также в неравномерности темпов прогресса уже в этот период.

Третьим периодом является время деятельности верхнепалеолитических охотников с их развитым дистанционным оружием, регулярными и хорошо организованными облавными охотами, широко освещенными как в специальной, так и в общей литературе. Усложненная производственная деятельность, помимо изготовления разнообразных и совершенных орудий, включает и изготовление украшений, зарождается сырьевой обмен и обмен продуктами для личного потребления.

Характеризуя мезолит как своего рода переходный период между двумя эпохами, можно отметить расхождение археологи-

⁸ Столяр А. Д. «Натуральное творчество» неандертальца как основа генезиса искусства. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971.

чешской и исторической периодизации для различных территорий. В приледниковой зоне Европы в условиях экологического стресса высоко развитое охотничье хозяйство перестроилось применительно к новым условиям. На Ближнем Востоке и в эгейском мире происходит процесс поисков новых форм хозяйственной деятельности в условиях сохраняющегося господства экономики присвоения пищи. Если ориентироваться на передовые области общественного прогресса, представленные в данном случае переднеазиатским регионом, то время зарождения элементов производящей экономики в мезолите, время хозяйственных поисков, завершившихся сложением земледелия и скотоводства, можно рассматривать как заключительный этап периода высоко развитых охотников.

Кардинальные перемены, происшедшие в экономической базе с переходом к земледелию и скотоводству и повлекшие за собой столь же разительные перемены во всей культуре в целом, мы склонны вслед за многими исследователями рассматривать как коренной переворот, достаточно удачно передаваемый термином «неолитическая революция».⁹ Значение этих перемен, определяемых как кардинальный рубеж на грани двух эпох в периодизации Энгельса—Моргана, полностью подтверждается всеми новыми материалами. Земледелие и скотоводство как виды хозяйственной деятельности явились теми формами, в которых потенциально были заложены огромные возможности для расширенного воспроизводства и реализация которых привела в конечном итоге к сложению первых цивилизаций.

В развитии общества с земледельческо-скотоводческой экономикой также можно выделять три периода. Первый из них это период архаической экономики, когда элементы старого были еще довольно сильны в хозяйстве и особенно в культуре. Ведущими становятся земледелие и скотоводство, формы которых, однако, еще не приведены в гармоническое равновесие с производственной базой и природной средой. В частности, еще не выработаны окончательно специализированные виды орудий труда, а старые их формы используются в новой функции. Как правило, характерно экстенсивное развитие, идущее за счет освоения земледельцами и скотоводами территорий, на которых ранее не практиковались соответствующие формы хозяйственной деятельности. Возникает целый ряд производств, призванных обслуживать возросшие потребности общества, в том числе керамическое. Вскоре за керамическим, а иногда и почти одновременно с ним появляется обработка металлов, что приводит к дальнейшему усложнению технологии отдельных производств, носящих, правда, все еще децентрализованный, посемейный характер. Обмен сырьем и украшениями по-прежнему обусловлен природным разнообразием освоенных ландшафтов и культурным традиционализмом. Новые

⁹ Массон В. М. Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180.

формы хозяйства способствуют дальнейшему упрочению оседлости и росту населения. Увеличивается и число поселков и их абсолютные размеры, возникает первобытная фортификация.

Второй период — время сложившейся земледельческо-скотоводческой экономики, открывшей богатые возможности для всестороннего развития общества и культуры. В разных зонах формируются специфические системы земледелия и скотоводства, дающие в данной природной среде и при данном уровне развития орудий труда максимальную эффективность (земледелие поливное, подсечно-огневое, переложное, скотоводство отгонное, придомное и т. д.). Многоотраслевые хозяйства представляют собой зачастую довольно сложные экономические системы, производительность которых, несмотря на стихийный характер регуляции, порой была весьма высокой. Разнообразие и техническое совершенство различных производств приводит к сложению общинного ремесла, высокопрофессиональная продукция которого является подлинным украшением многих музейных собраний. Происходит локализация производственных центров на поселениях, отмечается жесткая связь мастера-ремесленника с орудиями труда (погребения ремесленников). Систематический обмен, в определенной мере связанный уже с экономическими и социальными факторами, приводит к развитию первобытных денег, к появлению торговцев-посредников.

Третий период по его наиболее характерной черте может быть назван периодом ремесел. Прибавочный продукт, получаемый в сфере производства продуктов питания, и в первую очередь в земледелии, способствовал все большему развитию непищевого сектора экономической системы. Технологическая сложность ремесел, использующих гончарный круг, керамические горны, литье в закрытых формах, требовала узкой профессиональной специализации и больших временных затрат на овладение профессией. Центрами такой деятельности становятся крупные мастерские и своеобразные «ремесленные кварталы» на поселениях, а иногда и небольшие поселения целиком. Развитие обмена приводит к зарождению товарного производства. Крупные поселения становятся местом сосредоточения интенсивной ремесленной и торговой деятельности, местом высокого развития всех форм культуры, знаменуя происходящий процесс урбанизации общества. Монументальные архитектурные строения — культовые или светские — являются своеобразными престижными стройками и символами формирующихся городов и всего периода в целом. Фактически этот период представляет собой время формирования экономического базиса и культурных основ раннеклассовых обществ.

Нельзя не заметить, что специфика конкретно-исторического развития в разной степени сказывается на реальном воплощении общих закономерностей. Так, вне зоны великих рек субтропиков Старого Света период сложившейся земледельческо-скотоводче-

ской экономики был весьма затяжным, а трипольское общество, как нам кажется, вообще не вышло за его рамки. В то время как в Сирии, Палестине, Малой Азии, Закавказье и в обширной зоне между Шумером и Индией наступление периода ремесел и завершающее его формирование цивилизации было стимулировано воздействием со стороны уже существующих высокоразвитых структур. Исследователю каждый раз необходимо иметь в виду это сочетание черт общего и особенного при общем закономерном поступательном процессе, который, впрочем, и сам был не лишен спадов и катаклизмов.

Вторая группа вопросов более сложна, чем эти первые заметки хозяйственно-культурной эволюции, поскольку она связана с проблемой реконструкции исторических общностей людей и социальных институтов тех древних обществ, которые известны нам исключительно по археологическим материалам.

Материалы об открытых или пещерных жилищах с очагами, бывших одновременно и базовыми лагерями, как будто говорят о наличии локальных групп по крайней мере уже в период шелля-ашеля. Хозяйственная функция коллективной охоты объединяла людей в охотничьи общины, символом единства которых было общее жилище с общим очагом. Практически такие же данные имеются и для характеристики общества мустьерского времени. Структура верхнепалеолитических поселений, состоящих из нескольких небольших жилищ, указывает на существование малой, или парной, семьи, своего рода исходной молекулы общественной системы, объединяемой в основную социальную ячейку — локальную группу или охотничью общину. Поселения и некрополи отражают разные стороны функционирования этого общественного организма. Наличие погребений с большим количеством разного рода украшений, возможно, указывает на усложненную внутреннюю структуру таких общин или на межобщинную «дифференциацию состоятельности». Как отражение повышающейся организационной роли общины следует рассматривать строения общественного назначения, появляющиеся на поселениях мезолитического времени, во всяком случае в наиболее передовой, ближневосточной зоне. Здесь же обнаружены погребальные сооружения, на возведение которых потребовались значительные трудовые затраты, что скорее всего было связано с особым положением в обществе усопших, удостоившихся подобного внимания. Теоретически следует предполагать существование в охотничьих общинах вождей со значительно более раннего времени, но реальные факты, свидетельствующие об этом, пока отсутствуют.

Эпоха присваивающей экономики, начавшаяся с грандиозных хозяйственных и культурных перемен, далеко не сразу привела к столь же значительным изменениям в сфере социальных отношений, хотя потенциально возможность таких перемен была заложена в самой сущности происшедшего экономического перево-

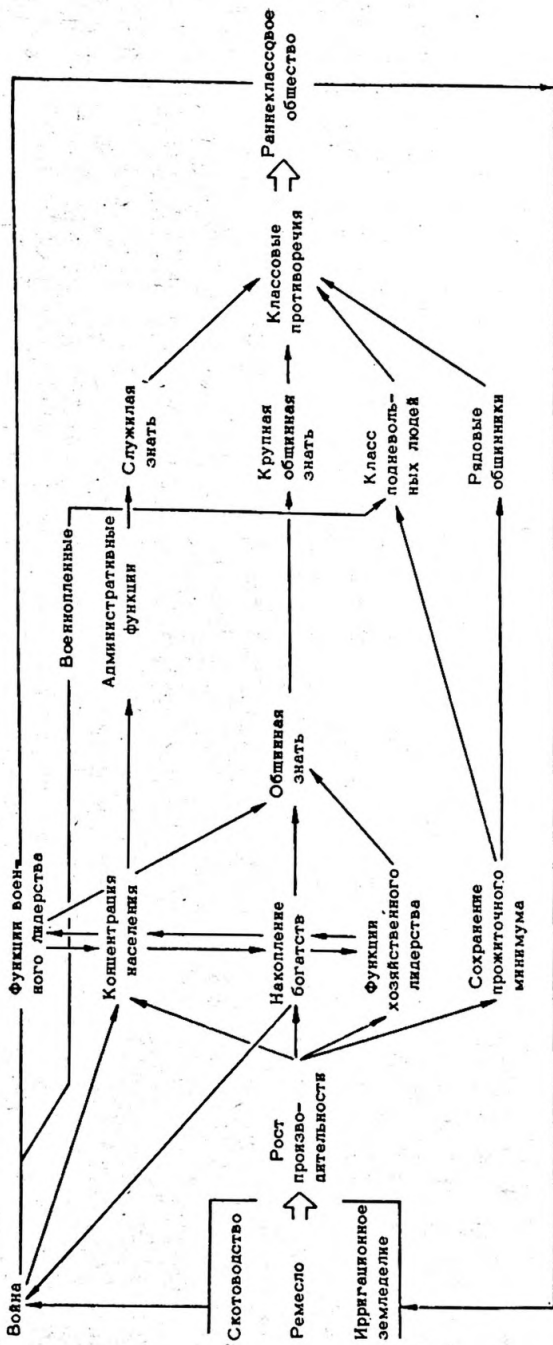

Рис. 22. Социологическая схема формирования раннеклассового общества.

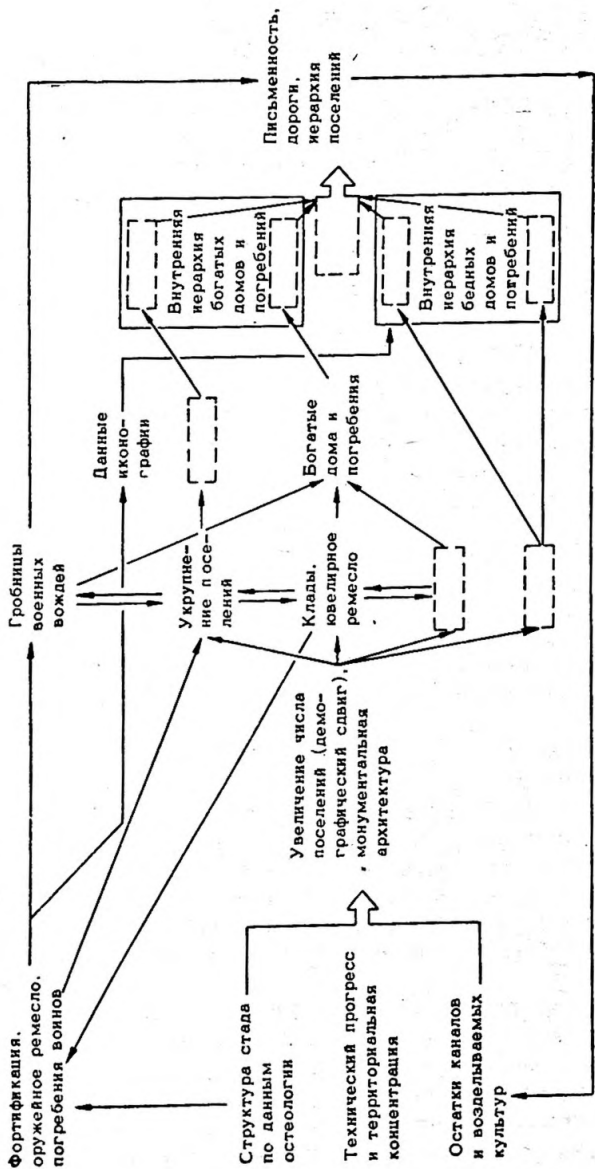

Рис. 23. Археологическая схема формирования раннеклассового общества.

рота. Небольшие дома раннеземледельческих поселений свидетельствуют о значительной роли малой семьи. Но вместе с тем увеличение значения простой кооперации в таком виде хозяйственной деятельности, как земледелие, повышает роль общины как единого целого. В этом отношении земледельческая община более устойчива и традиционна, чем локальные группы охотников, легко меняющие свои размеры, зачастую в зависимости от хозяйственных сезонов. Важным составным элементом поселений, мест обитания земледельческих общин, становятся святилища — символ организационного и идеологического единства.

Эта несколько монотонная картина начинает резко меняться в период уже сложившейся земледельческо-скотоводческой экономики. Многокомнатные дома и коллективные гробницы указывают на значительную роль большесемейных общин, состоявших из малых семей и в свою очередь являвшихся составным элементом крупных населенных центров. Социальная дифференциация общества находит отражение в количественных различиях погребального инвентаря и частично в погребальных обрядах. Иерархия поселений повторяет иерархическую структуру крупных общественных единиц, проявляющуюся в кустовом расселении, с центральным поселком в каждом из оазисов. Период развития ремесел приносит все новые свидетельства социальной дифференциации и усложнения внутренней структуры общества. Сложная система социальных рангов проявляется в погребальных обрядах, способах захоронения, качественных особенностях погребального инвентаря, а также в различиях между хозяйственно-жилыми комплексами внутри поселений. Завершает иерархическую систему поселений появление городских центров.

Необходимо отметить, что вопрос об общественных единицах, более крупных, чем локальная группа или община, в литературе, особенно для доземледельческой эпохи, часто решается на основании использования такого вида археологических понятий, как культура или культурная общность. Наличие последних трактуется как свидетельство существования отдельных племен или целых племенных групп. Поскольку в данной работе соответствующая археологическая категория специально не рассматривается, опускаем и вопросы ее возможной социологической интерпретации.¹⁰

Третья группа вопросов, на которой мы хотели в заключение остановиться, связана уже с формированием того качественно нового явления, завершающего развитие первобытнообщинной формации, каким было сложение раннеклассового общества.

Изучение процесса формирования и специфических особенностей древнейших (или первичных) раннеклассовых обществ в силу характера имеющихся источников во многом связано с методи-

¹⁰ Ср.: Массон В. М. Понятие культура в археологической систематике.— История материальной культуры Узбекистана, Ташкент, 1974, в. 11.

ческой проблемой исторической интерпретации данных археологии. При характеристике социальной структуры мы опираемся на исследования И. М. Дьяконова, разработавшего этот вопрос наиболее полно и всесторонне именно для первичных раннеклассовых обществ.¹¹ Поскольку в Передней Азии эти общества были связаны с поливным или ирригационным земледелием, именно такой вид хозяйственной системы, направленной на получение продуктов питания, мы включили в логическую модель (рис. 22). Как показывает рассмотрение имеющихся материалов, ряд составных элементов этой модели находит достаточно конкретное отражение в материалах археологии и должен быть реконструирован на основании соответствующих данных, будь это восстановленная путем предложенной выше процедуры система древнего земледелия или изображения военнопленных в иконографии (рис. 23). Представляется, что при таком подходе можно будет достаточно обоснованно изучить процесс формирования раннеклассового общества, знаменовавшего появление первой антагонистической формации в истории человечества.

¹¹ Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — ВДИ, 1968, № 4.

- АО — Археологические открытия. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВФ — Вопросы философии. М.
ИАН МССР — Известия Академии наук Молдавской ССР. Кишинев.
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР. М.
ИАН ТССР — Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ИАН ЭССР — Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин.
ИГАИМК — Известия Государственной академии материальной культуры. Л.
КД — Каракумские древности. Ашхабад.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.—Л.
МАР — Материалы по археологии России. СПб.—Пгр.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
МОИП — Московское общество естествоиспытателей природы.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НАА — Народы Азии и Африки. М.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии. СПб.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.—Л.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии материальной культуры. Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР. М.—Л.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
АА — American Antiquity. Menasha—Salt Lake City.
AS — Anatolian Studies. London.
BAE — Bureau of American Ethnology. Bulletin. Washington.

- IEJ — Israel Exploration Journal. Ierusalem.
- JNES — Journal of the Near Eastern Studies. Chicago.
- MSU — Man, Settlement and Urbanism. London, 1972.
- OIP — Oriental Institute Publication. The Oriental Institute. University of Chicago. Chicago.
- PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. London.
- VFPA — Viking Fund Publications. New York.

	Стр.
<i>Введение</i>	3
Советская археология и задачи изучения хозяйства и общественных отношений древних обществ.	
<i>Глава 1. Социологические исследования в археологии</i>	5
Предмет и объект археологической науки. Неопозитивистские влияния в современной буржуазной археологии. Концепция «доистории» И. Рауза. Взгляды «группы Бинфорда». Место социологических исследований в структуре археологии.	
<i>Глава 2. Добыча и производство продуктов питания</i>	21
Системный подход к изучению хозяйства древних обществ. Зарождение охотничьей деятельности. Охота ашельской эпохи. Верхнепалеолитические охотники Восточной Европы. Вопрос о величине охотничьей территории. Древнейшие скотоводы Ближнего Востока и формирование типов скотоводческого хозяйства. Сложение кочевого хозяйства. Методика изучения древних земледельческих систем. Значение пахотных орудий.	
<i>Глава 3. Древние промыслы и ремесла</i>	58
Критерии ремесленных и домашних производств и методика их изучения по данным археологии. Домашние производства доземледельческих обществ. Ранние земледельцы и формирование общинного ремесла. Технологические предпосылки и отделение ремесла от земледелия. Территориальное обособление ремесел, развитие торговли.	
<i>Глава 4. Обмен, торговля, первобытные деньги</i>	73
Предпосылки развития обмена. Сырьевой обмен и обмен украшениями. Obsidian на Ближнем Востоке. Формы развития обмена в древнейших обществах. Обмен у раннеземледельческих племен. Первобытные деньги и их политэкономическая характеристика. Перерастание обмена в торговлю, роль металлургии и социальных факторов. Торговля раннеклассовых обществ.	
<i>Глава 5. Вопросы палеодемографии и палеоэкономики</i>	95
Системный подход к изучению экономики древних обществ. Палеодемографические оценки на основе данных археологии. Опыт восстановления экономики неолитических земледельцев по материалам Джейтуна. Ирригационные сооружения и тру-	

довые затраты. Монументальная архитектура и производственные возможности древних обществ.

Глава 6. Планировка жилищ и вопросы общественной эволюции 110

Жилище, его функции и социальная обусловленность. Древнейшие жилища нижнего палеолита. Жилища верхнепалеолитических охотников. Древнейшие земледельцы и появление сырцово-архитектуры. Эволюция домов и ее связь с общественным развитием у ранних земледельцев Южного Туркменистана. Дифференциация общества и ее отражение в типах жилищ. Жилища ранних земледельцев Европы.

Глава 7. От охотничьих стоянок к древним городам 125

Поселение как система и отражение в нем социальной ппформации. Понятие «поселение» в археологических материалах. Верхнепалеолитические поселения Восточной Европы. Поселки мезолитических и неолитических охотников. Раннеземледельческие памятники и сложение иерархической структуры поселений. Общинные святилища и первобытная фортификация. Формирование городов. Структурные изменения города как поселения на примере Алтын-Депе.

Глава 8. Погребальные обряды и социальная стратификация древних обществ 149

Погребальные памятники и информация об общественных отношениях оставивших их обществ. Погребения и могильники и данные об общественных единицах. Кладбища, коллективные захоронения, парные могилы. Погребальный обряд и вопросы социальной дифференциации древних обществ. Погребения и могильники каменного века. Погребения знати по данным древнекавказских могильников. Вопрос об иерархических рангах в среде знати. Погребения с повозкой как показатель социального ранга. Вопрос о царских захоронениях и их признаках. Социальная структура раннекочевнических обществ и ее отражение в погребальных памятниках.

Заключение 177

Археологическая и историческая периодизации. Система Энгельса—Моргана как образец исторической периодизации. Изучение древних хозяйственных и социальных систем по материалам археологии. Процессы, ведущие к формированию раннеклассового общества.

Вадим Михайлович Массон

**Экономика
и социальный строй
древних обществ**
(в свете данных археологии)

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства В. Т. Бочевер
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор О. А. Мокеева
Корректоры Ж. Д. Андропова
и Л. М. Бова

Сдано в набор 20 XI 1975 г. Подписано к печати
20/II 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2.
Печ. л. 12 + 1 вкл. (2/8 печ. л.)=12,37 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 12,57. Изд. № 5908
Тип. зак. № 781. М-14662. Тираж 3450. Цена 79 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская ли-
ния, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

This book deals with the problem of objective laws governing the development of economy and of social organisation in the past societies (from Old Stone Ages to the first Civilisation). The author traces the history of hunting, stock-breeding, agriculture, crafts and trade. Of exceptional interest are chapters devoted to the development of settlement pattern and to the functions of the first cities. A special part of the book deals with the problems related to the social differentiation of burial customs, to the appearance of royal tombs and of common graves. The book is based on the most recent archaeological data and addressed to archaeologists, historians and economists.